

Разказы изъ недавней старины.

М. В. Велинскій ¹⁾, служившій въ собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи чиновникомъ IV класса, получилъ однажды записку отъ министра внутреннихъ дѣлъ, въ которой спрашивалось о днѣ высочайшаго приѣма для прибывшихъ въ Петербургъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей. На запискѣ этой рукою Николая Павловича была сдѣлана отмѣтка: «завтра, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ». (Государь и дворъ въ это время имѣли пребываніе въ Петергофѣ). Повелѣніе это было передано Велинскимъ министру. Но затѣмъ Велинскій сообразилъ, что въ слѣдующій день приходилась Суббота, а приѣмы губернаторовъ и предводителей (какъ онъ замѣтилъ) назначались всегда Государемъ по Воскресеньямъ, и потому онъ далъ знать министру, что «Государю Императору благоугодно назначить приѣмъ не завтра, а послѣ завтра, въ Воскресенье, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ». вмѣстѣ съ тѣмъ въ портфель Государю Велинскій вложилъ записку слѣдующаго содержанія: «В. И. В. изволили назначить приѣмъ (такихъ-то) губернаторовъ и губернскихъ предводителей завтра, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Принимая во вниманіе, что въ теченіи моей пятнадцатилѣтней службы не было примѣра назначенія Вашимъ Величествомъ приѣма губернаторовъ и губернскихъ предводителей въ Субботу, а всегда въ Воскресенье, и полагая, не произошло ли здѣсь ошибки въ дняхъ, я извѣстилъ министра внутреннихъ дѣлъ о назначеніи приѣма въ Воскресенье, въ 12 часовъ, въ Зимнемъ дворцѣ. Если же я сдѣлалъ ошибку, всеподданнѣйше прошу В. И. В. во меня простить». На другой день, въ Субботу, Государь прибылъ въ Зимній дворецъ, что сдѣлало для Велинскаго предположеніе собственной ошибки болѣе вѣроятнымъ. Въ двѣнадцатомъ часу онъ посылаетъ во дворецъ своего курьера; но проходитъ часъ, другой, — курьеръ не возвращается. Велинскій остается въ самой томительной неизвѣстности, почти не отходитъ

¹⁾ Тайный совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Велинскій, Черниговскій помѣщикъ, былъ впослѣдствіи вице-директоромъ и директоромъ Инспекторскаго Департамента гражданскаго вѣдомства. Это тотъ Велинскій, у котораго на рукахъ, во время пожара въ Зимнемъ дворцѣ, былъ домашній архивъ Государя и капиталъ въ 5 милліоновъ рублей. Послѣ пожара на вопросъ Государя: «что, Велинскій, все сгорѣло?» Велинскій имѣлъ счастье, къ удовольствію Государя, отвѣчать: «все цѣло, Ваше Величество». Онъ лично самъ все спасъ.

отъ окна. Въ половинѣ третьяго пріѣхали курьеры и его, и дворцовый съ портфелемъ. Велинскій, трепещущій, высыпаетъ нетерпѣливо изъ портфеля всѣ бумаги и находитъ между ними свою записку съ надписью Государя карандашемъ: «А я и забылъ, что сегодня Суббота». Велинскій поцѣловалъ эту надпись, а записку сохранилъ на память.

Этотъ случай, какъ увидимъ, послужилъ въ пользу Велинскому. Когда учрежденъ былъ Инспекторскій Департаментъ гражданского вѣдомства, и статсъ-секретарь Танѣевъ представилъ на благоусмотрѣніе Государя—назначить вице-директоромъ Велинскаго, Государь ему сказалъ: «Ты хочешь разскасировать мою канцелярію? Къ Велинскому я привыкъ, и онъ изучилъ мои привычки».

Однако Государь уступилъ представленію Танѣева, и Велинскій былъ назначенъ вице-директоромъ.

Когда личный составъ вновь учрежденнаго департамента представлялся Государю, онъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Я хочу возвысить гражданскую службу, какъ возвысилъ военную. Я хочу знать всѣхъ моихъ чиновниковъ, какъ я знаю всѣхъ офицеровъ моей арміи. У насъ чиновниковъ болѣе, чѣмъ требуется для успѣха службы; я хочу, чтобы штатъ чиновниковъ отвѣчалъ дѣйствительной потребности, какъ, напримѣръ, въ моей канцеляріи. У насъ есть много честныхъ тружениковъ, кои несутъ всю тягость службы, не пользуясь ея преимуществами; между тѣмъ есть такіе, кои, пользуясь службою другихъ, получаютъ всѣ преимущества по службѣ. Я не хочу, чтобы было такъ!» Всѣ поклонились, а Велинскій присовокупилъ: «Постараемся исполнить волю Вашего Величества». Государь, взглянувъ на него, произнесъ задумчивымъ тономъ: «Что тутъ моя воля? Тутъ надо думать о благѣ общему!»

Служба въ собственной Е. И. В. Канцеляріи была такова, что Велинскому пришлось прожить тяжкіе два года, въ теченіи коихъ онъ видѣлъ дѣтей своихъ только спящими: онъ возвращался домой, когда дѣти спали, обходилъ ихъ кровати, осѣняя спящихъ крестнымъ знаменіемъ; уѣзжалъ же онъ, когда дѣти еще не вставали, и тѣмъ же порядкомъ съ ними прощался. Праздниковъ для него не существовало. Усердіе Велинскаго не укрылось отъ Государя, и Его Величество, говорятъ, указывалъ на него какъ на примѣрнаго или, вѣрнѣе сказать, безпримѣрнаго труженика. Однако служба эта отозвалась на здоровьи Велинскаго: онъ получилъ нервное трясеніе въ рукахъ и ногахъ, вслѣдствіе чего не могъ ходить безъ посторонней помощи, а потому долженъ былъ подать въ отставку. Въмѣсто отставки онъ получилъ отпускъ для излеченія и денежное пособіе. Не получая облегченія, Велинскій неоднократно возобновлялъ ходатайство объ увольненіи отъ службы, но вмѣсто отставки, получалъ, какъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, такъ и при благополучно нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, отсрочку отпуска. Такимъ образомъ онъ два, если не три, года считался въ отпуску съ сохраненіемъ полного содержанія. Наконецъ, по настоятельной его просьбѣ, онъ уволенъ былъ въ отставку въ 1855 году съ пенсіономъ въ 5500

рублей, а въ слѣдующемъ году, во время коронаціи, о немъ вспомнилъ Государь Императоръ и изволилъ, оставному уже, прислать Владимірскую звѣзду.

*

Не припомню въ которомъ году, не припомню и именъ дѣйствующихъ лицъ (въ этомъ, полагаю, не заключается особой важности) былъ слѣдующій замѣчательный случай. Одинъ молодой человѣкъ, чиновникъ, получавшій отъ отца по 50 рублей 1-го числа каждого мѣсяца, возымѣлъ крайнюю нужду въ такой суммѣ (кажется, вслѣдствіе карточного проигрыша). Отецъ его былъ человѣкъ аккуратный до странности: сынъ и наканунѣ 1-го числа никогда не имѣлъ права просить у него назначеннаго ему мѣсячнаго содержанія. Не рассчитывая на отца (Петербургскія же улицы не украшались еще тогда вывѣсками «ссуда подъ залогъ»), молодой человѣкъ поспѣшилъ къ своему пріятелю, офицеру, у котораго всегда были свободныя деньги. Не заставъ его, онъ идетъ прямо въ спальню и въ знакомомъ ему мѣстѣ, гдѣ тотъ клалъ деньги, никогда не запирая, взялъ 50 рублей, рассчитывая ему сказать при свиданіи. Между тѣмъ пріятель-офицеръ, возвратясь домой и не досчитавшись денегъ, заявилъ о томъ полиціи. При допросѣ, деньщикъ, утверждая, что онъ денегъ не бралъ, указалъ на г-на N, который одинъ входилъ въ спальню, когда его офицера не было дома. Такимъ образомъ N, быть можетъ, и безъ воли хозяина, привлеченъ былъ къ слѣдствію. Онъ, разумѣется, во всемъ сознался, объясняя, что не успѣлъ только предупредить объ этомъ пріятеля. Но тѣмъ не менѣе, какъ дѣло началось уже, его заключили въ арестантское помѣщеніе при полиціи. Отецъ, узнавъ объ этомъ, подавъ Государю прошеніе, коимъ, не оправдывая сына до окончанія дѣла, просилъ лишь о скорѣйшемъ рѣшеніи, такъ какъ люди, съ которыми вмѣстѣ заключенъ его сынъ, могли или совершенно растлить его, или произвести на него такое нравственное потрясеніе, что онъ во всякомъ случаѣ не могъ бы оставаться полезнымъ членомъ общества, хотя и оказалась бы въ его поступкѣ одна необдуманность. Государь на этомъ прошеніи положилъ слѣдующую резолюцію: «Завтра въ 10 часовъ представить мнѣ на конференцію». Такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ сутки времени дѣло должно было пройти по слѣдующимъ инстанціямъ: представлено въ Губернское Правленіе; въ Губернскомъ Правленіи составленъ журналъ о неимѣніи препятствій для преданія суду N, подписанъ всѣми членами, утвержденъ губернаторомъ, пропущенъ губернскимъ прокуроромъ, и за тѣмъ дѣло при указѣ отослано въ Уѣздный Судъ; въ Уѣздномъ Судѣ составленъ приговоръ (чего конечно нельзя было сдѣлать безъ знакомства съ дѣломъ), подписанъ членами, пропущенъ уѣзднымъ стряпчимъ; затѣмъ дѣло при рапортѣ представлено въ Уголовную Палату на ревизію; въ Уголовной Палатѣ составлено опредѣленіе, подписано членами, пропущено прокуроромъ и препровождено при отношеніи на заключеніе губернатора, а съ заключеніемъ при рапортѣ представлено въ Правительствующій Сенатъ, гдѣ составлено опредѣленіе, подписано сенаторами, пропущено оберъ-прокуроромъ и препровождено на заключеніе министру внутреннихъ

дѣлъ (такъ какъ чиновникъ N служилъ по его вѣдомству), а съ его заключеніемъ черезъ министра юстиціи въ Комитетъ Министровъ, и черезъ сей послѣдній уже Государю Императору на конфирмацію.

Понятно, что ночь была проведена всѣми безъ сна, во всѣхъ этихъ мѣстахъ были чрезвычайныя засѣданія, всю ночь скрипѣли перья, летали курьеры, и высочайшая воля была исполнена. Конечно, при обыкновенномъ движеніи этого дѣла, потребовалось бы времени по меньшей мѣрѣ годъ. Не помню, какъ рѣшили Палата и Сенатъ, но N былъ Государемъ разжалованъ или сданъ въ рядовые и отправленъ на Кавказъ, а черезъ мѣсяцъ прощенъ. Въ настоящее время судъ вѣроятно оправдалъ бы N, и нынѣ скажутъ, что наказаніе было слишкомъ строго. Но здѣсь очевидно наказаніе исходило не отъ личной строгости, а отъ строгаго взгляда на понятіе чести.

*

На это указываетъ и слѣдующій случай.

Князь N, человѣкъ отмѣнно честный, бывъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и всегда нуждаясь въ деньгахъ вслѣдствіе безпечнаго хозяйства, подписалъ предложеніе Приказу Общественнаго Призрѣнія доставить ему извѣстную сумму (кажется, 20 т. р. ассигнаціями). Сумма эта оказалась только что внесенною въ Приказъ одною помѣщицею. Передъ отъѣздомъ князя изъ города, помѣщица, узнавъ о судьбѣ своего капитала, явилась къ нему съ требованіемъ ея денегъ. Князь ее обнадежилъ въ немедленномъ исполненіи ея законнаго требованія. Не получая однако денегъ, помѣщица обратилась къ преемнику князя N, князю Долгорукову, а послѣдній написалъ къ князю N. Не получая отвѣта, онъ написалъ вторично. На сей разъ былъ отвѣтъ, но очень рѣзкій. Князь Долгоруковъ представилъ все это Государю.

Государь получилъ почту съ этимъ роковымъ для князя N извѣстіемъ, бывши въ Красномъ Селѣ, передъ самыми маневрами, назначенными въ 4 часа утра. Князь N долженъ былъ туда же явиться. Онъ встрѣтилъ Государя со свитою на плотинѣ, возлѣ какой-то деревушки. Государь такъ грозно посмотрѣлъ на него, что, какъ говорилъ князь N графу Орлову, онъ, одинъ изъ героевъ 1812 года, принимавшій въ своемъ домѣ коронованныхъ особъ, считалъ себя совершенно уничтоженнымъ и никогда въ жизни не испытывалъ такого трепета и страха, какой испыталъ подъ вліяніемъ этого взгляда. Затѣмъ, кажется, графъ Бенкендорфъ, подѣхавъ къ нему, объявилъ высочайшую волю: отправиться въ Петербургъ на свою квартиру и ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. Не зная причины, встревоженный князь пріѣхалъ къ графу Орлову въ Царское Село. Онъ засталъ его за завтракомъ и просилъ узнать о причинѣ гнѣва Государева. У графа Орлова завтракалъ въ это время д. с. с. Шкляревичъ, со словъ котораго и передается настоящій рассказъ ²⁾. Спустя нѣкоторое время, при дворѣ былъ балъ. Опальный князь, не получая никакого повелѣнія, явился на балъ какъ генералъ-адъютантъ. Къ нему

²⁾ Д. с. с. Шкляревичъ, бывшій Минскій, а потомъ Смоленскій губернаторъ, Черниговскій помѣщикъ.

подошелъ графъ Бенкендорфъ и объявилъ, что онъ считается арестованнымъ. Это конечно смутило князя до крайности. На вопросъ его: что ему дѣлать? графъ Бенкендорфъ посоветовалъ ѣхать за границу, что тотъ и сдѣлалъ.

*

Слѣдующій случай даетъ намъ указаніе на то, какъ Государь былъ внимателенъ къ заслугамъ. Въ Енисейской губерніи въ 1843 году взбунтовались 22 тысячи раскольниковъ. Они выпороли исправника, чуть не убили губернатора. Сей послѣдній, не принявъ лично никакихъ мѣръ, ограничился донесеніемъ о случившемся и испрашивалъ высочайшаго повелѣнія, какъ поступить? Государь, объявивъ ему выговоръ, повелѣлъ двинуть войско, усмирить бунтовщиковъ, снести часовню, отобрать попа (отставнаго солдата), а виновныхъ подвергнуть строжайшему наказанію. При генераль-губернаторѣ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій штабъ-ротмистръ Безносиковъ ³⁾, бывшій еще очень молодымъ человѣкомъ. Безносиковъ, желая убересть народъ отъ несчастій, а казну отъ лишнихъ расходовъ, упротсилъ генераль-губернатора дозволить ему съѣздить и попробовать путемъ убѣжденій достигнуть желаемаго Государемъ результата.

Этотъ случай самъ по себѣ не безынтересенъ, а потому я позволю себѣ изложить его съ нѣкоторыми подробностями, какъ слышалъ отъ генерала Безносикова.

Ему дано было 36 казаковъ съ есауломъ и при нихъ чиновникъ Губернскаго Правленія. Съ этою силою онъ прибылъ въ первое взбунтовавшееся селеніе вечеромъ. Вскорѣ по пріѣздѣ его, хозяинъ дома, въ которомъ остановился Безносиковъ, выдававшій себя человѣкомъ, преданнымъ законному порядку, вошелъ, встревоженный, въ комнату и сообщилъ, что дворъ окруженъ народомъ и что Безносикова хотятъ убить. При этомъ онъ обязательно предложилъ проводить его за огородъ, гдѣ его сынъ на лихой тройкѣ готовъ къ услугѣ. Безносикову это показалось подозрительнымъ, такъ какъ казаки были возлѣ дома и во дворѣ и должны бы объ этомъ дать знать. Онъ поручилъ есаулу провѣрить слова хозяина; а когда есаулъ явился съ предложеніемъ связать хозяина, устроившаго Безносикову ловушку, послѣдняго уже не было. Онъ исчезъ.

Однако обстоятельство это немало встревожило пріѣзжихъ, и они легли спать не въ особенно спокойномъ настроеніи.

Здѣсь произошелъ странный случай съ Безносиковымъ. Едва онъ легъ въ постель и загасилъ свѣчу, какъ замѣтилъ подошедшую къ нему человѣческую фигуру, которая, нагнувшись къ нему, произнесла слѣдующія слова: «будь покоенъ, завтра до вечерни попостись, и все будетъ хорошо». Безносиковъ вскочилъ, окликнулъ есаула, тотъ зажегъ свѣчу. Въ комнатѣ не оказалось никого. На другой день рано утромъ пріѣхали они въ другое селеніе, состоящее изъ 8 тысячъ душъ, средоточіе бунта, въ коемъ была сооружена часовня. Послали за выборными. Явилось нѣсколько тысячъ народа и стали шумѣть такъ,

³⁾ Генераль-маіоръ Константинъ Степановичъ Безносиковъ воспитывался въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ, скончался 1876 года.

что нельзя было понять ихъ объясненій. Едва Безносыкову удалось убѣдить ихъ, что толковать съ цѣлою толпою невозможно и что они должны выбрать человѣкъ шесть старѣйшихъ и разумнѣйшихъ домохозяевъ. Они выбрали 70 человѣкъ, которыхъ Безносыковъ и велѣлъ ввести во дворъ. А толпа на улицѣ гудѣла и увеличивалась отъ притока единомышленниковъ изъ другихъ селеній. Безносыковъ объяснилъ имъ, что Государь Императоръ повелѣлъ двинуть сюда 10 т. войска для усмиренія бунта, что здѣсь камня на камнѣ не останется и что черезъ нѣсколько дней не будетъ и признаковъ существованія селенія. Отвѣты выборныхъ были дерзки. Тогда Безносыковъ далъ имъ понять, что онъ лично за себя ничего не боится, что, еслибъ вздумали они и убить его, ничего не выиграютъ, такъ какъ онъ явился къ нимъ почти одинъ, въ расчетъ подѣйствовать на ихъ разсудокъ, а если для вразумленія ихъ нужна сила, то она и явится и съ тяжкими для нихъ жертвами возстановитъ порядокъ; при этомъ онъ крикнулъ, что ему предоставлена неограниченная власть (это сказано было съ горяча) и что ни одинъ изъ нихъ не выйдетъ живымъ. Сказавъ это, онъ велѣлъ запереть ихъ въ сарай, а самъ вернулся въ комнату, гдѣ хозяинъ между тѣмъ накрылъ столъ для обѣда. Всѣ отказались отъ ѣды. Безносыковъ понималъ конечно, что слова его не имѣютъ никакого значенія, а шумъ возлѣ дома усиливался, съ чѣмъ вмѣстѣ усиливалось и опасеніе за собственную жизнь. Въ такомъ положеніи онъ провелъ 2—3 часа. Наконецъ, выборные просили отпустить изъ нихъ 12 человѣкъ къ народу потолковать. Отпустить было рискованно, но и не исполнить ихъ требованія тоже не было возможнымъ. Безносыковъ велѣлъ отпустить 6 человѣкъ. Въ скоромъ времени онъ замѣтилъ на улицѣ пыль, а потомъ скачущую тройку. Когда тройка поравнялась съ воротами его квартиры, изъ телѣги выбросили какой-то тюкъ, который былъ подхваченъ казаками и внесенъ быстро во дворъ, ворота котораго сейчасъ же были заперты, тройка же умчалась. Оказалось, что это былъ не тюкъ, а раскольничій попъ, котораго громада рѣшила выдать обманомъ. Затѣмъ явилась громада съ повинною. Безносыковъ объяснилъ имъ, какое несчастіе могли они навлечь на себя своимъ упорствомъ. Они отвѣчали ему, что имъ дѣлалась поблажка властями, съ вѣдома коихъ и часовня устроена, и попъ выписанъ, и что все это имъ очень дорого стоитъ. «И жалъ намъ, говорили они, нашихъ затратъ». При этомъ они просили его обратить къ нимъ милосердіе Царя. Безносыковъ, похваливъ ихъ разсудительность, далъ слово просить генералъ-губернатора объ исходатайствованіи всемилостивѣйшаго прощенія (что и было достигнуто). Тутъ же была разобрана часовня, снесены иконы, утварь, книги въ квартиру Безносыкова, который сдѣлалъ распоряженіе объ отправкѣ всего этого, вмѣстѣ съ попомъ, подъ охраною конвоя, по указанному имъ маршруту. Но маршрутъ этотъ секретно былъ измѣненъ. Такая предусмотрительность оказалась весьма умѣстною; такъ какъ въ 30 верстахъ сдѣлана была засада нѣкоторыми злоумышленниками, съ цѣлію отобрать драгоценную для нихъ кладь.

Вернувшись въ квартиру, Безносиковъ нашелъ на столѣ супъ, поданный домовымъ хозяиномъ. Сѣли за столъ въ полномъ удовольствіи, и въ тоже время раздался благовѣстъ къ вечернѣ. Всѣ перекрестились и вспомнили удивительное предсказаніе вчерашняго вечера.

Представляя дѣло это министру, генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ о награжденіи Безносикова. Министръ на это представленіе отвѣчалъ, что въ прошедшемъ году Безносиковъ получилъ орденъ св. Владиміра (кажется, за описаніе р. Амура, по которой онъ первый проплылъ), а потому онъ не считаетъ возможнымъ исполнить желаніе генералъ-губернатора. Государь, интересуясь этимъ дѣломъ, потребовалъ подлинное производство. Разсмотрѣвъ его, онъ спросилъ: что получилъ ротмистръ Безносиковъ за свой подвигъ? Министръ доложилъ о причинѣ, по которой онъ не смѣлъ представить его къ награждѣ. Тогда Государь на докладѣ написалъ: «Ротмистра Безносикова, *въ примѣръ прочимъ*, произвести въ слѣдующій чинъ». Разумѣется для Безносикова это было высшею наградою, нежели и самый чинъ ⁴⁾.

Интересно затѣмъ было распоряженіе провіантскаго вѣдомства. Безносиковъ, во время похода, своей командѣ (36 казакамъ), шедшимъ на опасный подвигъ, для подкрѣпленія и ободренія ихъ, выдавалъ мясную и водочную порціи. Провіантское вѣдомство нашло, что Безносиковъ допустилъ здѣсь произволь, такъ какъ отпускъ мясной и водочной порцій не былъ ему разрѣшенъ, а потому израсходованные имъ на сей предметъ 136 рублей распорядилось вычесть изъ его жалованья. Такой вычетъ изъ ротмистрскаго жалованья, когда кромѣ его ничего не имѣлось, вѣроятно былъ очень чувствителенъ. Это, думаю, умалило и удовольствіе получить чинъ, за который тоже дѣлался вычетъ. А между тѣмъ, что стоило бы правительству передвиженіе 10,000 войска и сколько сбережено здѣсь жертвъ?!

*

Говорятъ, Государь Николай Павловичъ считалъ Понедѣльникъ днемъ тяжелымъ и никогда не выѣзжалъ въ дорогу по Понедѣльникамъ, а обыкновенно въ Воскресенье послѣ литургіи. По дорогѣ къ Москвѣ приказывалось готовить обѣдъ въ Ижорѣ и непременно два блюда: щи и кашу. Разъ мѣстное купечество поднесло свѣжія большія стерляди, усердно прося приготовить для Государя. По общему совѣту рѣшились подать уху. Государь, увидѣвъ уху, разгнѣвался и, обратясь къ А. Ѳ. Львову, сказалъ: «Такъ исполнена моя воля? Лошадей!!» и, не обѣдавъ, выѣхалъ, а обѣдалъ уже вечеромъ ⁵⁾.

Другой обращикъ простоты въ жизни покойнаго Государя. Проѣзжалъ онъ разъ черезъ Пропойскъ (Могилевской губерніи) и остановился на ночлегъ. Въ комнату внесли складное кресло. Потомъ

⁴⁾ Здѣсь произошла оригинальная случайность: ротмистръ Безносиковъ получилъ о производствѣ его приказъ за подписью наказнаго атамана Безносикова и дежурнаго штабъ-офицера Безносикова (первый былъ его отецъ, а послѣдній братъ).

⁵⁾ Отъ т. с. Велинскаго.

камеръ-лакей принесъ на маломъ подносѣ графинчикъ водки со стаканчикомъ, два ломтя чернаго хлѣба и соль. Государь выпилъ стаканчикъ водки, посолилъ ломоть хлѣба, закусилъ и показалъ графу Орлову. Тотъ сдѣлалъ тоже самое. Затѣмъ Государь, освѣдомившись, что офицеръ, стоящій въ той же комнатѣ на часахъ, не понимаетъ пофранцузски, съ четверть часа поговорилъ съ графомъ Орловымъ, потомъ пожалъ ему руку, пожелавъ покойной ночи. Государь легъ, не раздѣваясь, на походномъ креслѣ, а графъ Орловъ легъ на диванѣ ⁶⁾.

Государь скоро привыкалъ къ платью, экипажамъ и лошадямъ и не любилъ перемѣнъ. Если ему подавалась новая лошадь, онъ спрашивалъ: «Это что за лошадь?»—«Новая, Ваше Величество».—«Дрянъ, слабосильна!» Затѣмъ Государь дѣлалъ такіе концы, что лошадь возвращалась совершенно мокрою. «Я говорилъ, что слабосильна», замѣчалъ Государь, выходя изъ саней. Также точно новый экипажъ всегда казался Государю съ недостатками: «коротокъ, негдѣ ногъ протянуть». По большей части новую лошадь или сани подавали въ первый разъ вечеромъ, когда Государь ѣхалъ въ театръ, а на другой день на вопросъ Государя: «это что за лошадь? это что за экипажъ?» ему отвѣчали: «Вчера изволили ѣздить въ театръ, Ваше Величество». Замѣчаній уже не было ⁷⁾.

Разсказы изъ ежедневной жизни покойнаго Государя умилительны. Государь занимался всегда до двухъ, а иногда до трехъ часовъ ночи. Камердинеръ его говаривалъ: «Засну иной разъ, а потомъ очнусь и подумаю: не пора ли Государю подавать одѣваться? Загляну, а онъ самъ раздѣлся и легъ. Иной разъ съ просонья слышу шорохъ; смотрю, а Государь, замѣтивъ, что я заснулъ, на носочкахъ проходитъ мимо меня».

Государь былъ набоженъ. Окончивъ занятія, онъ всегда колѣнопреклоненно молился передъ кіотомъ, прилѣпивъ восковую свѣчу къ спинкѣ стула. Разъ, по утомленію отъ трудовъ, позднею ночью, онъ задремалъ, склонивъ голову на стулъ. Между тѣмъ свѣча нагнулась, и воскъ сталъ капать на подушку стула, близъ самой головы. Камердинеръ, увидѣвъ это, разбудилъ Государя и позволилъ себѣ замѣтить: «Вѣдь вотъ, Ваше Величество, вѣрно не желаете, чтобы знали, что вы такъ молитесь?»—«Да», отвѣчалъ Государь. «А вотъ свѣча-то какъ наклонилась, и воскъ на стулъ капаетъ; еще бы немного нагнулась, на голову бы вамъ капнула, знакъ бы остался (Государь, какъ извѣстно, имѣлъ лысину), и догадались бы».—«Правду говоришь, старикъ», замѣтилъ Государь. «Не позволители: я аналойчикъ сдѣлаю?»—«Нѣтъ, хуже будутъ знать». Такимъ образомъ старикъ устроилъ въ кіотѣ выдвижную досочку, въ которую вставилъ металлическую трубочку для свѣчи ⁸⁾.

⁶⁾ Отъ Могилевскаго старожила П. Г. Ганкевича, а онъ слышалъ отъ офицера, бывшаго на караулѣ.

⁷⁾ Отъ полковника гвардіи Аполлона Ивановича Энгельмейера, а онъ слышалъ отъ покойнаго камердинера Государева.

⁸⁾ Отъ т. с. Велинскаго.

Дошло до свѣдѣнія Государя, что его лейбъ-кучеръ раздаетъ деньги офицерамъ за проценты. Государь на другой день, сѣвъ въ сани, приказалъ ѣхать на Каменно-островскій проспектъ, затѣмъ повернуть въ какой-то переулокъ, гдѣ ни души зимою нельзя встрѣтить. Тутъ уже онъ далъ волю своему гнѣву. «Ты у меня ростовщикомъ сдѣлался!» крикнулъ онъ. «Офицерамъ за проценты деньги раздаешь!» и спина виновника почувствовала физическую силу Государя. «Я тебя туда сошлю, куда Макаръ телятъ не гонялъ», прибавилъ въ заключеніи Государь. Но послѣ Государь никогда ни слова не говорилъ объ этомъ, хорошо понимая, что проступокъ, вызвавшій такой гнѣвъ Государя, не могъ повториться ⁹⁾.

*

Слѣдующіе случаи могутъ дать понятіе, какъ Государь чтить церковь и ея уставы.

У насъ распространено невѣрное сказаніе объ открытіи триумфальныхъ воротъ въ Москвѣ, будто бы митрополиту Филарету, отказавшемуся освящать ихъ, такъ какъ на нихъ изображенъ «языческій богъ» (Марсъ на коняхъ), Императоръ приказалъ передать: «скажите Филарету, что я не Петръ и онъ не Митрофаній». Ничего этого не было. Напротивъ, Императоръ поступилъ какъ Петръ. Когда флигель-адъютантъ Государя пріѣхалъ къ Филарету и объяснилъ ему, что «Государю Императору благоугодно завтра освятить триумфальные ворота, Филаретъ, устремивъ взоръ долу, отвѣчалъ «слышу». Флигель-адъютантъ продолжалъ: «Государю Императору благоугодно, чтобы ваше высокопреосвященство сами изволили быть на освященіи». Филаретъ отвѣчалъ тѣмъ же «слышу,» также понуривъ голову и съ тою же задумчивостію. «Не будетъ ли какихъ распоряженій, ваше высокопреосвященство? Чтѣ прикажете доложить Государю Императору?» «А чтѣ слышите», отвѣчалъ тѣмъ же тономъ владыка. Когда Государь спросилъ: «А чтѣ Филаретъ?» флигель-адъютантъ доложилъ, что онъ его не понялъ и до-словно передалъ Государю свой разговоръ съ высокопреосвященнымъ. «А! такъ я понимаю», замѣтилъ Государь. «Приготовить лошадей: я сегодня уѣзжаю». Такимъ образомъ открытіе происходило въ отсутствіи Государя. Полковой священникъ отслужилъ передъ войсками молебенъ, и участіе церкви въ этомъ торжествѣ тѣмъ и кончилось ¹⁰⁾.

Многимъ памятно еще удаленіе митрополитовъ Московскаго Филарета и Филарета Кіевскаго отъ присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Слухи о причинѣ этого удаленія ходили чудовищные. Хотя оно вызвано было интригою, но Государемъ руководила единственно ревность къ церкви: на Филаретовъ указывали какъ на либераловъ, вводящихъ въ церковь новшества.

Профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Павскій, читавшій Еврейскій языкъ, переводилъ на лекціяхъ Библію. Въ продолженіи семи лѣтъ она, такимъ образомъ, была переведена, и у воспитанни-

⁹⁾ Отъ полковника Энгельмейера.

¹⁰⁾ Со словъ одного почтеннаго іерарха нашей церкви, бывшаго тогда въ Москвѣ.

ковъ оказалась вся Библія въ Русскомъ переводѣ. Иногда записки ихъ поправлялись Павскимъ, иногда нѣтъ, что, быть можетъ, и было причиною появленія въ переводѣ нѣкоторыхъ ошибокъ. Воспитанники, желая имѣть возможно большее число экземпляровъ, отлитографировали записки свои. Эти экземпляры пошли на расхвату. Одинъ экземпляръ какая-то Московская дама передала инспектору Московской Духовной Академіи Агаѳангелу ¹¹⁾. Онъ нашелъ здѣсь что-то протестантское и написалъ замѣчанія на пяти листахъ. Замѣчанія преимущественно относились къ эпиграфамъ. Агаѳангель препроводилъ записку свою и литографированную Библію кому-то въ Петербургъ. Дѣло стало гласнымъ. Снарядили комиссію изъ слѣдующихъ лицъ: Венедиктъ, епископъ Ревельскій, викарій С.-Петербургскій, Войцеховичъ, директоръ Канцеляріи Св. Синода и Сербиновичъ, директоръ оберъ-прокурорской канцеляріи. Въ Академіи сдѣланъ былъ обыскъ, но нашли всего пять экземпляровъ. Государь Императоръ, чрезъ оберъ-прокурора, повелѣлъ передать дѣло на обсужденіе Св. Синода. Филареты Кіевскій и Московскій подали такое мнѣніе: «Если народъ жаждетъ читать слово Божіе на родномъ языкѣ, то задача высшаго церковнаго правительства должна состоять въ томъ, чтобы удовлетворить этой духовной потребности народа, а потому слѣдуетъ настоящимъ трудомъ воспользоваться, исправивъ готовый переводъ, а что еще не переведено, перевести» ¹²⁾. Митрополитъ Серафимъ (бывшій тогда уже дряхлымъ старикомъ) высказался въ пользу безусловнаго воспрещенія перевода. Мнѣніе свое онъ поручилъ написать ректору Академіи Аѳанасію ¹³⁾. Такъ какъ это мнѣніе отвѣчало взглядамъ, т. е. вѣрнѣе сказать, видамъ оберъ-прокурора, то мнѣнія Филаретовъ никто не поддерживалъ. Государю же объяснено было, что это можетъ породить новый расколъ. Тогда на докладъ Государь написалъ: «Благодарю преосвященнаго Серафима за его ревность къ Православной церкви, а митрополитовъ Московскаго и Кіевскаго уволить на епархіи» ¹⁴⁾.

Строгость такой мѣры относительно святителей Филаретовъ созналъ и самъ Государь. Когда возобновляли великую церковь Кіево-Печерской Лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена комиссія, и Синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать выговоръ. Государь написалъ на докладъ: «Оставить старика въ покоѣ; мы и такъ ему насолили» ¹⁵⁾.

Говорили мнѣ въ Кіевѣ, что въ первый затѣмъ пріѣздъ Государя въ Лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу чернецовъ, сказалъ: «Вотъ, Ваше Величество, художники, расписывавшіе храмъ». — «Кто ихъ училъ?» спросилъ Государь.

¹¹⁾ Извѣстный ревнитель церкви, архіепископъ Волынскій. † 1875 г.

¹²⁾ Черезъ 30 лѣтъ это мнѣніе вошло въ сознаніе правительства.

¹³⁾ Бывшій епископъ Астраханскій, нынѣ на покоѣ въ Москвѣ.

¹⁴⁾ Отъ бывшаго тогда воспитанникомъ Петербургской Академіи П. Г. Г.

¹⁵⁾ Отъ него же. См. ниже письма Серафима. П. Б.

«Матерь Божія», отвѣчалъ простодушно владыка. «А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего», замѣтилъ Императоръ.

*

Покойный протопресвитеръ арміи и флота (или, какъ назывался тогда на церковно-русскомъ языкѣ, оберъ-священникъ) Кутневичъ перенесъ гоненіе. Его желали отдалить и создать новое званіе архіепископа арміи и флота. Эта мысль поддерживалась оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ. На мѣсто это имѣлось въ виду назначить Аѳанасія, ректора Петербургской Академіи. По довѣрію къ архимандриту Аввакуму ¹⁶⁾, жившему тогда на покой въ Невской Лаврѣ, планъ этотъ былъ сообщенъ ему. Предлогомъ къ удаленію Кутневича былъ оказывавшійся у него недостатокъ въ переходящихъ суммахъ. Войцеховичу было поручено обревизовать его книги. Добрякъ Аввакумъ не вытерпѣлъ, отправился къ Кутневичу и все передалъ. Кутневичъ просто сказалъ Войцеховичу: «Да что вы тутъ стараетесь? У меня недостаетъ десяти тысячъ. Да будетъ воли Божіи и начальства; я готовъ принять наказаніе». Все это было доведено до свѣдѣнія Государя, кажется княземъ Гагаринымъ. Государь послалъ Кутневичу 10 т. для пополненія недочета, а когда черезъ два-три дня графъ Протасовъ представилъ докладъ, Государь его уничтожилъ. Кстати о Кутневичѣ. Онъ былъ уроженецъ Могилевской губерніи и воспитывался въ Могилевской Семинаріи. Когда, проѣздомъ на богомолье въ Кіевъ, Московскій митрополитъ Платонъ останавливался въ Могилевѣ, Кутневичъ, бывъ воспитанникомъ, произнесъ рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Преосвященный Платонъ, подошедъ къ нему и погладивъ по головѣ, сказалъ: «Это будетъ человекъ извѣстный». Покойный Кутневичъ завѣщалъ сыну, въ бытность въ Могилевѣ, посѣтить Семинарію. «Въ актовомъ залѣ, отойдя отъ дверей на 6 шаговъ, ты будешь, говорилъ онъ, стоять на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ я, произнося передъ митрополитомъ Платономъ рѣчь и слушая его одобреніе». Сынъ исполнилъ ¹⁷⁾.

*

Извѣстно, что Государь строго смотрѣлъ на дисциплину и при этомъ былъ внимателенъ къ положенію солдатъ. Разъ, во время Турецкой войны, въ лѣтній жаркій день, не помню, было ли сдѣлано передвиженіе войскъ или смотръ прибывшаго полка, знаю только, что полкъ былъ въ рянцахъ и полной походной формѣ. Когда Государь, осмотрѣвъ, ушелъ въ свою палатку, всѣ начальствующіе разошлись, а полкъ остался на томъ же мѣстѣ, подъ ружьемъ. Государь сидѣлъ въ своей палаткѣ у окна и занимался. Увидѣвъ въ окно Дибичева адъютанта Долинскаго, онъ далъ знать ему рукою, чтобы онъ подошелъ. «Гдѣ дежурный флигель-адъютантъ?» спросилъ онъ. «Здѣсь нѣтъ, Ваше Величество». Государь вышелъ быстро изъ палатки, схватилъ Долинскаго за руку и приказалъ вести себя въ чью-то палатку. Зашедъ къ Дибичу, онъ засталъ его обливающегося водою. Между тѣмъ, услылавъ голосъ Государя, скоро собрались всѣ. Го-

¹⁶⁾ Служившій 20 лѣтъ при Китайской миссіи.

¹⁷⁾ Отъ Могилевскаго кафедральнаго протоіерея о. Петра Ганкевича.

сударь съ большимъ гнѣвомъ говорилъ: «Всѣ предаются отдыху, а о бѣдныхъ людяхъ не подумали, что они въ ранцахъ, подъ ружьемъ въ жару стоять. Ложись!» крикнулъ затѣмъ Государь, и вся команда легла ¹⁸⁾.

*

Разъ, въ бытность въ Варшавѣ, Государь, проживая въ Лазенковомъ дворцѣ, замѣтилъ въ окно, что часовой сдѣлалъ проходившему мимо гауптвахты офицеру на караулъ, но офицеръ не отдалъ чести. Государь вышелъ изъ дворца и, подойдя къ часовому, спросилъ: «замѣтилъ ты, что офицеръ не отдалъ чести?»

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

— Знаешь ты его?

— Никакъ нѣтъ, В. И. В—во.

— А въ лицо можешь узнать?

— Могу, В. И. В—во.

— Такъ слушай: никогда этому офицеру не дѣлай на караулъ; а если онъ тебя спроситъ: почему? скажи, что Императоръ не приказалъ. Слышишь?

— Слушаю, В. И. В—во.

Въ тотъ же день было это извѣстно въ полкахъ и конечно послужило добрымъ предостереженіемъ ¹⁹⁾.

*

Въ 1845 году въ Вяткѣ были постоянные поджоги. Уголовною Палатою 48 человѣкъ оставлено было, по недостаточности уликъ, подъ подозрѣніемъ. Губернаторъ Тюфяевъ представилъ министру о необходимости сослать ихъ въ Сибирь, доказывая, что эти 48 человѣкъ суть единственные поджигатели, такъ какъ, когда производилось слѣдствіе и судъ и они были въ заключеніи, поджоговъ не было. Тюфяевъ просилъ объ этомъ доложить Государю Императору, какъ о крайне необходимой и даже единственной мѣрѣ для прекращенія зла. Министръ отвѣчалъ, что представленіе Тюфяева на столько выходитъ изъ области закона, что онъ не смѣетъ и доложить о томъ Его Величеству. Тюфяевъ тогда представилъ всеподданныйшій рапортъ того же содержанія, присовокупивъ, что, какъ на его обязанности лежитъ благосостояніе и спокойствіе края, ввѣреннаго его управленію, то онъ не можетъ скрыть отъ Его Величества, что безнаказанность, являющаяся лишь по неполнотѣ уликъ, увеличиваетъ дерзость преступленія.

Отправивъ рапортъ, Тюфяевъ вмѣстѣ съ тѣмъ далъ предложеніе Губернскому Правленію объ изготовленіи 48 паръ кандаловъ, а полиціи предписалъ этихъ 48 человѣкъ взять подъ стражу. Очень скоро было получено высочайшее повелѣніе «исполнить». Въ одинъ день Тюфяевымъ дано было предложеніе Губернскому Правленію объ отсылкѣ въ Сибирь этихъ 48 человѣкъ, сообщено въ Тобольскій

¹⁸⁾ Отъ генералъ-маіора Егора Яковлевича Долинскаго.

¹⁹⁾ Отъ генералъ-маіора Александра Вечеславича Листовскаго.

Комитетъ о ссыльныхъ, всеподданнѣйшимъ рапортомъ донесено Государю Императору объ исполненіи высочайшаго повелѣнія и сообщено обо всемъ министру внутреннихъ дѣлъ, для свѣдѣнія ²⁰⁾).

Тюфяевъ вышелъ въ губернаторы изъ кантонистовъ. При императрицѣ Екатеринѣ II-й пріѣзжалъ въ Tobольскъ сенаторъ на ревизію и просилъ дать ему, для переписки бумагъ, четырехъ кантонистовъ изъ школы. Всѣ они ему понравились смышленностію. Онъ просилъ зачислить ихъ для военной службы неспособными и увезъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлилъ въ Сенатъ на службу. Изъ нихъ Тюфяевъ былъ губернаторомъ сначала въ Перми, а потомъ въ Вяткѣ; другой былъ губернскимъ прокуроромъ въ Перми, третій оберъ-секретаремъ. Бывъ въ Перми губернаторомъ, Тюфяевъ, къ чести его, не скрывалъ своего происхожденія и нерѣдко, шутя, упрекалъ бывшаго своего товарища, прокурора, въ жадности. При этомъ онъ рассказывалъ о своемъ дѣтствѣ слѣдующее: «Получалъ я отъ матери на обѣдъ по копѣйкѣ, на котсрую покупалъ два калача; пойдутъ ребятишки купаться, хочется и мнѣ, а сапоговъ снять не могу: они на ногахъ ссохнутся. Прошу его снять, а онъ: давай, говорить, одинъ калачъ — сниму. Жаль и калача, и купаться хочется, глядя на другихъ. Ну, нечего дѣлать, калачъ отдашь. Пока купаешься, сапоги поставишь въ воду и надѣнешь ихъ безъ бѣды; а на другой день опять таже исторія. Такъ онъ, злодѣй, бывало все лѣто меня въ проголодь держать». «А кто тебѣ велѣлъ, ваше превосходительство, барничать, отвѣчаетъ старшій товарищъ: самъ бы снималъ сапоги, и калачъ былъ бы при тебѣ».

Тюфяевъ былъ волокита. Отличая жену одного совѣтника, онъ украшалъ и мужа знаками отличія; такъ послѣдній получилъ, сначала Анну, а потомъ Владиміра на шею. Ознобишинъ, будучи очень молодымъ человѣкомъ, на карточномъ столѣ написалъ мелкомъ, во время званаго вечера, слѣдующее четверостишіе:

Внемли, вселенная, внемли!
Се чудо новое явилось на земли:
Козель, за то что онъ съ рогами,
Двумя украшенъ орденами!

Все это слышалъ я отъ покойнаго отца, лично знавшаго Тюфяева.

*

Въ Псковѣ былъ губернаторомъ Александръ Львовичъ Черкасовъ. Государь, зная его, какъ честнѣйшаго труженика, не имѣющаго никакаго состоянія и обремененнаго семействомъ, при замужествѣ каждой дочери, жаловалъ на приданое.

*

Въ Черниговѣ былъ 28 лѣтъ губернскимъ предводителемъ Степанъ Михайловичъ Ширай. Онъ имѣлъ крестъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, собственноручно припиленный ему императрицею Екатериною II-й, когда онъ явился отъ Суворова съ донесеніемъ о

²⁰⁾ Отъ Вятскаго уроженца, кол. сов. Виктора Михайловича Тиманова, бывшаго въ этотъ день у Тюфяева.

взятіи какой-то крѣпости ²¹⁾. Во время коронаціи Государь Николай Павловичъ пожаловалъ ему Владиміра 3-й степени. Ширай привезъ этотъ крестъ министру и просилъ доложить Государю, что онъ не можетъ принять этой награды. Министра это изумило. «Доложите Государю, настаивалъ Ширай, что я не могу разстаться съ крестомъ, собственноручно припиленнымъ мнѣ сего бабкою, которую онъ самъ считаетъ Великою». Государь пожаловалъ ему Анненскую звѣзду ²²⁾.

*

Въ первые годы царствованія Государя Николая Павловича былъ въ Перми слѣдующій случай. Управляющій имѣніями и заводами одного высокопоставленнаго лица убилъ человѣка, въ минуту раздраженія. Вообще онъ былъ жестокъ. Дѣло это, при вліяніи владѣльца и помощи подкупа, замяли и въ Судѣ, и въ Палатѣ. Въ палатѣ не согласился съ общимъ мнѣніемъ засѣдатель Копыловъ ²³⁾, отказавшись отъ приношеній. О дѣлѣ дошло до свѣдѣнія Государя. Былъ посланъ флигель-адъютантъ, для секретнаго дознанія. Узнавъ отъ него обстоятельства дѣла, Государь повелѣлъ имѣть въ виду Копылова на должность губернатора. Копыловъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Тобольскаго Губернскаго Правленія, а черезъ годъ или два Енисейскимъ губернаторомъ ²⁴⁾.

Государь Николай Павловичъ, бывъ великимъ княземъ, составилъ какое-то руководство для офицеровъ. Передавая его офицерамъ своего полка, онъ сказалъ: «не обращайтесь, господа, на орѣографію: я долженъ сознаться, что на эту часть при моемъ воспитаніи не обращалось должнаго вниманія» ²⁵⁾. Конечно, Государь могъ

*

²¹⁾ Когда Ширай возвратился къ Суворову, и Суворовъ, увидѣвъ на немъ Владимірскій крестъ, спросилъ: «это что значить?» Ширай отвѣчалъ: «значить, что я храбръ, да не вельми» (а то дескать, получилъ бы Георгія).

²²⁾ Этотъ случай извѣстенъ всѣмъ Черниговскимъ старожиламъ.

²³⁾ Копыловъ началъ службу съ копіиста въ Земскомъ Судѣ, потомъ, разумѣется, былъ подканцеляристомъ, канцеляристомъ, повѣтчикомъ, затѣмъ засѣдателемъ Земскаго Суда, Уѣзднаго и наконецъ Уголовной Палаты.

²⁴⁾ Отъ д. с. с. Павла Ильича Маслова, лично знавшаго Копылова въ Красноярскѣ. Говорятъ, Копыловъ не измѣнилъ своихъ привычекъ, бывъ губернаторомъ; такъ ходилъ онъ въ панковомъ платьѣ, кухарка ставила ему на столъ горшокъ щей, когда онъ садился обѣдать. Жена пережила его и жила на скудной тогда пенсіи въ Вяткѣ, гдѣ умерла отъ испуга: ночью у нея въ квартирѣ произведенъ былъ полиціею обыскъ, по подозрѣнію ея прислуги въ воровствѣ. Бывшая губернаторша перепугалась полиціи, заболѣла и черезъ два-три дня отдала Богу душу. Слышалъ объ этомъ отъ ст. сов. Нарциза Игнатѣевича Ціонковскаго, который въ то время былъ полицмейстеромъ въ Вяткѣ.

²⁵⁾ Отъ тайн. совѣтн. князя Николая Николаевича Тѣнишева, бывшаго управляющимъ путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ.

поручить кому нибудь переписать, но это не отвѣчало прямому и честному его характеру.

Передъ Крымскою войною былъ отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе транспортъ «Байкалъ». По пастоянію Великаго Князя Генераль-Адмирала, капитаномъ транспорта былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга Невельской ²⁶⁾.

Невельской, явившись разъ къ князю Меншикову, управляющему морскимъ министерствомъ, просилъ дозволить ему изслѣдовать берега Охотскаго моря и устье Амура. (Было убѣжденіе, что Охотское море не имѣетъ удобныхъ гаваней, а устье Амура, по мелководью, не можетъ принимать и плоскодонныя суда). Меншиковъ объяснилъ Невельскому, что такого разрѣшенія онъ дать не можетъ, такъ какъ этимъ измѣнились бы высочайше утвержденныя инструкція и маршруты. Невельской настаивалъ, увѣряя, что онъ на это не потребуетъ ни времени, ни лишнихъ средствъ, что онъ, наконецъ, просить только ему не мѣшать. Кн. Меншиковъ замѣтилъ ему, что его разжалуютъ за это въ матросы. При разговорѣ этомъ былъ покойный графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій ²⁷⁾. Послѣдній замѣтилъ Меншикову: «Да что тебѣ за дѣло? Если у него двѣ головы, ну и пусть подставляетъ одну!» Князь Меншиковъ тогда, махнувъ рукою, сказалъ Невельскому: «Какъ знаете, а я не мѣшаюсь».

Невельской исполнилъ свое намѣреніе и возвратился къ назначенному сроку въ Петербургъ съ добытыми имъ свѣдѣніями. Но тѣмъ не менѣе, какъ имъ допущенъ былъ произволъ въ измѣненіи высочайше утвержденного маршрута, его потребовали для объясненій въ Комитетъ Министровъ. Когда Невельской объяснилъ, что онъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствовался единственно пользою отечества, ему замѣтили: «это хорошо; на что если всякій капитанъ 1-го ранга будетъ, руководствуясь пользою отечества, нарушать высочайшую инструкцію?» При этомъ присовокупили, что его ожидаетъ разжалованіе. Невельской оттуда прямо отправляется къ Его Высочеству, Генераль-Адмиралу. Великій Князь доложилъ обо всемъ Государю, и Невельской потребованъ былъ къ Его Величеству. Когда Невельской вошелъ въ Кабинетъ Государя, Государь всталъ, подошелъ къ нему и, взглянувъ на маленькую и худенькую фигуру Невельскаго, сказалъ: «Такъ это ты сочиняешь экспедиціи и измѣняешь высочайше утвержденныя инструкціи? А что—матрость?! Матрость! Мичманъ! Лейтенантъ! Капитанъ-лейтенантъ! Капитанъ 2-го ранга! Капитанъ 1-го ранга!» Затѣмъ, надѣвъ на шею Невельскому Владимірскій крестъ и поцѣловавъ, Государь его отпустилъ ²⁸⁾.

Сообщено Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ.

²⁶⁾ Адмиралъ, Геннадій Ивановичъ Невельской умеръ 1875 г.

²⁷⁾ Генералъ адъютантъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, бывшій Оренбургскій и Самарскій генералъ-губернаторъ, умеръ 1857 г.

²⁸⁾ Отъ покойнаго Петербургскаго предводителя дворянства Михаила Алексѣевича Атрыганьева.

Разказы изъ недавней старины *).

*

Оберъ-полицмейстеръ ежедневно представлялъ императору Павлу списокъ всѣхъ пріѣхавшихъ въ столицу. Разъ читаетъ онъ «Бухаринъ» и дѣлаетъ надпись: «въ 24 часа выѣхать». Это не Бухаровъ, а Бухаринъ», замѣчаетъ докладчикъ. «Ахъ я спуталъ!» сказалъ съ досадою Императоръ и зачеркнулъ надпись. Повторилось это однако и во второй разъ и въ третій разъ, что случилось въ самый день переѣзда Императора въ новый Михайловскій дворецъ. «Не прикажете ли, Ваше Величество», спросилъ докладчикъ, «въ избѣжаніе ошибки, присоединить къ его фамиліи Михайловскій?»—«Ахъ, хорошо!» сказалъ Императоръ, и съ того времени Бухаринъ сталъ именоваться Бухаринъ-Михайловскій ¹⁾

*

Когда императоръ Александръ Благословенный былъ въ Пермской губерніи, онъ посѣтилъ проѣздомъ городъ Оханскъ.

Разказу о пребываніи тамъ Императора кстати предпослать нѣкоторое знакомство съ тогдашнимъ Оханскомъ. Городъ этотъ состоялъ изъ одной улицы и имѣлъ одну церковь. Когда, по смерти моего дѣда, отцу моему пришлось года два-три оставаться въ Пермской губерніи, чтобъ устроиться съ дѣлами и имѣніемъ, онъ избралъ службу въ Оханскѣ, какъ ближайшемъ къ Перми городѣ, куда и былъ назначенъ уѣзднымъ судьей и предводителемъ (по недостатку дворянъ эти должности были соединяемы). Ни одного человека положительно не оказалось въ городѣ, съ кѣмъ бы можно было поговорить. Мать моя открыла у себя странно-пріимный домъ: всѣ богомольцы, идущіе изъ Сибири къ Троицѣ, въ Кіевъ, Воронежъ, Саровъ и обратно, пользовались ея евангельскимъ гостепріимствомъ. Слухи о томъ дошли до одного старика, жившаго верстахъ въ подутарастахъ или болѣе отъ Оханска и принимавшаго также у себя странниковъ. Онъ, подобно царицѣ Южской, желавшей видѣть Соломона, прибылъ въ Оханскъ, чтобы видѣть благотѣльную

*) См. Р. Архивъ 1878, III, 507 и слѣд.

¹⁾ Отъ самого Бухарина.
III. 17.

особу. Увидѣвъ мать мою, старикъ палъ ей въ ноги. Матушку это смутило, и она просила его встать. «Не только мнѣ валяться въ твоихъ ногахъ, отвѣчалъ старикъ, а цаловать ступни твои: я одною ногою стою въ гробу, мнѣ нельзя не думать о душѣ, а ты жизнь свою начинаешь съ такого христіанскаго подвига!» Матери моей было восемнадцать лѣтъ.

Въ то время очень много пересылалось въ Сибирь по политическимъ преступленіямъ. Отецъ, посѣщая каждую партію ссыльныхъ, знакомился съ людьми образованными иногда очень хорошихъ фамилій, и они, по желанію отца, отмѣчались больными и оставлялись до слѣдующей партіи, иногда на мѣсяць и болѣе. Весь день они проводили у отца, а вечеромъ возвращались въ острогъ. Не было примѣра злоупотребленія довѣріемъ. Очень часто отецъ мой получалъ отъ этихъ несчастныхъ и ихъ родителей письма. Какою теплотою чувствъ согрѣты были эти письма! Въ какихъ горячихъ выраженіяхъ высказывалась благодарность этими несчастными за дорогое перепутье въ ихъ тягостномъ шествіи! Нерѣдко случалось, что тѣмъ, которые оказывались невинными, была возвращаема свобода. Какая радостная бывала встрѣча!

И вотъ въ этотъ-то Оханскъ, гдѣ, благодаря только его географическому положенію, или точнѣе значенію пересылочнаго острога, можно было не забыть человѣческой рѣчи, прибылъ Императоръ. Онъ проѣхалъ прямо въ церковь. У крыльца церкви обратилъ на себя его вниманіе грудной хорошенькій мальчикъ на рукахъ кормилицы. Группа эта рѣзко выдѣлялась изъ окружающей толпы. Государь спросилъ: «чей это ребенокъ?» Развязно отвѣчала ему бойкая кормилица. Государь взялъ мальчика за обѣ щеки и поцѣловалъ. Это былъ мой старшій братъ.

Въ Оханскѣ Государь имѣлъ обѣдъ. Въ открытыя окна низенькаго дома Оханской публикѣ удобно было видѣть обожаемаго Монарха, равно и ему легко было познакомиться съ Оханскою публикою. Несомнѣнно, вслѣдствіе такого знакомства, Императоръ приказалъ камеръ-лакею вынести пирожное Оханскимъ дамамъ. Надо отдать симъ послѣднимъ долгъ справедливости: расправа съ пирожнымъ произведена была съ полною энергіею. Оханскія дамы не носили перчатокъ, почему не представлялось для нихъ особенныхъ затрудненій завладѣть и прозрачнымъ желе: чрезъ минуту только мокрыя ладони напоминали о вкусномъ царскомъ блюдѣ. Нападеніе на желе было передъ глазами Государя *).

Близъ одного селенія Государь вышелъ изъ экипажа и пошелъ иѣшкомъ. Подойдя къ первой избѣ, онъ спросилъ женщину, подмывавшую крыльцо: «развѣ завтра праздникъ, что ты моешь полы?»

*) Отъ матери моей Софіи Степановны Листовской.

«Нѣтъ, служивый, отвѣчала баба, земскіе велѣли мыть; говорятъ: «Царь будетъ ѣхать; вздумаетъ зайти, такъ чтобы было чисто. Ну, гдѣ же онъ зайдетъ?!»—«А хотѣлось бы тебѣ Царя видѣть?»—«Какъ бы не хотѣлось!»—«А если я Царь?» — «Вотъ еще что выдумалъ!» замѣтила съ усмѣшкою баба. Между тѣмъ Государь вошелъ въ избу и спросилъ молока. Баба одѣлась, подала кринку и, встряхнувъ передъ Государемъ свой поясъ, сказала, шутя: «А вотъ, коли ты Царь, такъ я для тебя и нарядилась». Въ это время подѣхалъ экипажъ Государя, а когда нѣсколько особъ свиты его вошли въ избу, баба стала кричать: «караулъ, караулъ!»—«Что ты, что ты? Съ чего тебѣ вздумалось кричать караулъ? Кто тебя грабитъ?» спросилъ Государь. «Батюшка, Ваше Царское Величество!» отвѣчала растерявшаяся баба, «земскіе велѣли»³⁾).

Въ одномъ селеніи, гдѣ Государь долженъ былъ имѣть ночлегъ, приготовили для него помѣщеніе у одного богатаго мужичка. Передъ пріѣздомъ Государя полиція, повздоривъ съ мужичкомъ, отвела ночлегъ у брата мужичка, менѣе зажиточнаго. Государь вошелъ въ комнату и спросилъ меду. «Меду нѣтъ, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ уныло хозяинъ. «Ну, дай молока», сказалъ Государь. «Ваше Императорское Величество, у меня есть медъ», сказалъ обиженный полиціею мужичокъ, стоя у дверей. «Ну, угости», сказалъ Государь. «Ваше Императорское Величество, вѣдь квартира-то у меня отведена была; да, вишь ты, земскіе поспорили и перемѣнили».—«Я ужъ въ этомъ не виноватъ», замѣтилъ Государь. «Ваше Императорское Величество!» продолжалъ неотвязный мужичокъ, низко кланяясь Государю, «осчастливьте!»—«Да какъ же, мой милый, вѣдь и лошади отпряжены». — «Нѣтъ, Ваше Императорское Величество, лошадей еще не отпрягали». А въ это время жена мужичка слезно упрашивала лейбъ-кучера Государя повременить отпряжкою лошадей. «Да и на дворѣ сыро», сказалъ Государь.—«Сверху-то ничего», замѣтилъ мужичокъ. «Ну, что съ тобою дѣлать!» сказалъ, вставая добродушный Монархъ. «Велите подавать лошадей».

Уходя изъ дома, Государь пожаловалъ хозяину сторублевую бумажку.

Государь сѣлъ въ коляску, жена осчастливленнаго мужичка бѣжала уже къ дому, тогда какъ ея мужъ, прицѣпившись къ заднимъ рессорамъ царскаго экипажа, слѣдовалъ къ своему дому, такъ сказать, непосредственно съ Царемъ.

Войдя въ просторный домъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ комнатъ, роскошно для мужика меблированныхъ, Государь обратилъ вниманіе на портреты свой и Императрицы, писанные масляными краска-

³⁾ Отъ нея же.

ми, красовавшіеся надъ диваномъ, и улыбнулся, глядя на нихъ. У Государыни шея была нарисована лебединая. Уѣзжая, Государь благодарилъ хозяина за хорошій ночлегъ и радушіе, ни ничего не пожаловалъ, а съ первой станціи прислалъ ему сторублевую бумажку. Мужичокъ запрягъ лошадей и поскакалъ благодарить Государя. Онъ догналъ его въ Вятской губерніи, гдѣ былъ допущенъ къ Государю, что и не представляло затрудненій, и благодарилъ за дорогой гостинецъ. Эту бумажку отецъ мой видѣлъ у мужичка въ золоченой рамѣ за стекломъ. Мужичокъ, рассказывая ему о пребываніи у него Государя, присовокупилъ: «Завѣщалъ я дѣтямъ и внукамъ, какую бы ни терпѣли нужду, эту бумажку не трогать и сохранять изъ рода въ родъ на память о добромъ Батюшкѣ-Царѣ ⁴⁾».

А вотъ случай находчивости мужичка. Въ Перми хлѣбъ былъ ни по чемъ, 6 или 9 копѣекъ ассигнаціями пудъ, и въ это время воспрещена была вольная продажа водки, на которую наложенъ акцизъ, что, при дешевизнѣ хлѣба, возвысило цѣну водки въ нѣсколько разъ. Въ это-то время дѣдъ мой ⁵⁾ исправлялъ должность губернатора въ Перми. Ыхалъ разъ онъ по улицѣ, по обычаю того времени, четверкою цугомъ. Съ базарной площади мужичокъ съ тремя порожними подводами, разогнавъ лошадей, попалъ прямо въ цугъ. «Поди сюда», крикнулъ ему дѣдъ. «Это что ты надѣлалъ?»—«Да что батюшка, съ горя», отвѣчалъ мужичокъ, почесывая затылокъ. «Какое у тебя горе?» спросилъ дѣдъ. «Да какъ же, привезъ три воза хлѣба на базаръ, хлѣбъ продалъ, деньги пропилъ, а все не пьянъ». Дѣдъ разсмѣялся и отпустилъ мужичка съ миромъ.

Въ Стародубѣ было приготовлено для Государя помѣщеніе въ домѣ губернскаго предводителя Ширая. Входя въ залъ, чтобъ имѣть счастье представиться Государю, Ширай зацѣпился шпагою за ручку замка. «Осе Московска выдумка, только цѣплиется!» ворчалъ онъ. Ширай не замѣчалъ, что въ залѣ стоялъ Императоръ и смѣялся, глядя на колоссальную фигуру Ширая, котораго тщедушная шпажонка не пропускала въ дверь.

Государь сказалъ Шираю, что на время его пребыванія назначаетъ его комендантомъ своей квартиры. Ширай былъ въ восторгѣ; онъ всю ночь ходилъ вокругъ дома, дабы ничто не нарушало покоя дорогаго гостя. На другой день, уѣзжая, онъ благодарилъ Ширая за прекрасный ночлегъ и сказалъ: «Я напишу Императрицѣ, чтобъ остановилась у тебя» ⁶⁾.

⁴⁾ Отъ нея же.

⁵⁾ Андрей Степановичъ Листовскій, д. с. с.

⁶⁾ Отъ генераль-маіора Е. Я. Долгискаго, женатаго на дочери Ширая, Маріѣ Степановнѣ.

Кстати сказать о Шираѣ. Это былъ человѣкъ оригинальный по уму, манерамъ и привычкамъ. «Ваше превосходительство», докладываетъ ему прикащикъ, «у насъ въ хуторѣ валится пуня» (сарай). «Ну, подопри», равнодушно отвѣчаетъ Ширай. Предваряютъ его, что у него прикащикъ воруетъ, что онъ выстроилъ въ Стародубѣ уже домъ, совѣтуютъ перемѣнить. «А онъ домъ-то ужъ выстроилъ?» спрашиваетъ Ширай. «Выстроилъ», отвѣчаютъ ему. «А другаго возьму, ему еще строить надо будетъ», замѣчаетъ хладнокровно Ширай. Иной разъ онъ, узнавъ о воровствѣ кого-либо изъ прикащиковъ, велитъ ему зашить карманы и позвать къ себѣ. «Суй руки въ карманъ». Прикащикъ суетъ руки, но карманы оказываются зашитыми. «Куда, ворюга, будешь ворованное класть?» спрашиваетъ Ширай. «А чтѣ стыдно? Ахъ ворюга, ворюга. Пошелъ!»

Замѣчательно, что у Ширая не было тѣлеснаго наказанія и былъ крестьянскій судъ изъ стариковъ. Рѣшеніе суда предъявлялось ему на утверженіе. Онъ смягчалъ или усиливалъ наказаніе. Лѣтомъ судъ собирался передъ окнами или балкономъ барскаго дома, въ присутствіи самого Ширая. Сибирью, для ссылки, былъ какой-то хуторъ въ Новозыбковскомъ уѣздѣ. Иногда за малую кражу онъ не взыскивалъ, но приказывалъ воришкѣ бѣжать, а за нимъ метлами заматать слѣдъ ⁷⁾.

Проѣзжая черезъ Мглинъ, Государь замѣтилъ, что церковь каменная не достраивается и, узнавъ, что не имѣется средствъ къ окончанію, пожаловалъ двадцать тысячъ рублей.

Извѣстно, что Государь Александръ Павловичъ былъ самымъ строгимъ блюстителемъ закона и почиталъ это необходимымъ для прочности государственнаго строя. На проѣздѣ Государя черезъ Бѣлоруссію, Могилевская помѣщица Викторія Ивановна Крушевская, представивъ ему двухъ малолѣтнихъ дочерей, просила о замѣщеніи ихъ на казенный счетъ въ институтъ. Государь поцаловалъ руку у Крушевской, дѣвочекъ поцѣловалъ въ лобъ и спросилъ ее, гдѣ служилъ ей мужъ? «Нигдѣ», отвѣчала Крушевская. «Хорошо ли вы знаете, что не служилъ?» спросилъ Государь. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ съ особенною какою-то заботливостію сдѣлалъ вопросъ: «Да кѣмъ-нибудь не служилъ ли? Хоть какимъ-нибудь подкоморіемъ?»—«Нѣтъ, Ваше Величество», отвѣчала Крушевская; «я очень хорошо знаю, что никогда и никакой должности мой мужъ не имѣлъ».—«Очень жаль», сказалъ Императоръ: «если вашъ мужъ нигдѣ не служилъ, я не могу исполнить вашей просьбы, такъ какъ по закону принимаются на казенный счетъ только тѣ дѣти, коихъ

⁷⁾ Отъ казака Алексѣя Хмѣлевскаго, бывшаго его арендатора.

отцы состояли на государственной службѣ; отступать же отъ закона я не могу. Вотъ все, что могу вамъ сдѣлать», прибавилъ онъ и тутъ же приказалъ изъ собственныхъ суммъ выдать ей три тысячи рублей ⁸⁾).

Въ Острѣ (Черниговской губерніи) губернаторъ представлялъ Государю всѣхъ чиновниковъ. Въ уѣздѣ этомъ преобладала фамилія Солонина. Въ эту пору, какъ нарочно, въ чиновномъ мірѣ уѣзда, представлявшемся Императору, и не было почти другой фамиліи: предводитель Солонина, уѣздный судья Солонина, непремѣнный за-сѣдатель Солонина. Государь, выходя изъ зала, замѣтилъ губернатору: «Ты меня такъ сегодня угостилъ солониной, что я обопьюсь» ⁹⁾).

Къ императору Александру необыкновенное имѣлъ сочувствіе бывший епископъ Уфимскій, а потомъ архіепископъ Ярославскій Августинъ. Вотъ два замѣчательныхъ случая. Ночью на 19 Марта 1814 года Августинъ въ Уфѣ разбудилъ своего послушника и приказалъ въ соборѣ къ утрени звонить въ большой колоколъ и духовенству собраться къ молебну, который будетъ служить самъ онъ соборнѣ. Вставали въ это время всѣ рано, и губернаторы тоже. Губернаторомъ былъ Наврозовъ. Услыхавъ звонъ въ большой колоколъ, справившись съ свѣтцами и табелью и не найдя никакого въ этотъ день праздника, онъ послалъ узнать о причинѣ звона въ праздничный колоколъ. Ему объяснили, что звонили по приказанію преосвященнаго, который самъ соборнѣ будетъ служить благодарственный молебенъ; но по какому случаю -- никто не знаетъ. Государь въ это время, какъ извѣстно, былъ съ арміею за границею, и потому Наврозовъ пришелъ къ такому предположенію, что не получилъ ли архіерей извѣщенія черезъ Синодъ о какомъ нибудь событіи ранѣе его; онъ прибылъ въ соборъ къ молебну и, прикладываясь къ кресту, спросилъ архіерея, по какому случаю молебенъ?—«Сегодняшній день Государь Императоръ съ воинствомъ изволилъ вступить въ Парижъ», отвѣчалъ преосвященный.—«Ваше преосвященство! Нѣтъ ли здѣсь какой-нибудь ошибки?» спросилъ изумленный Наврозовъ.—«Я не ошибаюсь», отвѣчалъ спокойно Августинъ, «и ваше превосходительство, какъ вѣрноподданнаго, имѣю честь поздравить съ симъ счастливымъ событіемъ».

Черезъ нѣсколько недѣль всѣ узнали, что Августинъ дѣйствительно не ошибся ¹⁰⁾).

⁸⁾ Отъ дочери г-жи Крушевской, Екатерины Антоновны.

⁹⁾ Отъ Александра Михайловича Иеленцева.

¹⁰⁾ Отъ протоіерея Ив. Ант. Бреева, бывшаго при Августинѣ книгодержцемъ, то-есть онъ въ служеніи держалъ предъ Августининомъ служебникъ.

19 Ноября 1825 года, то-есть въ день кончины императора Александра I, Августинъ въ Ярославлѣ служилъ соборнѣ панихиду о рабѣ Божіемъ Александрѣ ¹¹⁾.

Кстати сказать объ Августинѣ. Въ своихъ разсказахъ «Мелочи архіерейской жизни» г. Лѣсковъ упоминаетъ, между прочимъ, что покойный митрополитъ Кіевскій Филаретъ, бывъ ректоромъ Уфимской семинаріи, переносилъ гоненія отъ Августина. Я полагаю здѣсь ошибку. Митрополитъ Филаретъ былъ въ Уфѣ при Амвросіи. Мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ переписку Амвросія съ Филаретомъ, уже членомъ Синода. Амвросій просилъ не памятовать ему зла. Въ отвѣтъ Филарета была легкая укоризна за предположеніе, что онъ можетъ памятовать о злѣ, еслибъ и было ему оно дѣлаемо, и что все дѣлается ко благу человѣка.

Августинъ пріѣхалъ въ Уфу франтомъ, ходилъ въ бархатныхъ рясахъ, въ разговорахъ съ дамами любилъ пересыпать свою рѣчь Французскими фразами. Но вдругъ въ немъ произошла рѣзкая перемѣна: онъ сталъ ходить въ крашенинной рясѣ, ѣздилъ въ соборъ на служеніе въ кибиткѣ на парѣ лошадей, по епархіи въ кибиткѣ на тройкѣ; рядомъ сажалъ протоіерея, на кѣзла протодіакона, а на облучокъ посошника (онъ же и послушникъ его). Съ шести часовъ утра онъ былъ въ Консисторіи, и ни одно прошеніе, ни одна бумажка не миновала его рукъ: сейчасъ же наводилась справка, клалась резолюція и исполнялась. Взятничество, разумѣется, при такихъ порядкахъ, было немислимо. Но содержаніе консисторскихъ чиновниковъ было столь скудно, что существовать безъ постороннихъ источниковъ не представлялось возможнымъ. Зная это хорошо, архипастырь ограничилъ до крайности собственные расходы, раздѣляя весь остатокъ отъ своего содержанія и прогоновъ на консисторскую братію ¹²⁾. Такого образа жизни держался Августинъ и въ Ярославлѣ, что казалось страннымъ, и за эти странности, какъ говорилъ А. Н. Муравьевъ, кажется, онъ и уволенъ былъ на покой.

На Муравьева Августинъ не произвелъ хорошаго впечатлѣнія. Онъ пришелъ къ Андрею Николаевичу въ Ростовъ, гдѣ жилъ на покоѣ, ночью, когда сему послѣднему, быть можетъ, желалось отдохнуть, говорилъ скоро, ходилъ по комнатѣ, курчавые волосы его имѣли видъ взъерошенныхъ. Онъ показался Андрею Николаевичу какъ бы помѣшаннымъ ¹³⁾.

Образъ жизни велъ онъ въ Ростовѣ отшельническій, прислуги у него не было. Когда Уфимская помѣщица Лазарева зашла къ нему въ Ростовъ, онъ очень обрадовался, самъ поставилъ самоваръ, на-

¹¹⁾ Отъ кол. сов. Вас. Вас. Завьялова.

¹²⁾ Отъ надв. сов. Сидорова, Уфимскаго старожила.

¹³⁾ Отъ А. Н. Муравьева.

поить ее чаемъ. При ней же онъ, нагнувшись, мѣшалъ кочергою въ печи и закрылъ трубу ¹⁴⁾

Августинъ былъ очень расположенъ къ потомственному почетному гражданину И. Плѣшанову. Плѣшановъ считалъ его мужемъ боговдохновеннымъ и говорилъ, что всѣ случаи его жизни были ему задолго предсказаны Августиномъ ¹⁵⁾.

*

Въ 1812 году главнокомандующимъ резервною арміею былъ князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. Онъ былъ очень небольшого роста, человѣкъ горячій до забывчивости. Главная квартира находилась въ гор. Бѣлицѣ, Могилевской губерніи (нынѣ заштатный городъ близъ Гомеля). Получивъ Высочайшее повелѣніе доставить на подводахъ къ Калишу 17 тысячъ войска, князь Лобановъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы собрать нужное количество подводъ, и отправилъ Императору своего адъютанта Мансурова съ донесеніемъ, что воля Его Величества будетъ немедленно исполнена. На другой день является къ нему исправникъ, докладывая, что Добрянка ¹⁶⁾ отказалась поставить подводъ. Князь Лобановъ пришелъ въ ярость, затопалъ ногами, замахалъ кулаками, раскричался, и въ пылу гнѣва крикнулъ ¹⁷⁾ «сжечь Добрянку!» — «Слушаю,» отвѣчалъ исправникъ и удалился. Прошло два-три дня, дѣло уладилось, войско отправлено. Является исправникъ. Князь Лобановъ вспомнилъ о своей вспышкѣ и уже боялся услышать объ исполненіи безумнаго приказанія. «Ваше сіятельство!» сказалъ исправникъ, «я долженъ просить у васъ прощенія: я не могъ исполнить вашего приказанія, потому что не понималъ хорошенько, какъ угодно в. с—тву сжечь Добрянку, съ жителями или безъ жителей?» — «Молодецъ ты!» сказалъ князь Лобановъ, довольный находчивостью исправника. Исправникъ же, благодаря этому случаю, пользовался всегда особымъ расположеніемъ князя.

Съ какимъ трепетомъ прежнее духовенство встрѣчало своего архіерея, дастъ понятіе слѣдующій забавный случай. Въ Перми былъ архіерей, старичокъ слабый. Духовенство вспоминало о немъ только во время церковной молитвы. По кончинѣ его (въ 1823 г.) назначенъ

¹⁴⁾ Отъ А. И. Лазаревой.

¹⁵⁾ Отъ вдовы Плѣшанова, Глафиры Козминичны.

¹⁶⁾ Раскольниковъ слобода. Такими случаями пользовалась полиція, налагая не по силамъ повинность, пока слобода не убоготворить алчущихъ. Тутъ, быть можетъ, былъ только протестъ со стороны Добрянки противъ притѣсненій полиціи.

¹⁷⁾ Отъ Александра Михайловича Псленьева, бывшаго адъютантомъ князя Лобанова въ то время.

былъ Діонисій. Слухъ пронесся, что Діонисій строгъ, дѣятеленъ, ѣздитъ любитъ скоро. Это было вскорѣ по смерти моего дѣда, а по тому мать моя и бабушка были въ глубокомъ траурѣ, то-есть въ сукнѣ и крепѣ. Такъ какъ архіерей долженъ былъ остановиться въ с. Мотовилихѣ (въ шести верстахъ отъ города) и тамъ слушать литургію, родные мои, желая встрѣтить архіерея, поѣхали туда. Поѣхали они въ голубой каретѣ, четверкою вороныхъ цугомъ. На ѣзду соборнаго духовенства, такого же цвѣта карета и на вороныхъ лошадяхъ была отправлена за архіереемъ. Роднымъ моимъ встрѣтился на дорогѣ мужичокъ; онъ объяснилъ, что обѣдня отошла, и архіерей сейчасъ выѣзжаетъ, почему онъ вернулись въ городъ. Лишь только карета ихъ показалась на горѣ, на соборной колокольнѣ начался трезвонъ. Родные, полагая, что за ними ѣдетъ архіерей, велѣли гнать лошадей, чтобы предупредить его приѣздъ. А между тѣмъ это самое еще болѣе укрѣпило соборянъ въ увѣренности, что ѣдетъ архіерей. Соборяне засуетились, вышли, для встрѣчи архіерея, къ воротамъ соборной ограды съ крестнымъ ходомъ, съ рипидами, свѣтильниками, къ дверцамъ кареты бросили орла, что не позволяло моей бабушкѣ сойти со ступеньки кареты,—а въ это время діаконъ ей кадятъ, а протодіаконъ при этомъ баситъ «Достойно есть яко воистину». Наконецъ, кто-то изъ публики попросилъ образумиться и дать возможность дамамъ выйти изъ кареты. Можно представить досаду духовенства, при существовавшемъ предразсудкѣ, что подобная ошибка представляетъ дурное предзнаменованіе.

Однажды покойный Филаретъ, митрополитъ Кіевскій, говорилъ проповѣдь во время обѣдни. Бывшій тогда генераль-губернаторомъ Бибииковъ позволилъ себѣ въ это время разговаривать съ какимъ-то генераломъ. Филаретъ, сдѣлавъ поворотъ къ нему, замѣтилъ ему: «Или вы говорите, а я васъ буду слушать, или вы молчите, а я буду говорить». А затѣмъ, возвратясь къ аналою, сталъ продолжать прерванное поученіе ¹⁸⁾.

Тотъ же рассказикъ былъ свидѣтелемъ одного забавнаго случая при произнесеніи проповѣди. Въ 1826 году 30 Ноября, въ храмовой праздникъ въ Андреевской церкви въ Кіевѣ, служилъ митрополитъ. Мѣстный протоіерей долженъ былъ говорить поученіе. Онъ вошелъ на кафедру, митрополитъ сѣлъ передъ иконостасомъ на своемъ креслѣ противъ проповѣдника. «Иду рыбу ловити», началъ проповѣдникъ. Старички-богомольцы, стоявшіе возлѣ кафедры, предполагая, что батюшка собирается на Днѣпръ и, почитая долгомъ напутствовать его добрымъ пожеланіемъ, съ низкимъ поклономъ, сказали ему:

¹⁸⁾ Отъ ст. сов. Павла Семеновича Балабухи.

«помогай, Боже, батюшка». Священникъ до того растерялся, что не могъ произнести ни одного слова. Видя замѣшательство проповѣдника, митрополитъ, вставъ, далъ знакъ пѣвчимъ; они пропѣли «буди имя Господне», и служеніе окончилось безъ проповѣди.

*

Императоръ Николай, бывъ въ 1837 году въ Казани, которую называлъ уголкомъ столицы, остался отменно доволенъ университетомъ и попечителемъ учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Замѣтно, ему было пріятно, что вездѣ встрѣчала его толпа студентовъ. Входя на второй этажъ къ церкви, Государь замѣтилъ, что рѣшетка пестра. Рѣшетка была окрашена зеленою краскою съ красными и желтыми цвѣтами, чисто въ Азіатскомъ вкусѣ. Церковь очень понравилась Государю, и онъ объявилъ желаніе на другой день быть у обѣдни. На другой день рѣшетка оказалась чугунаго цвѣта, и Государь милостиво далъ понять Мусину-Пушкину, что онъ замѣтилъ эту перемѣну ¹⁹⁾.

*

Въ одинъ изъ проѣздовъ Государя въ Кіевъ его ожидали въ лаврѣ. Но потомъ прислано сказать митрополиту, что Государь проѣдетъ прямо въ домъ генераль-губернатора. Черезъ нѣкоторое время прислали сказать снова митрополиту, что Государь сейчасъ будетъ. Все засуетилось: кто застилаетъ ковры, кто облачается, кто зажигаетъ свѣчи. Императоръ входитъ въ храмъ, старикъ-монахъ зажигаетъ паникадило. Государь, взявъ старика за локоть, сказалъ: «оставь, не надо». Монахъ, не оборачиваясь и полагая, что ему говоритъ кто-нибудь изъ послушниковъ, не слыхавшихъ послѣдняго извѣщенія о намѣреніи Государя, толкнулъ локтемъ, проговоривъ: «тебя никто не питаетъ, иди прочь, самъ знаю що треба». Государь улыбнулся и пошелъ далѣе. Старикъ пришелъ въ ужасъ, когда ему сказали, что отвѣтъ его былъ обращенъ къ Царю ²⁰⁾.

*

Однажды императоръ Николай, назначивъ свой выѣздъ въ Царское Село, повелѣлъ, чтобы никакихъ встрѣчъ ему не дѣлалось. Желѣзной дороги не было, шоссе еще не было открыто для публики, почему нѣкоторые мосты были заложены. Подѣхавъ къ одному мосту, Государь замѣтилъ чиновника, суетившагося возлѣ моста. Подозвавъ его къ себѣ и узнавъ, что это былъ исправникъ, Государь спросилъ: «какимъ образомъ ты здѣсь, когда я приказалъ, чтобы не было мнѣ никакихъ встрѣчъ?»—«По личному усердію,

¹⁹⁾ Отъ д. ст. сов. А. Х. Глушкова.

²⁰⁾ Отъ намѣстника лавры, архимандрита Варлаама.

Ваше Величество». — «За личное усердіе на недѣлю на гауптвахту», сказалъ Государь ²¹⁾.

*

На маневрахъ флота подъ Кронштадомъ, въ присутствіи императора Николая, одинъ корветъ наткнулся на другой. «Подъ судъ командира», грозно сказалъ Императоръ. Адмиралъ Белингсгаузенъ, стоя возлѣ него, началъ ворчать: «за всякую малость подъ судъ!».. Государь сдѣлалъ видъ, что его слушаетъ. «Молодой офицеръ», продолжаетъ Белингсгаузенъ, «желалъ отличиться въ присутствіи Государя, не размѣрилъ разстоянія и наткнулся: не велика бѣда! Если за это подъ судъ, у насъ и флота не будетъ». Государь, обратясь къ Белингсгаузену, сказалъ: «Спасибо, старикъ; ты сказалъ правду! Но все таки надо разслѣдовать». — «Это будетъ сдѣлано», продолжалъ тѣмъ же ворчливымъ тономъ Белингсгаузенъ, «и съ виновнаго взыщется, но не судомъ». — «Правда, правда», подтвердилъ Государь, «спасибо!» ²²⁾.

Интересно, что въ Россіи служили три родные брата Белингсгаузенъ: первый адмиралъ Ѳаддей Ѳаддеевичъ, второй генералъ Иванъ Ивановичъ, третій дѣйств. ст. сов. Ѳедоръ Ѳедоровичъ, а отца ихъ звали Карломъ. Конечно, это можетъ случиться только въ Россіи и случилось слѣдующимъ образомъ: Ѳаддей воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ. «Какъ тебя зовутъ?» спрашиваютъ его, при пріемѣ. «Ѳаддеемъ». — «А по отцѣ?» Белингсгаузенъ, не говоря порусски, не понялъ вопроса. Онъ подумалъ и повторилъ опять «Ѳаддей». Пишите Ѳаддей Ѳаддеевичъ». И записали такъ. Иванъ опредѣленъ былъ въ первый Кадетскій корпусъ. Совершенно также его возвеличали Ивановымъ, а третьяго Ѳедоровымъ. Такъ записаны были они въ корпусахъ, такъ выпущены на службу, служили и умерли самозванцами ²³⁾.

*

Императоръ Николай въ 1848-мъ, кажется, году, проѣзжая чрезъ Черниговъ, остановился у собора, прошелъ въ склепъ теплаго собора, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ мощи святителя Θεодосія Углицкаго, поклонился угоднику, потомъ прошелъ въ холодный соборъ, гдѣ отслужилъ молебенъ и затѣмъ сѣлъ въ коляску, при крикахъ ура! Лошади рванули, построжки пристяжныхъ лопнули. Государя, разумѣется, это раздосадовало; а народъ все не переставалъ кричать ура! «Оставьте», крикнулъ Императоръ, и вся многотысячная толпа смолкла мгновенно ²⁴⁾.

²¹⁾ Отъ генералъ-адъютанта Дм. Серг. Мордвинова.

²²⁾ Отъ д. с. с. Ник. Викент. Куницкаго, бывшаго моряка, лично слышавшаго отъ адмирала Белингсгаузена.

²³⁾ Отъ него же, Куницкаго.

²⁴⁾ Отъ священника И. Д. Бакуревича.

Въ Брестѣ-Литовскомѣ, при встрѣчѣ Государя Николая Павловича, управляющій Комисаріатской Комисіей, д. ст. сов. Нейгардтъ рапортуетъ Его Величеству о состояніи склада: «Имѣю счастье Вашему Императорскому Величеству доложить, что въ складахъ Брестской Комисаріатской Комисіи по настоящее число имѣется на лицо: холста подкладочнаго 38,453 арш., холста рубашечнаго 182,208 арш., сукна чернаго мундирнаго 16,586 арш., сукна сѣраго»... и т. д. Произнося это, Нейгардтъ все косится на свою правую руку, которою сдѣлалъ подъ козырекъ. Нейгардтъ былъ колоссальнаго роста и имѣлъ огромную руку. Не надѣясь на свою память, онъ всѣ эти цифры написалъ на пальцахъ своей перчатки съ внутренней стороны. Государь замѣтилъ эту продѣлку, но не далъ этого понять, а по окончаніи рапорта, сказалъ: «Спасибо Нейгардтъ! Дай мнѣ свою перчатку на память», и взялъ перчатку.

Случай этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій для Нейгардта ²⁵⁾.

*

Нѣсколько словъ о графѣ Клейнмихелѣ. Графъ Клейнмихель, управляясь съ докладомъ къ императору Николаю, всегда былъ въ волненіи; онъ какъ-то судорожно перебиралъ пуговицы на мундирѣ, повѣряя, всѣ ли онѣ застегнуты ²⁶⁾. Разъ, по возвращеніи его отъ Императора, Безносиковъ вошелъ къ нему въ кабинетъ и нашелъ его лежащимъ на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ. Портфель лежалъ на столѣ: «Ваше с—во! Пришелъ Безносиковъ», доложилъ послѣдній. Отвѣта нѣтъ. «Ваше с—во! Не будетъ-ли приказаній?» Нѣтъ отвѣта. «Ваше с—во! Прикажете взять портфель?»—«Ваше с—во! Я ухожу». Клейнмихель, сдѣлавъ быстрый оборотъ головы, крикнулъ съ досадою: «ищите, кто меня умиѣе; я—поглупѣлъ!!» ²⁷⁾.

Целегкая бы была и задача: графъ Клейнмихель, какъ отзывался о немъ Безносиковъ и другое почтенное лицо, знавшее лично всѣхъ министровъ путей сообщеній, былъ человекъ государственнаго ума. Вотъ образчикъ его необыкновенныхъ способностей. Былъ комитетъ по сооруженію какого-то громаднаго моста. Составилось болѣе двухъ сотъ мнѣній по разнымъ частямъ этой постройки. Не мало стоило труда начальнику отдѣленія разобрать эти всѣ мнѣнія по группамъ. Въ Субботу онъ представилъ все Клейнмихелю, который велѣлъ въ Понедѣльникъ въ 9-ть часовъ утра придти за ними. Въ Понедѣльникъ утромъ начальникъ отдѣленія получилъ отъ Клейнмихеля всѣ мнѣнія, при чемъ изъ нихъ по каждой части сооруженій выбраны были самыя вѣрнѣйшія ²⁸⁾.

²⁵⁾ Отъ генералъ-маіора А. В. Листовскаго.

²⁶⁾ Отъ генералъ-маіора Конст. Ст. Безносикова.

²⁷⁾ Отъ него же.

²⁸⁾ Отъ генералъ-лейтенанта П. П. Зуева.

Дошло до свѣдѣнія графа Клейнмихеля, чрезъ начальника III-го отдѣленія, о злоупотребленіяхъ полковника Я... Командированъ былъ Безносовыхъ произвести удостовѣреніе. Я... жилъ въ губернскомъ городѣ открыто, еженедѣльно у него были балы, онъ имѣлъ лучшій домъ въ городѣ, лучшій выѣздъ. По пріѣздѣ Безносова, Я... далъ обѣдъ на славу и потомъ балъ. Безносовыхъ, возвратясь въ Петербургъ, явился къ Клейнмихелю. «Что Я...?» спрашиваетъ Клейнмихель. «Я долженъ доложить вашему с—ву, положи руку на сердце ..»—Я васъ не спрашиваю о томъ, что вы, положи руку на сердце, можете сказать; а я спрашиваю у васъ фактовъ».—«Никакихъ не могъ открыть». — «Ну, значитъ, онъ умный человѣкъ», замѣтилъ Клейнмихель и ограничился переводомъ Я... въ другой округъ ²⁹⁾.

Разъ Клейнмихель возвратился отъ Государя разстроеннымъ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ Безносова, бывшаго чиновникомъ порученій его, и сказалъ ему, чтобы онъ одинъ докладывалъ ему по всѣмъ дѣламъ, успокоивая при томъ Безносова, что не займетъ этимъ у него особенно много времени. Оказалось, что у Безносова для обѣда, чая и сна было всего шесть часовъ. Передъ докладомъ, онъ долженъ былъ познакомиться съ каждымъ дѣломъ; а послѣ доклада, передать по отдѣленіямъ всѣ приказанія главноуправляющаго, потомъ вскрыть пакеты, телеграммы, потребовать для поясненія ихъ дѣла, подложить, ознакомить, доложить. Словомъ, работа была такая, что черезъ три мѣсяца на Безносова сталъ находить столбнякъ; онъ опасался, чтобы не помѣшаться въ умѣ. Докладывая разъ по какому-то дѣлу, онъ объяснилъ Клейнмихелю, что не имѣлъ даже физической возможности прочесть его: минуты свободной не было. «А?! Такъ васъ тяготитъ эга обязанность? Что же, вы можете быть отъ нея освобождены». Въ тотъ же день Безносовыхъ получилъ командировку, и въ теченіи двухъ лѣтъ ему не случалось оставаться въ Петербургѣ болѣе сутокъ.

*

Упомяну здѣсь нѣсколько курьезовъ изъ служебной сферы, какъ характеризующихъ извѣстную эпоху.

Въ началѣ 40-хъ годовъ былъ въ Уфѣ губернаторомъ Ив. Дм. Талызинъ, человѣкъ очень умный, дѣльный, живой и горячій. Былъ онъ недоволенъ городскимъ головою Н... Призвавъ его и распушивъ, какъ водилось, онъ между прочимъ замѣтилъ: «ты сегодня у меня голова, а я завтра изъ тебя сдѣлаю пѣшку и кровь выпущу!»

Въ Могилевѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ губернаторомъ

²⁹⁾ Отъ генерал-маіора К. С. Безносова.

Гамалея. Правитель канцеляріи Бѣловъ приноситъ ему развернутымъ томъ Свода Законовъ и объясняетъ, что приказаніе его не можетъ быть исполнено: законъ не допускаетъ этого. При этомъ указываетъ на статью. Гамалея вырвалъ томъ, быстро положилъ его подъ себя на стулъ и, указавъ пальцемъ на свою грудь, крикнулъ: «вотъ вамъ законъ» ³⁰⁾.

Въ Суражѣ, Черниговской губерніи (это было въ пятидесятыхъ годахъ) пріѣхалъ на ревизію губернаторъ Шабельскій. Въ Ратушѣ кипитъ работа, журналы за цѣлый мѣсяцъ переписаны, ратманы вытрезвлены, посажены за присутственнымъ столомъ, чиновники почистились; у кого не доставало форменныхъ пуговицъ, таковыя перенесены съ фалды на грудь; секретарь сидитъ за столомъ, скрѣпляетъ журналы и, скрѣпивъ, подвигаетъ ихъ ратманамъ; тѣ выводятъ евангельскими буквами, перекрестясь, свои фамиліи, если не съ чувствомъ и толкомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ разстановкою. Дѣло кончено. Но—о ужасъ! всѣ журналы ратманами подписаны такъ, какъ подвигалъ ихъ къ нимъ секретарь, т. е. вверхъ ногами. Между тѣмъ является губернаторъ, ревизуетъ, замѣчаетъ медленность и дѣлаетъ секретарю выговоръ. «Помилуйте, в. п-во, отвѣчаетъ секретарь, невозможно успѣть: я одинъ, ратманы неграмотные. Вотъ не угодно-ли взглянуть на журналы? А вѣдь это журналы за цѣлый мѣсяцъ, и ихъ нужно переписывать». Шабельскій взглянулъ на журналы, взглянулъ на мудрецовъ, засмѣялся, махнулъ рукою и, взявъ назадъ свое замѣчаніе, оставилъ Ратушу ³¹⁾.

Замѣчательно, что, по разъясненію министра юстиціи, должность ратмана даетъ право на избраніе въ мировые судьи. Одинъ изъ такихъ судей въ г. М. поцѣловалъ было руку у прокурора Судебной Палаты, еслибъ тотъ не отдернулъ ся въ время.

*

Вотъ случай, характеризующій покойнаго графа Михаила Николаевича Муравьева. Братъ мой ³²⁾, вскорѣ, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ назначенъ исправляющимъ должность совѣтника Самарской Палаты Государственныхъ Имуществъ. По чину онъ еще не могъ получить утвержденія въ этой должности. Пріѣхалъ въ Самару министръ государственныхъ имуществъ, Муравьевъ. Сидитъ онъ въ присутственной камерѣ съ полнымъ составомъ Палаты и ревизуетъ отдѣленіе моего брата. «Медленность большая». — «Ваше в. п—во, я два мѣсяца только управляю отдѣленіемъ» — «Надо больше заниматься», говоритъ вяло Муравьевъ. «Я занн-

³⁰⁾ Отъ ст. сов. О. А. Самулевича.

³¹⁾ Отъ кол. сов. М. П. де-Жоржъ.

³²⁾ Д. ст. сов. А. С. Листовскій. 1877.

маюсь восемнадцать часовъ въ сутки, болѣе не могу».—«Ну, можно и въ праздникъ заняться», тѣмъ же тономъ продолжаетъ Муравьевъ.—«У меня праздниковъ нѣтъ!» Муравьевъ замолчалъ, а по возвращеніи своемъ въ столицу произвелъ моего брата въ слѣдующій чинъ и утвердилъ въ должности.

*

Разъ Набоковъ, Иванъ Александровичъ, корпусный командиръ, во время развода, желая что-то сказать начальнику дивизіи, Гартунгу, крикнулъ ему: «Николай Ивановичъ!» Гартунгъ поспѣшилъ на этотъ зовъ. Въ тоже самое время съ гауптвахты караульный офицеръ, сдѣлавъ на караулъ, а потомъ вложивъ шпагу въ ножны, скорымъ маршемъ отправился чрезъ плацъ по направленію къ Набокову. «Что прикажете, в. в.—п-во?» спросилъ Гартунгъ, подойдя къ нему. «Позвольте, батюшка, позвольте», отвѣчалъ Набоковъ, «на гауптвахтѣ что-то случилось: дежурный офицеръ идетъ сюда». Между тѣмъ дежурный офицеръ подошелъ и сдѣлалъ честь. «Что такое, батюшка, случилось?» спросилъ его Набоковъ. — «Ваше в. п.—во изволили меня звать», отвѣчаетъ офицеръ. — «Когда, батюшка?»—«В. в.—п-во изволили кричать: Николай Ивановичъ!»—«А—а! такъ васъ зовутъ Николай Ивановичъ? Очень пріятно познакомиться. А меня зовутъ Иванъ Александровичъ», прибавилъ онъ, протягивая руку растерявшемуся офицеру, который разомъ познакомился и со всею группою офицеровъ, окружавшихъ командира ³³⁾. (Офицеръ былъ Турово).

*

Въ 1851 году пріѣзжалъ на ревизію Палаты Государственныхъ Имуществъ въ Уфу директоръ департамента, Ганъ. Управляющимъ Палатою былъ Л. О. Строковскій, человекъ очень умный, честный и дѣльный, но большой чудакъ. При пріемѣ лѣсныхъ офицеровъ, Ганъ обратился къ нимъ приблизительно съ слѣдующею рѣчью. «Я удивляюсь, господа, какъ вы не живете въ лѣсу? Что можетъ быть пріятнѣе этой жизни? Какъ, напримѣръ, въ Германіи: лѣсной офицеръ встаетъ утромъ рано, беретъ своего вѣрнаго друга-собаку, на плечо ружье и отправляется по участку, вдыхаетъ благоуханный ароматическій воздухъ, набиваетъ дичи и, незамѣтно обойдя свой участокъ, возвращается съ добычею къ обѣду къ дорогой своей семьѣ!»—«Позвольте спросить в. п-во», обратился къ Гану Строковскій, какъ можетъ нашъ лѣсной офицеръ съ своимъ вѣрнымъ другомъ-собакою обойти до обѣда свой участокъ, имѣющій въ окружности четыреста верстъ?!

³³⁾ Отъ генераль-маіора Зах. Григ. Гудими.

Повидимому Строковскій не убѣдилъ Гана, потому что былъ уволенъ отъ должности, хотя Палата при немъ была въ отличномъ состояніи.

*

По введеніи положенія 19 Февраля, въ С... уѣздѣ было двое стариковъ мировыми посредниками, коимъ право на эту должность давала прежняя служба въ земскомъ и уѣздномъ судахъ. Канцелярія губернатора любила щеголять иностранными словами въ бумагахъ. Читаетъ одинъ изъ посредниковъ въ отношеніи губернатора слово «иниціатива». — «Ө. И—чъ! А гдѣ это говорится объ иниціативѣ?» спрашиваетъ онъ коллегу. «Шукайте въ положеніи о выкупѣ», послѣ нѣкотораго размышленія, отвѣчалъ послѣдній.

Мировой Съѣздъ тому же посреднику поручилъ утвердить границы крестьянскаго надѣла. Онъ пріѣхалъ въ селеніе, созвалъ сходъ, взошелъ на самое возвышенное мѣсто дачи и, простерши руки и обращиваясь на всѣ четыре стороны, торжественно произнесъ: «утверждаю! утверждаю! утверждаю! утверждаю!» Съ недоумѣніемъ смотрѣла толпа на своего посредника, который юридическому акту утвержденія границъ далъ значеніе какого-то священнодѣйствія.

Невѣроятно? Но было такъ.

И. Листовскій.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

14 Декабря 1825 года много было, какъ извѣстно, арестованныхъ и заключенныхъ въ крѣпость. Помѣщеніе было убійственное и содержаніе крайне-плохое. Между заключенными былъ ропотъ. Государь Николай Павловичъ, какъ только узналъ объ этомъ, прислалъ флигель-адъютанта разслѣдовать, и за тѣмъ приказалъ отвести хорошее помѣщеніе, хорошо кормить и допустить родныхъ для свиданія ¹⁾

*

Когда Мадонна Альба (Рафаэля) была доставлена въ Петербургъ и, реставрированная покойнымъ Бруни, поставлена въ Императорскомъ Эрмитажѣ, государь Николай Павловичъ съ государынею Александрою Оедоровною изволили придти туда. Мадонна очень понравилась Императрицѣ, и она высказала желаніе имѣть ее въ своемъ кабинетѣ. «Жирно будетъ», замѣтилъ въ шутку Императоръ. «Вотъ онъ для тебя сниметъ копію», прибавилъ онъ, указывая на Бруни, «не уступитъ подлиннику; а ея мѣсто здѣсь», т.-е. чтобъ она была доступна обществу.

Бруни списалъ для Императрицы копію ²⁾.

*

Императоръ Николай Павловичъ дорожилъ вдохновеніемъ художника. Разъ зашелъ онъ въ студию Брюлова и, узнавъ, что тотъ, затворившись, пишетъ, не приказалъ отрывать отъ дѣла: «а я зайду въ другой разъ», сказалъ онъ ³⁾.

*

¹⁾ Отъ Александра Михайловича Исленьева.

²⁾ Отъ тайн. сов. Бруни.

³⁾ Отъ художника Н. И. Дятріева.

Въ Комитетѣ Министровъ однажды, вмѣсто доклада, регистраторъ по ошибкѣ въ пакетъ Государю положилъ листъ бумаги, на которомъ пробовались перья. Когда ошибка обнаружилась, доложили статсъ-секретарю Суковкину; тотъ поѣхалъ справиться. Пакетъ нашли на столѣ у Государя. Государь Николай Павловичъ возвратилъ пакетъ и, улыбнувшись, замѣтилъ: «Тотъ только не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ» ⁴⁾.

*

Императоръ Николай Павловичъ, производя смотръ понтоннымъ паркамъ въ Варшавѣ, приказалъ отъ каждого парка выѣхать по двѣ фуры (каждая въ шесть лошадей). Обративъ вниманіе на прекрасно содержанныхъ лошадей, онъ замѣтилъ: «Видно, что командиры сами ѣздятъ на лошадяхъ» ⁵⁾.

*

Въ той же Варшавѣ послѣ смотра, оставшіеся отмѣнно довольны состояніемъ войскъ, Государь обратился къ окружавшимъ его офицерамъ и сказалъ: «Господа генералы и штабъ-офицеры, прошу ко мнѣ обѣдать». Возвратясь въ Лазенковскій дворецъ, Государь усомнился, принялъ ли это его приглашеніе фельдмаршалъ князь Паскевичъ, такъ какъ особо къ нему оно не было обращено. Государь приказалъ позвать къ себѣ конвойнаго. Явился Кавказецъ. «Поѣзжай сейчасъ къ Ивану Ѳедоровичу», сказалъ ему Государь, «проси его ко мнѣ обѣдать; да скажи, что я безъ него не сяду за столъ». Конвойный поскакалъ, но дорогою пришелъ въ раздумье: кто такой Иванъ Ѳедоровичъ? Для разъясненія недоразумѣнія онъ обратился къ первому попавшемуся городовому или будочнику, какъ они назывались тогда. «Гдѣ живетъ Иванъ Ѳедоровичъ?» спросилъ онъ его. «А вотъ въ этомъ переулкѣ», объяснилъ тотъ, указывая на переулокъ, «въ трехконномъ домѣ, подъ зеленою крышею» и т. д. Будочникъ не виталъ далеко: весь міръ для него представляла его будка съ ближайшими домами, а самымъ великимъ человѣкомъ былъ квартальный надзиратель, Иванъ Ѳедоровичъ, къ которому онъ и направилъ незнакомца. Конвойный позвонилъ. Вышла кухарка. «Здѣсь живетъ Иванъ Ѳедоровичъ?» — «Здѣсь» — «Скажи ему, что Государь прислалъ просить его обѣдать» — «Да они ужъ покушали», наивно отвѣчала кухарка, «и спать легли». — «Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я долженъ исполнить повелѣніе Государя». Ивана Ѳедоровича разбу-

⁴⁾ Отъ д. с. сов. Н. В. Компанейщикова.

⁵⁾ Отъ генералъ лейтенанта А. В. Листовскаго.

дили. Конвойный передалъ ему приглашеніе. Старикъ квартальный сталъ выражать сомнѣніе, и конвойный почелъ долгомъ присовокупить: «Мало того, что Государь приглашаетъ васъ кушать, но приказалъ вамъ сказать, что безъ васъ и за столъ не сядетъ». Мѣшкать, значитъ, было нечего. Старикъ, записавъ фамилію посланнаго и, наскоро одѣвшись, отправился во дворецъ. Паскевичъ же прибылъ къ обѣду по приглашенію Государя, обращенному вообще къ генераламъ.

Во время обѣда Государь, замѣтивъ между обѣдающими невоеннаго старика, обратился къ графу Бенкендорфу съ вопросомъ: «кто это тамъ сидитъ безъ эпoletъ?»—«Сей часъ узнаю, Ваше Величество.»—«Нѣтъ, нѣтъ», замѣтилъ Государь, «не конфузъ, пусть пообѣдаетъ, поспѣетъ».

По окончаніи обѣда Государь снова предварилъ Бенкендорфа, чтобъ разузнать «поделикатнѣе.» «Кто вы?» спросилъ графъ Бенкендорфъ счастливаго теску фельдмаршала. «Квартальный надзиратель такой-то», отвѣчалъ старикъ. «Какъ вы сюда попали?»—«По приглашенію Государя, переданному мнѣ такимъ-то поручикомъ конвоя Его Величества.»—«Какимъ образомъ?»—«Да этого мало, замѣтилъ старикъ»,—«Государь Императоръ изволилъ сказать, что безъ меня и за столъ не сядетъ». Графъ Бенкендорфъ расхохотался и доложилъ Государю, котораго это не менѣе позабавило.

Получилъ ли тутъ Государь свѣдѣніе объ этомъ квартальномъ, или наружность его вселила къ нему довѣріе, но Государь подозревалъ его къ себѣ, пожаловалъ часы, милостиво сказавъ: «Ты хорошій служака, вотъ тебѣ отъ меня». Такимъ образомъ въ одинъ день пало столько благополучія на квартальнаго: получилъ изъ рукъ Государя подарокъ, обѣдалъ за царскимъ столомъ и обѣдалъ въ одинъ день два раза, чѣмъ какъ извѣстно, полицейскіе желудки того времени не брезгали ⁶⁾.

*

Въ старое время полиція однако далеко не пользовалась довѣріемъ общества. Оклады были малые, и нужно было какъ нибудь промышлять «ребятишкамъ на молочишко». Дѣла о кражѣ, напримѣръ рѣдко доходили до суда: возметъ полиція съ вора контрибуцію и отпустить, пригрозивъ, чтобъ впредъ не попадался, а втайнѣ желая этого всею душою.

Одинъ исправникъ И. въ Уѣзъ говорилъ, что разъ извѣстнаго ворюшку Татарина онъ видитъ на козлахъ ямщикомъ. «Что Абдулка», спрашиваетъ онъ, «развѣ пересталъ красть?»—«Просилъ, бачка; подумалъ: что напрасно на чужой человекъ работать?». И такъ въ итогѣ

⁶⁾ Отъ адмирала И. В. Плоскочина.

у вора выходило, что въ вигрышѣ оставалась полиція, на которую онъ и работалъ «напрасно».

Смѣлость полиціи доходила до того, что украденное у губернатора могло переходить къ полиційместеру. Управлялъ губерніею въ Уфѣ (тогда Оренбургскою) нѣкто Македонскій. У него въ гостинной, въ простѣнкахъ подъ зеркалами, стояли серебрянные подсвѣчники, съ вензелями хозяйки. Домъ былъ низенькій. Разъ лѣтомъ, вечеромъ, воръ, подойдя къ отворенному среднему окну гостинной и протянувъ руки на право и на лѣво, взялъ отъ каждого зеркала по подсвѣчнику. На другой день объ этомъ было сообщено полиціймейстеру В., который успокоилъ его превосходительство, что будутъ приняты всѣ мѣры къ отысканію. Но однако прошло болѣе полугода, а о подсвѣчникахъ нѣтъ и помину. Зимой полиціймистеръ даетъ бачъ. На карточномъ столѣ въ одной изъ комнатъ губернаторша, случайно проходя, замѣтила знакомые подсвѣчники; подойдя ближе, она увидѣла и свой вензель, В. М. По деликатности она не сказала объ этомъ даже мужу.

Поборы полиціи послужили предметомъ для остроты В—му архіерею. Частный приставъ взялъ 25 р. съ монастыря, чтобъ не неволить монаховъ расчищать и свозить снѣгъ. Объ этомъ расходѣ было доложено преосвященному. Случился въ приходской церквѣ храмовой праздникъ. Послѣ обѣдни преосвященный зашелъ къ священнику на чай, куда собрались почетные прихожане и частный приставъ, взявшій четвертную съ монастыря. Дѣло было во время Севастопольской войны, и другаго разговора почти не слышно было въ обществѣ какъ о войнѣ. Преосвященный, неоднократно упоминая о Непирѣ, называетъ его постоянно «лордъ Напиръ»—«Вы неправильно изволите произносить, владыка», замѣчаетъ собесѣдникъ, «Непиръ».—«Да вѣдь пишется а».—«Да, но произносится какъ е».—«Странный языкъ: одна буква ставится, а другая произносится. У насъ такъ каждая буква за себя отвѣчаетъ, на примѣръ: частный приставъ», замѣтилъ преосвященный, указывая на сидящаго въ углу частнаго, «ужъ никто не скажетъ честный приставъ».

Зато полиція изощрялась въ находчивости. Вотъ, какъ образчикъ, оригинальный способъ взысканія платежей съ Татаръ (въ тридцатыхъ годахъ). «Ну что, я думаю, платежи плохо платите?» спрашиваетъ Татари́на-ямщика проѣзжающій по Оренбургской губерніи чиновникъ. «Какъ плохо!? Нельзя, бачка: исправникъ свиной команда ставить».—«Какъ свиную команду?», спрашиваетъ въ недоумѣніи чиновникъ. «Такъ бачка; тащить свинья избѣмъ, класть нарамъ (пары замѣняютъ у Татаръ диваны и кровати), велить еѣ кормить. Ну какъ можна свинья избѣмъ держать, да кормить? Платимъ повинность. Тогда онъ свинья другой дворъ тащить и тамъ платитъ. Такъ всѣ платитъ».

Вотъ время, когда экзекуція могла быть выполнена командою, изъ одной свиньи состоящею! ⁷⁾).

Наивный народъ Татары и Башкиры. Въ двадцатыхъ годахъ былъ Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса князь Волконскій, человекъ пристарѣлый. Когда онъ былъ отозванъ, то сдѣлалъ смотръ Башкиро-Мещерякскому войску, къ которому обратился приблизительно со слѣдующими словами: «Прощайте, ребята! Я послужилъ съ вами довольно, теперь меня Царь къ себѣ требуетъ». — «Ну, прощай бачка, ваше сіятельство!» добродушно отвѣчаютъ Башкирцы. «Ну что же, пора! пора! Стара стала, глупа стала, умъ кончалъ» ⁸⁾).

Преемникомъ князя Волконскаго былъ графъ Сухтеленъ, человекъ ума государственнаго. Съ живымъ усердіемъ отнесся онъ къ своимъ обязанностямъ и въ короткое свое управленіе увѣковѣчилъ о себѣ память въ краѣ. Когда умеръ онъ, и въ одной изъ Петербургскихъ гостинныхъ шелъ разговоръ о томъ, кѣмъ замѣнить Сухтелена, графъ Толь сказалъ: «Замѣстить его можно, а замѣнить нельзя» ⁹⁾).

Заботою Оренбургскаго военнаго губернатора Обручева было водвореніе между кочующими племенами осѣдлости. Проѣзжая степью, онъ самъ, въ присутствіи Киргизъ, подмазывалъ телеги и заставлялъ ихъ при себѣ повторять эту операцію ¹⁰⁾).

Башкирцы лѣтомъ откочевывали отъ зимняго поселенія верстъ за 20—40. На тучныхъ лугахъ, обилующихъ ковылемъ, клеверомъ и другими кормовыми злаками, паслись табуны ихъ лошадей, отличавшихся быстротою и выносливостію. Башкирецъ не запасалъ зимняго корма для своихъ лошадей; по мѣрѣ того, какъ на кочевкѣ вытравливалась трава, Башкирцы переносили свои коши ближе и ближе къ зимнему поселенію, возлѣ котораго до зимы трава оставалась нетронутою и поѣдалась зимою лошадьми, которымъ приходилось усердно работать копытомъ, чтобъ добывать кормъ изъ подъ глубокаго снѣга. Генераль Обручевъ, желая положить конецъ дикой жизни Башкирцевъ, ввелъ обязательную запашку.

Но тяжело было Башкирцу разстаться съ своимъ обычаемъ проводить лѣто на кочевкѣ. Какъ только наступить весна, его тянетъ «лежать»: такъ называютъ они лѣтнее препровожденіе времени. И дѣйствительно, Башкирецъ все лѣто лежитъ. Печетъ его солнце, потъ гра-

⁷⁾ Отъ с. сов. Н. И. Цюлковскаго.

⁸⁾ Отъ Г. Г. Благушиной, мужъ которой служилъ въ Оренбургѣ въ то время.

⁹⁾ Отъ полковника Е. Е. Аванасьева.

¹⁰⁾ Отъ д. с. сов. П. И. Маслова.

домъ лѣтъ съ него, а онъ пьетъ кумысъ и лежитъ или сидитъ, поджавъ ноги.

Морозъ начинаетъ уже щемить землю, Башкирецъ продаетъ лошадей и покупаетъ сѣмена: «пора говорить сыпать зерна». И дѣйствительно, онъ ихъ «сыпать»: кое-какъ его деревянная сошка поцарапаетъ землю, посыпать Башкирецъ на нея зерно, поклюетъ это зерно птица, а остальное промерзаетъ—не взойдетъ; и на будущій годъ хлѣба нѣтъ, лошадей одною меньше, и опять забота «сыпать зерна» по приказанію начальства.

Полудикій Башкирецъ, правда, не умѣлъ «зерна сыпать», но его лихія лошади изумляли быстротою бѣга и выносливостію: бывало, станція 20—22 версты дѣлается въ одинъ часъ. Когда одинъ мой знакомый, Н. А. Галкинъ, купивъ подъ Уфою имѣніе, въ первый разъ ѣхалъ туда, его поразила эта быстрая ѣзда. «Тише!» кричитъ онъ ямщику. «Какъ тише?» отвѣчаетъ удивленный Башкирецъ, «за чѣмъ лошадь портить?»

Когда было учреждено генераль-губернаторство Оренбургское и образована Самарская губернія, генераль-губернаторомъ былъ назначенъ графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, губернаторомъ Самарскимъ Волховской, а епархіальнымъ архіереемъ Самарскимъ епископъ Евсевій (нынѣ архіепископъ Могилевскій). По пріѣздѣ Перовскаго въ Самару, преосвященный, жившій въ одномъ домѣ съ губернаторомъ, просилъ узнать, когда графъ можетъ его принять. «Передайте преосвященному», сказалъ графъ Перовскій, «чтобъ не беспокоился: я самъ къ нему зайду». Во время бесѣды преосвященный два раза сдѣлалъ возраженіе графу Перовскому, и оба раза Перовскій съ нимъ согласился. Прійдя къ губернатору, Перовскій сказалъ ему: «Мнѣ очень понравился вашъ архіерей; онъ откровенно и прямо говоритъ что не такъ. А мнѣ, повѣрите ли, такъ приторно это поддакиванье каждой мысли, каждому слову! Неужели же я, какъ человѣкъ, не могу ошибаться? Мнѣ очень пріятно было выслушать возраженія преосвященнаго».

Отношенія графа съ преосвященнымъ сдѣлались близкими съ перваго знакомства и укрѣпились въ послѣдствіи перепискою, не прекращавшеюся до самой кончины графа Перовскаго.

Узнавъ о назначеніи преосвященнаго Евсеія въ Иркутскъ, графъ Василій Алексѣевичъ просилъ его принять маршрутъ на Оренбургъ и посѣтить его. Преосвященный исполнилъ желаніе графа съ полнымъ удовольствіемъ.

Въ Оренбургѣ преосвященный пробылъ около сутокъ. У заставы его встрѣтилъ полицейскій офицеръ и препроводилъ въ приготовленное помѣщеніе. Вскорѣ посѣтилъ его графъ Перовскій, и за тѣмъ преосвя-

щенный былъ у него. При дальнѣйшемъ слѣдованіи его по Оренбургскому краю, на разстояніи 1500 верстъ, передъ нимъ ѣхалъ офицеръ, заготовляя лошадей и расплачиваясь за прогоны. Преосвященный просилъ его не производить такого расхода, объясняя, что ему отпущены прогоны. Офицеръ извинялся, что требованіе дисциплины не дозволяетъ ему нарушить даннаго приказанія.

Графъ В. А. Перовскій, какъ сказано выше, не прерывалъ своей переписки съ преосвященнымъ Евсеіемъ до самой кончины и изъ Алупки (имѣнія князя Воронцова въ Крыму), куда онъ, удрученный болѣзнію, переѣхалъ и гдѣ скончался, между прочимъ, сообщилъ владыкѣ, что «Богъ послалъ ему утѣшеніе въ молодомъ духовникѣ» ¹⁾.

Живя въ Алупкѣ, графъ Василій Алексѣевичъ постоянно участвовалъ въ церковной молитвѣ. Становился онъ въ алтарѣ. Обыкновенно стоялъ на колѣняхъ, опершись на стулъ. Ежедневно духовникъ читалъ ему Евангеліе и Апостолъ дня и толкованіе. Графъ слушалъ съ умиленіемъ. Онъ часто принималъ Св. Дары, какъ только замѣчалъ малѣйшее ухудшеніе въ болѣзненномъ своемъ состояніи.

Графъ Перовскій имѣлъ воспитанника, который принесъ ему много огорченій (онъ былъ разжалованъ въ рядовые). Духовникъ графа въ бесѣдѣ съ нимъ старался воскресить въ немъ прежнюю нѣжную любовь къ юношѣ. «Я прощаю ему», говорилъ графъ В. А. «Этого мало» настаивалъ духовникъ: «вы обратитесь къ нему ту любовь, какую дали бы сыну, отъ котораго кромѣ радости и утѣшенія не получали бы ничего». — «Я этого не могу; это выше моихъ силъ: какъ хотите вы, чтобъ я могъ забыть то тяжкое горе, которымъ поразилъ онъ меня?» Но духовникъ, объясняя притчу Христову, не переставалъ отъ времени до времени развивать эту мысль и убѣждать графа. 7-го Декабря 1858 года вечеромъ, гр. Перовскій просилъ отслужить на другой день обѣдню ранѣе и пріобщить его Св. Таинъ. «Боюсь отойти безъ напутствія», сказалъ онъ. Разумѣется, желаніе его было исполнено: въ шестомъ часу 8-го Декабря служили обѣдню и его пріобщили. Послѣ обѣдни духовникъ и всѣ близкіе къ графу пришли къ нему. «Придвиньте меня къ окну и откройте ставни; я хочу въ послѣдній разъ взглянуть на свѣтъ», сказалъ онъ окружающимъ. Его придвинули на креслѣ къ окну и открыли ставни. Едва занималась заря. Онъ молча указалъ на крестъ съ животворящимъ древомъ, присланный ему великою княгинею Маріею Николаевною. Ему его подали. Поцѣловавъ и прижавъ этотъ крестъ къ груди, онъ выразительно произнесъ: «Я прощаю Алешу!» Голова

¹⁾ Отъ преосвященнаго архіепископа Евсеія.

его откинулась, духовникъ поспѣшилъ поддержать. Оказалось, слово прощенія было послѣднее слово, а съ нимъ и послѣдній вздохъ графа ¹²⁾.

*

Служившій при Перовскомъ еще въ первое его управленіе Оренбургскимъ краемъ, любимецъ его Середа былъ губернаторомъ въ Вяткѣ. Не смотря на чрезвычайную вспычивость, Середа оставилъ тамъ хорошую о себѣ память. Разъ посѣтилъ онъ городъ Орловъ. Обыватели Орловскіе, при своей хорошей матеріальной обстановкѣ, отличались крайнею неразвитостію. Городской голова, пригласивъ губернатора къ себѣ на чай, освѣдомился у его камердинера, что особенно любить его превосходительство. Повѣса молодой камердинеръ и скажи, на смѣхъ, что-де очень любить съ салныхъ свѣчей снимать. Голова вполне довѣрилъ этой шуткѣ и, къ удовольствію губернатора, поставилъ въ гостинной на столѣ передъ диваномъ, въ четырехъ серебряныхъ шандалахъ, салныя свѣчи и тутъ же, на серебрянномъ лоточкѣ, такіе же щипцы (съѣмы). Почетный гость былъ усаженъ на диванъ, по обѣ стороны коего на креслахъ помѣстились хозяинъ и хозяйка. Подавали чай, десертъ, вина, губернаторъ бесѣдовалъ и отъ времени-до-времени, какъ нагорало на свѣчахъ, совершалъ операцію сниманія со свѣчей. Каждый разъ при этомъ хозяинъ переглядывался съ хозяйкою, мысленно одобряя себя за предусмотрительность. Наконецъ, Середѣ наскучила бесѣда и сниманіе со свѣчей; онъ распрощался съ хозяевами и уходитъ. Хозяйка съ поклонами провожаетъ его въ прихожую, между тѣмъ какъ хозяинъ, поставивъ всѣ шандалы съ щипцами на серебрянный подносъ, бѣжитъ вслѣдъ съ предложеніемъ: «Ваше превосходительство! На дорожку!» Съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него Середа. «Вы съ ума что ли сошли!» обратился онъ къ изумленному въ свою очередь Орловскому гражданину ¹³⁾.

*

Въ тридцатыхъ годахъ въ Уфѣ былъ губернаторомъ Авксентій Павловичъ Гевличъ. Это былъ человѣкъ высокой честности, умный, ученый, но человѣкъ кабинетный, тихій. Разъ, проходя по базару, онъ встрѣтилъ отставнаго солдата, къ-то крайне обиженнаго. «Служивый!» спрашиваетъ его Гевличъ, «что съ тобою? Кто тебя обидѣлъ?» Служивый разсказалъ обиду. «Что же ты не пожалуешься?»—«Да кому жало-

¹²⁾ Отъ протоіерея К. И. Коченовскаго.

¹³⁾ Отъ ст. сов. Н. И. Ціолковскаго, служившаго при Середѣ.

ваться-то?»— «Да ты бы пожаловался губернатору?»— «Эхъ, губернатору! Да губернаторъ-то, говорятъ, у насъ «баба!» не безъ досады замѣтилъ солдатъ. Разсказывая объ этомъ случаѣ моему отцу, Гевличъ прибавилъ смѣясь: «Вотъ какую я нажилъ себѣ репутацію!»

*

Когда Скобелевъ (бывшій комендантъ Петербургской крѣпости) служилъ фельдфебелемъ въ Уфимскомъ линейномъ батальонѣ, командиромъ батальона былъ полковникъ Василій Даниловичъ Лазаревъ, человѣкъ строгій. Скобелевъ любилъ покутить, а потому ему частенько доставалось отъ полковника; но молодая полковница защищала его отъ гнѣва командира. Старикъ Скобелевъ былъ всегда ей признателенъ. Бывъ уже комендантомъ, онъ говаривалъ ей: «Помнишь, мать командирша, какъ ты меня отъ полковничьяго гнѣва спасала?» ¹⁴⁾

*

Извѣстенъ случай при императорѣ Николаѣ о запятой, измѣнившей волю Государя. Иногда, какъ въ упоминаемомъ ниже случаѣ, отсутствіе запятой даетъ забавный смыслъ рѣчи. Въ сороковыхъ годахъ былъ въ Уфѣ помощникомъ окружнаго начальника государственныхъ имуществъ Р. Знаки препинаній не давались ему, а потому онъ ихъ вовсе оставилъ въ своихъ бумагахъ. Ему поручено было содѣйствовать къ прекращенію падежа. По исполненіи порученія, онъ донесъ палатѣ, что «падежъ прекратился, и осталась одна больная скотина помощникъ окружнаго Р.»

Разумѣется, сердобольные Россіяне послѣ этого случая, при встрѣчахъ съ нимъ, всегда спрашивали его о здоровьи.

*

Въ началѣ этого столѣтія въ Уфѣ былъ епархіальнымъ архіереемъ Амвросій. Говорилъ онъ проповѣдь безъ тетради, но, какъ оказалось, приготовившись. Разъ измѣнила ему память. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, переминаясь съ ноги на ногу и припоминая забытое; наконецъ съ досадою плюнулъ и, вынувъ изъ кармана тетрадку, окончилъ по ней свое поученіе ¹⁵⁾.

*

Во время Крымской войны въ Кіевѣ была встрѣча Курскаго ополченія. Генераль-губернаторъ кн. * поручилъ профессору Шульгину

¹⁴⁾ Отъ самой А. И. Лазаревой.

¹⁵⁾ Отъ Уфимскаго старожила И. Т. Сидорова.

составить рѣчь. Встрѣча была устроена у крещальни св. Владиміра. Генераль-губернаторъ долженъ былъ сказать: «Наши предки на семь св. мѣстѣ приняли вѣру, которую идете вы защищать» и т. д. Князь *, имѣлъ поговорку «стало быть». Понадѣясь на память, онъ не далъ себѣ, должно быть, труда хорошо усвоить рѣчь и, встрѣтивъ ополченцевъ, началъ говорить такъ: «ваши предки...» Спыхватившись, онъ какъ бы включастъ здѣсь себя, поправился: «стало быть, наши предки... стало быть... стало быть...» Тутъ окончательно онъ смѣшался и, повторивъ нѣсколько разъ свою поговорку, махнулъ рукою и крикнулъ, къ досадѣ стоявшаго тутъ автора, «а впрочемъ, здравствуйте ребята!»

*

Въ губернскомъ дворянскомъ собраніи С. уѣздъ хотѣлъ сдѣлать заявленіе. При разговорѣ о томъ генераль (). постоянно одобрялъ: «совершенно вѣрно, совершенно справедливо, я совершенно съ вами согласенъ». Когда поставленъ былъ вопросъ, кому говорить въ собраніи, нѣкоторые, для шутки, указали на генерала, увѣряя, что слово его, какъ старшаго годами и заслугами, будетъ имѣть болѣе вѣса. Генераль откровенно объяснялъ, что онъ не знаетъ какъ и что говорить. «Вы начните только», уговаривали шутники, продиктовавъ ему 3—4 слова, «а мы будемъ вамъ подсказывать». Генераль согласился. Пришли въ залъ, генераль проситъ слѣва. Водворяется молчаніе. Генераль съ важностію произноситъ заученныя имъ слова и останавливается, прислушиваясь къ суфлерамъ. Не видя помощи, онъ посмотрѣлъ на право и налѣво, нѣтъ суфлеровъ. «Что же дальше?» спрашиваетъ онъ. «Да куда же они дѣвались?» Но суфлеры сыграли злую шутку съ генераломъ: они спрятались въ толпѣ, и рѣчь генерала окончилась общимъ смѣхомъ.

Интересно, что этотъ генераль былъ начальникомъ штаба Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса при командирѣ его Обручевѣ.

*

Въ томъ же собраніи предсѣдатель предоставилъ одному дворянину слово. Ораторъ всталъ, оперся на стулъ, окинулъ взглядомъ все собраніе и произнесъ: «Господинъ министръ межеванія». Его дергаютъ за полу и поправляютъ «управляющій межевою частію». «Да управляющій межевою частію», повторилъ ораторъ и умолкъ, продолжая осматривать собраніе. Прошло нѣсколько минутъ молчанія. Дворяне, пожалуй, начинали думать, не свершилось ли съ нимъ чудо, подобное библейскому чуду съ Захаріею. Предсѣдатель, вѣроятно, чтобъ разрѣшить подобное недоумѣніе, спросилъ оратора: «Вы кончили?» — «Кончилъ-съ»,

отвѣчалъ тотъ, спокойно и не безъ достоинства усѣвшись на свой стулъ.

Подобные курьезы зачастую случаются и въ земскихъ собраніяхъ. Но здѣсь не диво, если принять во вниманіе, что въ нихъ участвуютъ всѣ сословія и многіе вовсе не приготовлявшіеся къ трибунѣ.

*

С—кое земство пригласило къ себѣ врача по фамиліи Волкогона. Сосѣднее М—кое земство рѣшилось тоже пригласить врача. Нѣкто С. предложилъ свои услуги М—кому земству. Предсѣдатель собранія докладываетъ о необходимости имѣть земству врача, а когда вопросъ этотъ прошелъ въ утвердительномъ смыслѣ, заявилъ собранію о предложеніи лекаря С. «Нѣтъ», простодушно замѣтили гласные отъ поселянъ, «не треба его, а надо такого лекаря какъ въ С—ѣ: чтобъ и лечилъ, п звѣрье выгонялъ».

М—цы оказались очень смѣтливými по части экономіи; а звѣрье какъ видно, одолѣвало ихъ не на шутку.

*

Извѣстно, что въ прежнее время въ Сенатѣ, при рѣшеніи дѣлъ, бывало единомысліе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. мыслилъ одинъ оберъ-секретарь, а сенаторы подписывали. Вотъ сложившійся анекдотъ о царевичѣ Грузинскомъ, присутствовавшемъ въ Сенатѣ, указывающій на давніе порядки.

Извѣстное царевичу лицо обратилось къ нему съ просьбою помочь ему въ его сенатскомъ дѣлѣ. Царевичъ далъ слово. Послѣ однако оказалось, что просителю отказали, и царевичъ, вмѣстѣ съ другими сенаторами, подписалъ опредѣленіе. Проситель является къ нему. «Ваша свѣтлость!» говоритъ онъ, «вы обѣщали мнѣ поддержать меня въ моемъ дѣлѣ». — «Обѣщалъ, братецъ». — «Какъ же, ваша свѣтлость, вы подписали опредѣленіе противъ меня?» — «Не читалъ, братецъ не читалъ». — «Какъ же, ваша свѣтлость, вы подписываете не читавши?» — «Пробовалъ, братецъ: хуже» ¹⁶⁾.

*

Генеологія царей Грузинскихъ самая древнѣйшая: они ведутъ свой родъ отъ Давида, царя Израильскаго. Но тѣмъ неменѣе Департаментъ Герольдіи, разбирая дворянскія родословныя книги, въ сороковыхъ годахъ, потребовалъ отъ князя Грузинскаго доказательствъ на дворян-

¹⁶⁾ Отъ П. В. Псіола.

ство. Князь Грузинскій представилъ родословную и документы, удостоверяющіе, что онъ сынъ царевича Грузинскаго, отецъ котораго, владѣтельный царь Грузіи такой-то, его отецъ владѣтельный царь Грузіи такой-то, и такъ далѣе, доводя свою родословную до Давида, царя Израильскаго, «а тамъ», добавилъ онъ, «смотри Евангеліе отъ Маттея, глава первая, до Адама».

Отказать Адаму въ правахъ дворянства Сенатъ никакъ не рѣшился, такъ какъ извѣстно всякому, что Адамъ былъ первымъ земле-владѣльцемъ на нашей планетѣ ¹⁷⁾.

*

Извѣстно что въ давнее время должность оберъ-прокурора считалась доходною и кто получалъ эту должность, тотъ имѣлъ всегда въ виду поправить свои средства. Вотъ экспромтъ по этому случаю, сказанный Пушкинымъ и слышанный мною въ дѣтствѣ. Сидитъ Пушкинъ у супруги оберъ-прокурора. Огромный котъ лежитъ возлѣ него на кушеткѣ. Пушкинъ его гладитъ, котъ выражаетъ удовольствіе мурлыканьемъ, а хозяйка пристаётъ съ просьбою сказать экспромтъ. Шаловливый молодой поэтъ, какъ бы не слушая хозяйки, обратился къ коту:

Котъ-Васька плутъ, Котъ-Васька воръ,
Ну словно оберъ-прокуроръ».

Однажды Пушкинъ вошелъ, кажется въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, гдѣ между молодежью имѣлъ много знакомыхъ. Молодежь занималась дѣломъ: ловила мышь. Но расторопная мышь улизнула отъ нихъ уже предъ глазами вошедшаго Пушкина, который при этомъ воскликнулъ:

«Побѣдили, побѣдили!
Такъ воскликнемъ же «ура!»
Если мышь мы не убили,
То убили мы бобра! ¹⁸⁾

*

Былъ въ Петербургѣ корпусный командиръ Влодекъ. Жена его Александра Дмитріевна, урожденная графиня Толстая, была красавица. Карамзинъ, придя разъ къ нимъ и не заставъ хозяйки, на обрывкѣ б маги написалъ, вмѣсто визитной карточки, слѣдующія строки:

¹⁷⁾ Отъ д. с. сов. А. Е. Заварицкаго.

¹⁸⁾ Отъ генерала майора П. А. Казадаева.

«Люблю тебя, мой другъ, любить;
 Люблю тебя любить всѣхъ болѣ.
 Любилъ бы я съ тобою жить
 Въ счастливой, въ тяжелой, въ бѣдной долѣ» ¹⁹⁾.

*

И у Номадовъ есть нѣчто поэтическое. Поетъ Башкирецъ обо всемъ, что представляется его глазамъ: и серебристый ковыль, и быстролетная птица, и ясное небо, все составляетъ предметъ его импровизированной пѣсни. И скудная природа Азіатскихъ степей, ея просторъ и безмолвіе не могутъ лишить человѣка этой склонности.

Разъ въ Оренбургъ привели Киркиза, пойманнаго въ степи и показавшаго себя непомнящимъ родства. «Кто твои родные?» спрашиваютъ его.— «Мои родные?» задумчиво повторяетъ Киргизъ, «мои родные орелъ да кречеть».

*

Въ Русской Старинѣ помѣщались рассказы объ Иркутскомъ архіепископѣ Иринеѣ. Вотъ еще два, слышанные мною рассказа о немъ.

При служеніи, во время кажденія, Ириной читалъ псаломъ *«помилуй мя Боже»* довольно громко. Когда же кадилъ генералъ-губернатору и коменданту, то возвышалъ еще болѣе голосъ, непремѣнно подгоняя такъ, что, кадя генералъ-губернатору, произносилъ стихъ: *«Научу беззаконныя путемъ Твоимъ»*, а коменданту: *«и несправившіи къ Тебѣ обратятся»* ²⁰⁾.

Одна вдова-священника пошла къ нему просить пособія. Нужно написать просьбу, она неграмотна, а знакомыхъ нѣтъ. Встрѣтился ей семинаристъ. Вдова проситъ его написать и даетъ двугривенный. Семинаристъ написалъ и вручилъ ей слѣдующую челобитную:

Идетъ баба
 Къ архирею,
 Къ архирею
 Иринею.
 Несетъ баба
 Архирею
 Иринею
 Ахинею:
 Архирей
 Ириной,
 Давай денегъ,
 Не жалѣй.

¹⁹⁾ Отъ камергера Д. П. Голубцова.

²⁰⁾ Отъ ротмистра В. И. Фокина.

Иринеѣ пришелъ въ негодованіе и слезъ бѣдной вдовицы не осушилъ ²¹⁾).

*

Въ противоположность разсказу объ Иринеѣ, не безъинтересенъ слѣдующій случай. Покойный архіепископъ Черниговскій Филаретъ Гумилевскій лишилъ благочинія одного священника Борзенскагоу ѣзда, по доносамъ. Въ послѣдствіи оказалось, что священникъ, понесшій наказаніе, былъ оклеветанъ. Преосвященный Филаретъ, при объѣздѣ епархіи, въ селѣ Бѣльмачовкѣ, выйдя изъ экипажа, замѣтилъ въ числѣ встрѣчающаго его духовенства этого священника І. Я-го, котораго лишилъ благочинія. Сдѣлавъ ему до земли поклонъ, владыко со смиреніемъ произнесъ: «Прости меня, отецъ; я невинно тебя осудилъ».

*

Могилевскій архіепископъ Варлаамъ Шишацкій былъ, какъ извѣстно, лишенъ сана за присягу Наполеону въ 1812 году. Чинъ снятія сана по сему случаю былъ составленъ Синодомъ ²²⁾, а самая церемонія совершалась въ Черниговскомъ кафедральномъ соборѣ архіепископомъ Михаиломъ, въ послѣдствіи митрополитомъ С.-Петербургскимъ ²³⁾.

Варлаамъ былъ человѣкъ ученый, имѣлъ большую и цѣнную библіотеку, которая и погубила его. Когда изъ Могилева всѣ выбирались, спрашивали Варлаама, почему онъ не спѣшитъ отъѣздомъ. Онъ, приведя вопрошающихъ въ свою сокровищницу и указывая на книги, спросилъ: «Это куда я дѣну? Да будетъ воля Божья!» Когда Французы заняли Могилевъ, Варлаамъ смалодушествовалъ и присягнулъ Наполеону ²⁴⁾.

Обрядъ снятія сана былъ выполненъ въ день будній, утромъ, вѣроятно съ цѣлю, дабы присутствіемъ многочисленной публики еще болѣе не смутить несчастнаго архіерея. Михаилъ облачался въ алтаръ, тогда какъ Варлаама облачали по чину, среди церкви. По облаченіи Михаилъ вышелъ, протодіаконъ прочиталъ указъ, и съ Варлаама стали снимать облаченіе. Варлаамъ плакалъ, плакалъ Михаилъ съ духовенствомъ, плакалъ народъ, котораго было немного. По снятіи облаченія возложили на Варлаама рясу и отправили въ Новгородсверскій монастырь на жительство. Тамъ онъ прожилъ пять лѣтъ и провелъ

²¹⁾ Отъ него же.

²²⁾ Отъ протоіерея В. Казимовскаго.

²³⁾ Отъ священника И. Д. Бакуревича.

²⁴⁾ Отъ в. сов. А. И. Ханенка.

эти годы въ слезахъ, отъ чего вѣроятно и ослѣплъ, года черезъ три. Говорятъ, будто бы Александръ Благословенный предлагалъ ему возвратить санъ, но Варлаамъ, считая себя недостойнымъ, отказался ²⁵⁾.

Имущества и капитала не осталось послѣ Варлаама; библіотеку завѣщалъ онъ монастырю, свидѣтелю скорбныхъ дней его ²⁶⁾.

*

Чувствуя приближеніе кончины, Михаилъ Десницкій, митрополитъ С.Петербургскій, сдѣлалъ всѣ распоряженія, бесѣдовалъ съ ректоромъ и экономомъ, прощался со всѣми. Вечеромъ того дня онъ велѣлъ позвать пѣвчихъ и приказалъ имъ, когда онъ дастъ знакъ, пѣть: «Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко». Онъ былъ уже очень слабъ и едва могъ сдѣлать движеніе рукою. Окружающіе не поняли, и только за повтореніемъ этого движенія пѣвчіе запѣли канонъ на исходъ души, во время котораго архипастырь преставился ²⁷⁾.

*

Архіепископъ Черниговскій Варлаамъ (Денисовъ), страдая водяною, удалился на покой въ Новгородсѣверскій монастырь. Страданія свои переносилъ онъ съ величайшимъ терпѣніемъ; но «смущаетъ меня то, говоритъ онъ, что умру отъ такой болѣзни, послѣ которой тѣло быстро разлагается, и всѣ при отпѣваніи будутъ спѣшить предать землѣ смердящаго; а я никогда не позволялъ себѣ сокращать церковное служеніе и желалъ бы, чтобъ чинъ отпѣванія надо мною былъ выполненъ неупустительно» ²⁸⁾.

Цѣлый мѣсяцъ онъ питался ржанымъ кофе, по чашкѣ въ день, и въ скоромные дни по чашкѣ молока. Сидѣлъ на досчатомъ диванѣ. День кончины былъ указанъ святителемъ; онъ совпалъ съ днемъ кончины его отца, предсказавшаго во снѣ кончину сыну за шесть недѣль. Поздно ночью болящій, отпустивъ своего келейника отдохнуть, приказалъ придти, когда будутъ благовѣстить къ утрунѣ. Келейникъ нашелъ его почившимъ, въ сидячемъ положеніи какъ оставилъ, опершимся на локотникъ дивана. Когда тѣло полагали во гробъ, приготовленный самимъ святителемъ, неосторожно приподняли одинъ бокъ, причемъ вода обильно хлынула изъ гортани ²⁹⁾.

Отпѣваніе совершалъ преосвященный Серапіонъ, прибывшій на шестой день по кончинѣ. Но не только ничто не напоминало о тлѣніи,

²⁵⁾ Отъ священника И. Д. Бакуревича.

²⁶⁾ Отъ протоіерея В. Казимовскаго.

²⁷⁾ Отъ священника И. Д. Бакуревича.

²⁸⁾ Отъ А. И. Ханенка.

²⁹⁾ Отъ него же.

но чѣмъ-то благодатнымъ вѣяло при гробѣ. Служеніе на другой день продолжалось пять часовъ, и желаніе усопнаго было выполнено ³⁰⁾).

Черниговскій архіепископъ Филаретъ (Гумилевскій) въ послѣдній разъ объѣзжалъ по епархіи, когда сильная холера въ губерніи повергла въ уныніе народонаселеніе. Его отговаривали отъ задуманной поѣздки, но въ виду именно тяжелаго общаго унынія, онъ считалъ объѣздъ свой *благовременнымъ и благопотребнымъ*. Предположено было имъ обозрѣть почти половину губерніи, и такимъ образомъ онъ долженъ былъ возвратиться не ранѣе какъ къ 26 Августа. При прощаніи, на вопросъ соборнаго протоіерея: когда его ожидать? онъ отвѣчалъ: «19-го буду» — «Владыко! вы не успѣете» — «Нѣтъ, я не замѣшкаюсь».

Филаретъ служилъ благоговѣйно и всегда при освященіи даровъ плакалъ. 7-го Августа въ селѣ Фастовцахъ онъ служилъ въ послѣдній разъ и рыданіемъ своимъ при освященіи даровъ навелъ трепетъ на предстоящихъ. 8-го онъ заболѣлъ холерою, и въ 4-мъ часу утра 9-го, послѣ елеосвященія, по желанію его совершеннаго, скончался, а 19 благочестивые Черниговцы на своихъ раменахъ ввезли въ городъ печальную колесницу съ прахомъ своего знаменитаго архипастыря ³¹⁾).

*

Черниговскій соборъ есть знаменитый историческій памятникъ: его заложилъ Мстиславъ, сынъ Равноапостальнаго Владимира; онъ оконченъ въ 1031 г., въ память побѣды надъ Ляхами. Такимъ образомъ онъ пятью годами старше Кіевского Софійскаго собора. При архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ онъ былъ покрытъ соломой, такъ какъ первоначальная, вѣроятно черепичная, а потомъ свинцовая, крыша пропала. Преосвященный Лазарь неоднократно дѣлалъ энергичныя представленія Св. Синоду объ отпускѣ суммы на устройство желѣзной крыши, указывая, что сквозь своды протекаетъ дождь, и собору грозитъ разрушеніе ³²⁾. Не добившись отъ Синода просимой суммы, онъ устроилъ на средства Барковского деревянную, гонтовую крышу, и только въ царствованіе императрицы Екатерины и послѣ посѣщенія ею Чернигова, соборъ покрытъ желѣзомъ, устроенъ новый иконостасъ ³³⁾, и для симметріи поставлена вторая башня. Это курьезно.

А вотъ курьезъ современный. Въ 1864 году Французской Имперіи, въ департаментѣ Сены, въ столпчномъ городѣ Парижѣ освященъ

³⁰⁾ Отъ преосвященнаго епископа Серапіона.

³¹⁾ Отъ протоіерея В. Казимовскаго.

³²⁾ Дѣло въ Черниговской Консисторіи.

³³⁾ Отъ протоіерея В. Казимовскаго.

первый Русскій православный храмъ. Въ 1866 году, Россійской Имперіи Черниговской губерніи, въ городѣ Новозыбковѣ освященъ *первый* православный храмъ, и то выстроенный стараніемъ частнаго лица. До того же времени въ табельные дни Новозыбковскіе чиновники отправлялись въ церковь ближайшаго села Людкова для принесенія молитвъ.

*

Какъ прежде вообще безконтрольно велись дѣла, можетъ указать слѣдующій, рассказъ.

Въ Ч—мъ казначействѣ былъ бухгалтеромъ старикъ В., чуть ли не родившійся въ казначействѣ; по крайней мѣрѣ всю жизнь свою провелъ онъ тамъ. Графъ Х., внося поземельный сборъ, шутя говорить В.: «Ну, что бы вамъ съ меня платежей перечислить на З—го: онъ человекъ богатый, одинокій». — «О! давиѣй это можно было, а нынѣ порядки не тѣ», съ тономъ сожалѣнія о погибшемъ золотомъ времени, замѣтилъ бухгалтеръ.

*

Какое понятіе имѣютъ о религіи Чуваши, даетъ указаніе слѣдующій *богословскій* разговоръ. «Чья вѣра лучше?» спрашивалъ я, бывъ ребенкомъ, у Чувашенина. «Наша лучше», безъ запинки отвѣчалъ Чувашенинъ. «Почему ты думаешь, что ваша лучше?» — «Наша вѣра грѣхъ нѣтъ, ваша вѣра грѣхъ есть».

Нельзя сказать, чтобъ и нашъ православный людъ имѣлъ надлежащее понятіе о религіи. Говорилъ мнѣ одинъ священникъ, что когда въ М. прибылъ энергичный архіерей, то, объѣзжая епархію, онъ спросилъ въ одномъ селѣ у крестьянина, указывая на икону Пресвятой Богородицы: «Кто это?» — «Пречистая», отвѣчалъ тотъ. Такой отвѣтъ нѣсколько удовлетворилъ преосвященнаго. «Ну, а кто у нея на рукахъ?» спросилъ онъ. «Кажись, дѣвчонка», отвѣчалъ пасомый. Можно представить скорбь архипастыря! ³⁴⁾

Впрочемъ и въ большомъ свѣтѣ нашемъ не менѣе смутныя имѣютъ понятія о религіи. Вотъ два разсказа А. Н. Муравьева.

Къ графу М. Н. Муравьеву въ деревню, въ числѣ гостей, пріѣхалъ его родственникъ сенаторъ М., человекъ весьма умный, но въ богословіи профанъ совершенный. Хозяйка просила Андрея Николаевича занять духовенство. «Да смотри», говорить, «пожалуста, чтобъ М. не выкинулъ штуки».

³⁴⁾ Отъ священника К. Савинича.

Сидитъ Андрей Николаевичъ съ священникомъ, подходитъ М., Муравьевъ ихъ знакомитъ. М. спрашиваетъ его: «Скажи, братъ; сего дня вѣдь Михаила Архангела?»—«Да»—«А кѣмъ онъ прежде былъ?»—«Какъ кѣмъ?»—«Ну, да на землѣ?»—«Какъ на землѣ?!»—«Да вѣдь, понимаешь, есть же тамъ у нихъ производство!»—«Помилуй, что ты говоришь?!» «Ты вѣчно такъ; къ тебѣ съ серьезнымъ вопросомъ, а ты отвѣчаешь глупостью», произнесъ съ досадою М. и ушелъ. «Вы, батюшка, не обращайте вниманія на такія странности: онъ немножко того»... пояснилъ Муравьевъ священнику, показывая на лобъ. «Ахъ, какъ жаль», замѣтилъ священникъ; «а какой, кажется, хорошій человѣкъ».

И такъ, чтобъ поддержать репутацію большого свѣта, пришлось умнаго человѣка выдать за помѣшаннаго.

Историческій писатель Михайловскій-Данилевскій спрашивалъ Андрея Николаевича по возвращеніи его съ Востока, видѣлъ ли онъ въ Іерусалимѣ мощи Іисуса Христа? Онъ же, во время литургіи, подошелъ приобщаться на большомъ выходѣ послѣ херувимской пѣсни ³⁵⁾.

Здѣсь еще болѣе можно поскорбѣть и призадуматься.

*

Покойный генералъ Константинъ Степановичъ Безносиковъ женился очень молодымъ, лѣтъ восемнадцати. Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ ѣздилъ въ пансіонъ съ двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой въ одной каретѣ. Эта чета въ каретѣ поклялась въ вѣчной любви, давъ слово принадлежать другъ другу. И такъ женитьба Безносикова если не была зрѣло обдуманною, то по крайней мѣрѣ не наскоро рѣшенною: ему предстояло еще девять лѣтъ впереди до установленнаго закономъ возраста вступать въ бракъ. На слѣдующій годъ онъ отданъ былъ въ 1-й кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ на восемнадцатомъ году. Молодой офицеръ объявилъ сейчасъ же роднымъ о непреклонномъ своемъ намѣреніи возложить на себя узы Гименея. Какъ ни похвально въ молодомъ человѣкѣ влеченіе къ семейной жизни, тѣмъ не менѣе родные и отецъ обратились къ графу Чернышову (военному министру) съ просьбою убрать подальше влюбленнаго. Его отправили на Китайскую границу.

Зимою онъ безъ отпуска прибылъ въ Петербургъ и явился къ графу Чернышову. На вопросъ Чернышова: «какъ онъ смѣлъ явиться сюда?» Безносиковъ отвѣчалъ, что зимою работы нѣтъ, и онъ свободенъ. «Да понимаете ли вы», строго замѣтилъ Чернышовъ, «что вы за самовольное оставленіе вашего поста будете разжалованы?»—«Я на все

³⁵⁾ Отъ А. Н. Муравьева.
1, 13.

готовъ», отвѣчалъ Безносовыхъ, «но долженъ сдержать слово, данное дѣвушкѣ: долженъ жениться».

Чернышовъ доложилъ Государю Николаю Павловичу. Государь сказалъ: «по уваженію къ молодости лѣтъ и заслугамъ отца (наказнаго атамана Сибирскаго казачьяго войска) простить».

Безносовыхъ жеился и отправился къ своему посту ³⁶⁾.

*

Когда Дюма-отецъ путешествовалъ по Россіи, въ Казани онъ явился въ Русскихъ сапогахъ и чамаркѣ, объясняя, что свой Европейскій костюмъ оставилъ въ послѣднемъ Европейскомъ городѣ Петербургѣ. Однако на Русскихъ сапогахъ онъ сталъ приносить грязь и песокъ въ гостинныя, почему Казанскія дома стали ему отказывать въ приѣмѣ.

*

Въ числѣ остротъ покойнаго князя Меншикова разсказываютъ слѣдующую.

Первымъ министромъ государственныхъ имуществъ былъ графъ П. Д. Киселевъ. До учрежденія этого министерства государственные крестьяне были въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ; по образованіи же министерства ближайшіи начальниками крестьянъ стали такъ называемые окружные. Внося дань въ палату, они облагали ею волостныхъ головъ тѣхъ крестьянъ. Порядокъ эти были извѣстны всѣмъ; но зло уничтожить было трудно. На Кавказѣ какъ-то долго не могли взять одного аула. Меншиковъ по этому поводу сказалъ: «Эхъ, старъ уже сталъ князь Михаилъ Семеновичъ (Воронцовъ): не можетъ аула разорить. Нѣтъ, послать бы нашего графа Павла Дмитріевича; ему это ни по чемъ: онъ не одну деревню государственныхъ крестьянъ разорилъ». Разумѣется, это было сказано для краснаго слова, такъ какъ графъ Киселевъ, при высокой честности своей, весьма былъ внимателенъ къ положенію крестьянъ и, зная о существованіи злоупотребленій, не былъ къ тому равнодушенъ. Что же касается государственнаго ума его, то о немъ графъ Толь, говорятъ, сказалъ: «Если мнѣ нужно четверть часа для размышленій, чтобъ рѣшить вопросъ, Киселевъ рѣшитъ въ одну минуту».

*

Нельзя упрекнуть Русскую женщину къ недостаткѣ отваги и предприимчивости. Какъ видно, вѣковая замкнутость не истребила этого свой-

³⁶⁾ Отъ самаго Безносова.

ства Русской женщины, по крайней мѣрѣ Тамбовскихъ мѣщанокъ, о коихъ идетъ ниже рѣчь.

А. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ въ Неаполь, остановился у своего пріятеля, нашего посланника при Неаполитанскомъ дворѣ. «Знаешь ли», говоритъ хозяинъ, «какая у меня гостя?» И онъ повелъ его въ конюшню, гдѣ Муравьевъ увидѣлъ Русскаго крестьянскаго полубитюжка, а въ сараѣ Русскую телѣгу. Его это удивило. Посланникъ объяснилъ, что экипажъ этотъ принадлежитъ Тамбовской мѣщанкѣ, которая съ дочерью на дняхъ пожаловала къ нему изъ Тамбовской губерніи. Во время тяжелой болѣзни она дала обѣтъ поклониться мощамъ Николая Чудотворца. И вотъ выздоровѣвъ, запрягла лошадку, сѣла съ дочерью въ телѣгу и отправилась въ путь. Изъ Неаполя до Баръ и обратно, посланникъ взялъ ей съ дочерью мѣста въ дилижансѣ.

Удивленный ея пріѣздомъ, посланникъ спрашивалъ ее, какъ она добралась до Неаполя, не зная ни одного языка кромѣ Русскаго? «Хорошо, батюшка: вездѣ есть добрые люди. Покажешь на лошадку, накормятъ и напоятъ; покажешь, что сама есть хочешь, дадутъ поѣсть. Дамъ деньги, дадутъ сдачи и лишняго нигдѣ не брали» ³⁷⁾.

*

Вотъ характерная рѣчь Малоросса-помѣщика, ст. сов. Н. Г. Е., извѣстнаго въ околоткѣ подъ именемъ «статскаго генерала». Здѣсь нелишнее представить легкій абрисъ его наружности: мущина лѣтъ 60-ти, высокаго роста, очень полный, смуглый, говорилъ басомъ. Вотъ его разсказъ.

«Братъя первой жены, послѣ ея смерти, захватили имущество ея, я тогда баць! въ Уѣздный Судъ; Уѣздный Судъ отказалъ. Я бухъ! въ Палату; Палата отказала. Я т-р-р-рахъ! въ Сенатъ. Сенатъ какъ шлепъ Палату! Тогда я цапъ и т. д.»

*

Государь Николай Павловичъ любилъ игры кадетовъ. По его приказанію препровождали человѣкъ 50 достойнѣйшихъ къ нему въ Александрію, гдѣ имѣлъ Императоръ свое лѣтнее пребываніе. Офицеры сопровождали ихъ только до рѣшетки сада и удалялись. Въ саду была устроена мачта, отъ нея веревки, а вокругъ распростерта сѣтка для предохраненія отъ ушиба. Кадеты лазили на мачту по веревкамъ, прыгали на сѣткѣ. Разъ Государь самъ вспрыгнулъ на сѣтку и крикнулъ кадетамъ: «Повали меня!» Кадеты исполнили, а быть можетъ и самъ

³⁷⁾ Отъ А. Н. Муравьева.

Государь, для шутки, поддался; но за тѣмъ, когда онъ крикнулъ, шутя: «Какъ вы смѣли Императора повалить!» кадеты бросились въ разсыпную. Онъ разохотался ³⁸⁾.

Однажды во время этихъ игръ одинъ кадетъ, спускаясь по веревкѣ быстро, обжогъ руки и упалъ грудью на край сѣтки. Изъ горла хлынула кровь. Императоръ бросился къ нему, самъ растегнулъ ему мундиръ и поручилъ врачамъ. Его перенесли въ госпиталь. Императрица Марія Ѳеодоровна, проходя мимо, замѣтила своему царственному сыну: «Я говорила, Николай, что эта забава не доведетъ до добра». Императоръ, блѣдный и разстроенный, удалился во дворецъ и, до окончательнаго выздоровленія кадета, посѣщалъ его въ госпиталь ежедневно.

Часы этихъ забавъ для тѣхъ кадетовъ, нынѣ старыхъ ветерановъ арміи, составляютъ самое дорогое воспоминаніе ³⁹⁾.

Когда воспитанники 1-го кадетскаго корпуса по производствѣ ихъ въ офицеры въ 1834 году представлялись Государю Николаю во дворецъ, онъ напутствовалъ ихъ слѣдующими словами: «Прощайте, служите честно, почитайте вашихъ родителей и не заставляйте меня краснѣть передъ ними за ваше воспитаніе».

*

Великій князь Михаилъ Павловичъ кадетовъ, назначавшихся къ нему на ординарцы, заставлялъ маршировать въ залѣ и сажалъ съ собою за обѣденный столъ. По крайней мѣрѣ бывший кадетъ 1-го кадетскаго корпуса Листовскій всегда удостоивался этой чести. Листовскій былъ маленькаго роста. Великій князь, зная его какъ благонамереннаго мальчика, былъ къ нему милостивъ. Разъ, сидя въ кабинетѣ, онъ ему крикнулъ: «скачи на столъ!» Листовскій вспрыгнулъ на его рабочий столъ. «Учебнымъ шагомъ, маршъ!» скомандовалъ великій князь, къ удовольствію котораго Листовскій выполнилъ это безъ всякихъ затрудненій.

Разъ, когда Листовскій былъ назначенъ на ординарцы къ великому князю, Демидовъ (начальникъ военно-учебныхъ заведеній, жившій въ зданіи 1-го кадетскаго корпуса) прислалъ сказать Листовскому, что доведетъ его до дворца. Сидя съ нимъ въ каретѣ, онъ его спрашиваетъ: «а какъ ты думаешь, сколько у меня дѣтей?» Крошка-собесѣдникъ затруднился дать отвѣтъ. «А развѣ вы не дѣти мои?» спросилъ Демидовъ. «Дѣти, дѣти, вы всѣ мнѣ дѣти», прибавилъ онъ. Проѣзжая мимо церкви, онъ замѣтилъ Листовскому: «Развѣ ты не христіанинъ? Опуститъ стекло, перекрестись: видишь, Божій храмъ».

*

³⁸⁾ Отъ генералъ-лейтенанта А. В. Листовскаго.

³⁹⁾ Отъ него же.

Одинъ губернаторъ былъ охотникъ устраивать любительскіе спектакли съ благотворительною цѣлію. Репетиціи были всегда у него на дому, и онъ самъ суфлировалъ. Генеральная же репетиція назначалась въ театрѣ, за полъ цѣны и получасомъ ранѣе, чѣмъ спектакль, дабы дать возможность посмотрѣть дѣтямъ съ ихъ боннами и гувернантками. Прийдя въ театръ, губернаторъ объявилъ, что будетъ самъ суфлировать. Ему говорятъ, что суфлеръ есть; но онъ находитъ, что при новомъ суфлерѣ дѣло не пойдетъ какъ слѣдуетъ. Приказываютъ тогда для него поставить стулъ между кулисами; но губернаторъ предложеніе это отклонилъ, находя въ этомъ нарушеніе установленнаго театральнаго правила и даже, не обративъ вниманія на предостереженіе, что выпачкается, полѣзъ на четверенькахъ въ будку. Взылась занавѣсъ и репетиція началась. На сценѣ двое влюбленныхъ, а за кулисами частный приставъ въ попыхахъ спрашиваетъ «гдѣ губернаторъ?»—«А вонъ онъ въ будкѣ», указываютъ ему. Частный приставъ въ мигъ на сценѣ и рапортуетъ передъ будкой: «Имѣю честь донести вашему п—ву: въ городѣ пожаръ; Л—ва домъ горитъ».—«А! хорошо.» отвѣчаютъ ему изъ будки. Частный приставъ исчезаетъ въ кулисахъ, почтительно пятась. Изъ будки продолжаютъ суфлировать влюбленному: «я весь въ огнѣ». Частный приставъ, полагая, что это ему задается вопросъ, дѣлаетъ три шага впередъ и докладываетъ передъ будкою: «Точно такъ, ваше п—во, весь въ огнѣ».—«А! хорошо», снова раздается одобрителный голосъ изъ будки.

И все это за полцѣны театральной таксы!

*

Бывшій въ Уфѣ губернаторомъ Талызинъ сдѣлалъ извѣстнымъ безграмотное донесеніе частнаго пристава Тарасова, помѣстивъ это произведеніе въ «Памятникахъ Русской словесности». Въ донесеніи этомъ между прочимъ Тарасовъ писалъ: «Такой-то *противу-законно* застрѣлился, отчего ему, *отъ неизвѣстныхъ причинъ*, и смерть приключилась. При освидѣтельствованіи оказалось: потолокъ на второй *половинѣ* былъ прострѣленъ *диною*, *прочія челюсти* были найдены въ *отверстіи* лба», «выстрѣлъ имѣлъ направленіе на Западъ, *потому что комната при постройкѣ расположена* на Востокъ» и т. д. Но это было въ сороковомъ году, а вотъ донесеніе С—го становаго пристава въ 1876 году: «Найдено тѣло неизвѣстнаго челоуѣка; по вскрытіи оказалось: холостъ, вѣры православной, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ». Вотъ сколько мудрости набралась полиція за тридцать шесть лѣтъ!

Сообщено Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙСТАРИНЫ*).

Славный профессоръ Д. И. Мейеръ, дѣлая историческій обзоръ законодательства, замѣтилъ между прочимъ: «Всякій человѣкъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ пору дѣтства и юности, всякому народу дорого его прошлое; но мы должны благодарить судьбу, что родились въ нашемъ настоящемъ, а не въ прошломъ». Здѣсь рѣчь шла о временахъ давно минувшихъ. Но и въ недавнее, сравнительно время, столѣтіе назадъ, когда блескъ и пышность двора поражали современниковъ, въ глуши, вдали отъ трона, жизнь шла совсѣмъ особымъ порядкомъ, какъ будто въ другомъ царствѣ, за тридевятью землями, за моремъ-океаномъ. Разказы людей близкихъ къ этой эпохѣ, сохранившіеся въ памяти, должны пролить свѣтъ на исторію провинціальной жизни, котораго не дадутъ ему официальные памятники.

Право сильного давало себя знать всюду, въ Россіи и въ Малороссіи. Тамъ составлялись большія состоянія на счетъ слабыхъ, захудалыхъ людей. Захваты освящались временемъ и судомъ, который находился въ рукахъ людей вліятельныхъ въ краѣ. На подобные примѣры пріобрѣтенія немало случаевъ указываютъ въ Малороссіи.

Не лучше жилось и въ Оренбургской, нынѣ Уфимской губерніи. Разбои были столь обыкновеннымъ явленіемъ, что немало требовалось отваги, чтобъ съѣздить изъ уѣзднаго города въ губернской. Служились молебны, семья ревмя ревѣла, провожая родителя какъ на войну. На ночь окна въ помѣщичьихъ домахъ запирались крѣпкими ставнями съ желѣзными болтами; въ дверяхъ сѣней вырѣзывались круглыя отверстія, чрезъ которыя помѣщики и прислуга могли стрѣлять въ непрошеннаго гостя; ружья всегда были наготовѣ. Разъ мой пра-

*) Эти разказы и памятные замѣтки писаны многоуважаемымъ И. С. Листовскимъ про себя и появляются въ печати по нашей просьбѣ, П. П.

дѣдъ, Левшинъ, чуть не убилъ исправника, ради шутки помедлившаго объяснить, кто стучитъ въ дверь.

Проѣзжая на каникулы изъ Казани въ Уфу и обратно черезъ Мензелинское напе имѣніе, я останавливался на ночлегъ и приглашалъ столѣтняго старика Григорья поразсказать о старинѣ. Старикъ плохо уже видѣлъ, но сохранялъ память. Описывая колоссальную фигуру моего родственника Мильковича, (полковника гвардіи, которому императрица поручила розыскъ надъ раскольниками) разскащикъ передавалъ, что въ Мензелинскѣ всѣ въ мундирахъ встрѣчали его за воротами и, между прочимъ, что обиженные находили въ немъ защиту отъ неправдаго суда. «Поѣдетъ въ Мензелинскъ и весь судъ перепопретъ, и жаловаться никто не смѣлъ».

А каковъ былъ судъ—вотъ образчикъ. Когда Мильковичъ умеръ, единственную наслѣдницею его была моя прабабка Матрена Ивановна Басина, по мужу Левшина. Родственница ея Тюфилинова предъявила къ ней искъ за неправильныя будто дѣйствія ея отца по опеку малолѣтнихъ Мосоловыхъ. Здѣсь очевидна натяжка; но тѣмъ не менѣе искъ принять, въ обезпеченіе его всѣ имѣнія прабабки взяты въ опеку, вся движимость, представлявшая огромную цѣнность въ жемчугѣ, брилліантахъ, золотѣ, серебряной посудѣ, иконахъ съ золотыми окладами и драгоценными камнями, (чему осталась опись при дѣлѣ Казанской Гражданской Палаты), было сложено въ Казани въ кладовой каменнаго дома моей прабабки съ желѣзными ставнями и такими же дверями, которыя были запечатаны, а Тюфилиновой предоставлено было право жить въ этомъ домѣ. Три раза дѣло восходило до Сената, и каждый разъ онъ находилъ поводъ начать его снова въ первой инстанціи. Давно уже печати и замки каменной кладовой были въ распоряженіи ловкой истицы, а сокровища шли на утоленіе тяжбы судейской братіи. Наконецъ, черезъ 68 лѣтъ, въ 1846 году, дѣло рѣшено окончательно въ Сенатѣ. Искъ Тюфилиновой по всѣхъ частяхъ признанъ недоказаннымъ; имѣніе велѣно отъ опеки освободить и выдать уже старушкѣ моей бабушкѣ (прабабка умерла молодою). Конечно справедливому рѣшенію Сената немало способствовало то обстоятельство, что источники, изъ коихъ черпалъ судъ для себя живую воду, изсякли: Тюфилинова умерла, оставивъ двухъ внучекъ безъ всякихъ средствъ. Имѣніемъ въ Тамбовской губерніи, какъ значилось въ дѣлѣ, завладѣлъ контръ-адмиралъ Авиновъ и такъ какъ онъ владѣлъ безспорию болѣе десяти лѣтъ, то Уѣздный Судъ утвердилъ за нимъ владѣніе. Витебской губерніи, Городецкаго повѣта, селомъ Долгопольемъ завладѣлъ Любоцинскій, и на томъ же основаніи за нимъ утверждено владѣніе. Земли въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ про-

даны по разрѣшенію Казанской Гражданской Палаты, и деньги получены Тюфилиною. По разрѣшенію той же палаты Казанскій домъ моей прабабки проданъ былъ Тюфилиною помѣщику Осокину. Гдѣ спрашивается и съ кого здѣсь искать? Такъ исчезло огромное состояніе.

Мнѣ памятенъ одинъ эпизодъ изъ этого дѣла, который не могу не привести какъ доказательство, насколько необходимо участіе высшей власти царской въ дѣлѣ правосудія и насколько этимъ участіемъ поддерживалось самое обаяніе власти. Я былъ ребенкомъ лѣтъ восьми, когда дѣло Тюфилиновой, въ третій разъ рассмотрѣнное въ палатѣ, рѣшено было въ ея пользу. Отецъ мой пропустилъ срокъ для апелляціи и подалъ всеподданныйшую просьбу о восстановленіи пропущеннаго срока. Дѣло для насъ было нешуточное: кромѣ его потери намъ предстояло уплата 80 т. р. штрафовъ, какъ объясняла мать, поучая насъ молиться, чтобъ Господь вложилъ въ сердце Царя благое побужденіе въ пользу нашего дѣла.

Было 17-е Сентября, день именинъ моей матери, и къ намъ въ Уѣзъ съѣхались друзья моихъ родителей за 40, 100 и болѣе верстъ. Обѣдъ былъ въ залѣ. Наливали Шампанское, когда въ дверяхъ прихожей показался почтальонъ. Надо замѣтить, что въ ту пору въ Уѣзѣ не было обычая устраивать въ прихожей колокольчикъ и запираеть двери. Почтальонъ держалъ въ рукѣ большой казенный пакетъ, заключавшій въ себѣ извѣщеніе статсъ-секретаря о восстановленіи Государемъ. срока апелляціи по дѣлу Тюфилиновой. Я помню, какъ плакали мужчины, поздравляя моихъ родителей. Само собою разумѣется, первый тостъ былъ за здоровье Виновника этой трогательной и радостной сцены, которая и теперь живо представляется моимъ глазамъ.

Кстати упомянуть здѣсь о другомъ подобномъ случаѣ въ моей жизни, который еще болѣе дать можетъ удостовѣреній, что произволъ правительственныхъ лицъ долго еще заставлялъ будетъ искать опоры въ благой волѣ Царя. Прошло болѣе тридцати лѣтъ послѣ описаннаго случая, новое царствованіе заявило уже себя крупными реформами, которыя должны были оказать содѣйствіе къ правильному подъему общества, усугубить вниманіе лицъ правительственныхъ къ своимъ обязанностямъ; но увы! безучастіе къ положенію другихъ всего рѣзче высказывалось тамъ, гдѣ по смыслу самаго закона предполагается самая надежная охрана правъ и личности cadaго. Я наслѣдовалъ отъ тещи моей два дѣла съ г-омъ У., (съ 1839 года начавшіяся), получившимъ значительное ея имѣніе въ Черниговской губерніи за 190 т. р. асс. по закладной о мнимыхъ его убыткахъ. Дѣла неправыя, но по нимъ состоялись рѣшенія Могилевской Гражданской Палаты 1845 и 1846 гг. Хотя эти рѣшенія не были объявлены онеку-

1, 15.

намъ малолѣтней тогда моей жены, о чемъ я заявлялъ Сенату; но Сенатъ, не принявъ этого во вниманіе, рѣшеніе палаты утвердилъ. Жена моя подала всеподданнѣйшую жалобу о пересмотрѣ дѣла въ общемъ собраніи Сената. Но какъ рѣшенія Сената исполняются немедленно, то У. явился вскорѣ съ исполнительнымъ листомъ и судебнымъ приставомъ описывать движимость, имѣющую для насъ особую цѣнность, какъ памятники фамильной старины, наслѣдованной отъ дѣда (графа Завадовскаго). Все дѣлалось нахально, какъ бы съ цѣлю принизить и натѣшиться положеніемъ противника. А жалоба еще не разрѣшена. Наступалъ новый годъ. Передъ вечеромъ сидѣлъ я съ женою въ кабинетѣ. Въ мысляхъ у каждаго было только что пережитая непріятность, а въ будущемъ—полная неизвѣстность. Легкій шумъ въ прихожей заставилъ предположить приходъ духовенства для служенія, по обычаю, всенощной; но вошедшій слуга подалъ почту, гдѣ большаго формата казенный пакетъ заключалъ въ себѣ такое же извѣстіе статсъ-секретаря о высочайшемъ соизволеніи на переносъ дѣла въ общее собраніе. Когда вслѣдъ за тѣмъ діаконъ возгласилъ: «востаните, Господи благослови», какая была теплая молитва, и не трудно угадать за Кого она возсылалась!

Хотя было всемъ извѣстно изреченіе Екатерины «лучше десять виновныхъ простить, чѣмъ одного невиннаго наказать», но судебная процедура была такъ обставлена, что изреченіе это не принималось въ руководство. Въ Уфѣ ходилъ одинъ Татаринъ, возвращенный изъ каторжной работы, съ обезображеннымъ лицомъ, вырванными ноздрями. Случайно открылась его невинность. Случай былъ слѣдующій. Одна мѣщанка, жившая въ Уфѣ, уходя утромъ на рынокъ, запирала дѣтей своихъ въ избѣ. Однажды, возвращаясь домой, она встрѣтила въ воротахъ знакомаго Татарина, часто бывающаго у нея, и спросила его: ты отъ насъ, что дѣти? Татаринъ, замѣтно смущенный, отрекся, что не заходилъ. Несчастная мать нашла двери избы разломанными, троихъ дѣтей убитыми, а имущество разграбленнымъ. Татаринъ былъ обвиненъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительный злодѣй, умирая, открылъ свое преступленіе, рассказавъ подробно все обстоятельства совершеннаго имъ злодѣянія. Вотъ какъ легко было обвинить и опозорить человѣка.

Давно уже отмѣнены были «позорящія человѣчество» пытки, а все казалось труднымъ безъ ихъ помощи раскрыть преступленіе, и онѣ продолжали практиковаться подъ нѣкоторыми видами въ отдаленныхъ уголкахъ отечества. Я помню, во дни моего отрочества, занималъ насъ одинъ слѣдственный процессъ по крупному злодѣянію. Отъ преступника не могли добиться признанія. По этому поводу одинъ старый подъячій высказывалъ порицаніе современныхъ слѣдственныхъ приемовъ:

«А мы, говоритъ, бывало сеledочкой накормимъ, запремъ, а пить не даемъ. Вотъ поскучаетъ о водицѣ, помучается что жизни не радъ,—откроетъ всю истину. А нынѣ что?»

Обыкновенно Русскій человѣкъ примиряется съ осужденнымъ, коль скоро онъ преданъ въ руки правосудія и, считая его съ того времени несчастнымъ, надѣляетъ его милостынею. Это великая народная черта. Но я былъ свидѣтелемъ суроваго отношенія народа къ осужденнымъ. Въ Казанской губерніи были пойманы два разбойника, Быковъ и Чайкинъ. Первый собственноручно убилъ 105 человѣкъ, второй около 90. И какъ они убивали! Они тѣшили страданіями людей, напримѣръ, разрѣзали животъ беременной женщины и вынули младенца и т. п. Они были присуждены къ наказанію шпицрутенами первый 12 т., второй 10 т. ударовъ. Это было весною 1849 года; казнь исполнялась въ Казани на Арскомъ полѣ. Я не видѣлъ до того времени столь многочисленной толпы, какую собрало это зрѣлище. Боялись одного, чтобъ преступники не убѣжали изъ острога для новыхъ злодѣяній. Солдаты били ихъ съ ожесточеніемъ, въ противность уставу, выбѣгая изъ строя; а толпа равнодушно смотрѣла на вздутыя синія спины, съ которыхъ лентами слетала кожа и струилась кровь. Полнаго наказанія они не вынесли и умерли на другой или третій день.

*

Крѣпостное право давало себя знать возмутительными проявленіями, которыя шли рядомъ съ жестокостію нравовъ того времени. Въ Мензелинскомъ уѣздѣ была помѣщица Евг. Ив. Можарова. Жестокость ея въ обращеніи съ людьми, кажется, не знала предѣловъ. Близъ дома у нея былъ выстроенъ сарай, усыпанный пескомъ, среди сарая лавка, на которой растягивали провинившихся и сѣкли. Говорятъ, что этотъ сарай былъ и могилою для немалаго числа жертвъ. Бабушка моя, бывъ ребенкомъ, завезена была къ ней на одинъ день погостить. При ней Можарова, указавъ дѣвочкѣ на неубранную тряпку, дала знакъ идти. Бабушка моя видѣла, какъ мимо оконъ дома шла Можарова, за нею несчастная дѣвушка, а за послѣднею высокаго роста мущина, какъ оказалось въ послѣдствіи, исполнявшій обязанность палача. Черезъ нѣсколько времени тѣмъ же порядкомъ шествіе возвращалось. Но не прошло десяти минутъ какъ Можарова замѣтила на дѣвущкѣ запачканный фартукъ, и снова шествіе мимо оконъ; но дѣвушка уже не пришла назадъ. Чтѣ сталося съ несчастною, неизвѣстно.

О дѣяніяхъ Можаровой дошло до Петербурга. Слѣдствіе подтвердило ея жестокость. Началось дѣло и перешло въ Сенатъ. Можаровъ поѣхалъ въ Петербургъ, жена съ нимъ. Онъ дѣлалъ обѣды для сенатскихъ секретарей, а Можарова, обрѣзавъ волосы и переодѣвшись ка-

зачкомъ, служила у стола, чтобъ имѣть случай слушать разговоры и избавиться отъ ненужныхъ свидѣтелей—прислуги. Посовѣтовали показать ее умершею. Разумѣется, это немалого стоило. Можарова умерла для дѣла, которое «предали волѣ Божіей», а она втихомолку доживала свой вѣкъ. Наконецъ, мучительная болѣзнь сразила ее. Доктора приговорили разглаживать ее теплыми утюгами; но эта операція мало облегчала страданія умирающей, которая, должно полагать, вину въ томъ клала на прислугу. Прислуга отъ времени до времени вскрикивала. Услыхавъ это, Можаровъ полюбостествовалъ узнать причину. Оказалось, что умирающая добыла вилку и ею колола своихъ гладильщицъ. Народная молва утверждала, что ея не приняла земля. Вѣрнѣе сказать, она ее поглотила, такъ какъ могила этой жестокой женщины дѣйствительно провалилась.

Не знаю, каково жилось при ней ея супругу. Въ разсказахъ онъ рисуется какимъ-то безотвѣтнымъ существомъ. Однако, передаетъ преданіе, узнавъ исторію съ вилкой, онъ усовѣщивалъ жену, напоминая ей о Богѣ. Правда, что Евгенія Ивановна не могла тогда уже встать съ постели и воздать хвалу своему супругу за заботу объ ея душѣ, что въ свою очередь могло придать и ему болѣе смѣлости; но извѣстно, что Евгенія Ивановна не баловала никого. Племянника своего, Пальчикова, за шалости запирала она съ лебедями, которые жестоко избивали крыльями несчастнаго ребенка.

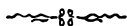
Надо думать, что въ той мѣстности жестокое обращеніе не составляло единичнаго случая. Такъ мнѣ извѣстно, что однажды дѣвушка сосѣдей-помѣщиковъ прибѣжала къ моей бабушкѣ въ полномъ отчаяніи. «Матушка!» говорила она, «помолитесь обо мнѣ, а я бѣгу удавиться: нѣтъ болѣе моихъ силъ!» Бабушка моя ее успокоила, оставила у себя и, похваставъ къ сосѣдямъ, купила ее у нихъ. Эта несчастная была извѣстная въ Уфѣ и любимая всѣми нами «няня Дмитріевна».

Исчезъ типъ этихъ преданныхъ нянь, дѣлавшихся нераздѣльными членами барской семьи. Нашу Дмитріевну любила и дворян, какъ бы понимая, что она служитъ лучшимъ звѣномъ ея съ господскою семьей. Сидитъ эта няня всю ночь у изголовья больнаго ребенка, а какъ услышитъ звонокъ къ утру, ея мѣсто у больнаго занимаютъ другіе, а она вмѣсто отдыха бѣжитъ въ церковь, бьетъ поклоны и молится о спасеніи жизни своего питомца. И когда спала она и отдыхала, трудно было видѣть. Сколько эта неграмотная крѣпостная придавала энергіи, развивала самолюбія при учебныхъ занятіяхъ въ дѣтствѣ! А когда ея питомцы достигли болѣе зрѣлаго возраста, она тяготилась отдыхомъ и просила, чтобъ ей дали ключи отъ кладовой съ подваломъ. Въ угоду ей исполнили ея желаніе. Но старуха свалилась разъ

въ подвалѣ и ушиблась. Разумѣется, болѣе ей ходить съ ключами не позволили. Оправившись, она просила, чтобъ ей хотя въ амбаръ позволили ходить; «не хочу я даромъ хлѣбъ ѣсть». Какъ ея ни убѣждали, но не могли отказать: старуха стала толковать отказъ недоумѣемъ къ ней. Отдали ей ключи отъ амбара. Хотя мы жили въ городѣ, но въ амбарѣ всегда былъ значительный запасъ разной муки, крупъ и т. п. припасовъ для многочисленной дворни и бѣдныхъ, которые ежемѣсячно 1-го и 2-го числа являлись съ мѣшками за получениемъ. (Покойная матушка отличалась сердоболѣемъ). Быть можетъ, старушка-няня, по своему христіанскому чувству, дорожила ролью посредницы по благотворенію. Разъ она узнала въ закромѣ и опять ушиблась. Снова взяли отъ нея ключи, и снова сѣтованія и слезы старухи. Наконецъ, чтобъ ее успокоить, ей поручили дѣлать чай. А чай у насъ былъ непрерывный, такъ какъ матушка принимала бѣдныхъ, странниковъ, монахинь, не говори уже о привычкѣ къ чаю всѣхъ вообще, въ особенности въ восточной половѣ Россіи. Когда пріѣзжали мы съ братомъ на лѣтніе каникулы, радость старухи была безпредѣльна. Она не знала чѣмъ ее выразить. По пріѣздѣ въ Уфу мы сейчасъ же перекочевывали въ ближайшую нашу деревню. Разумѣется, форменное платье на все лѣто оставалось и замѣнялось пеньковымъ. Ложились бывало не рано; снимаешь платье, а утромъ всѣ жилеты и галстуки вымыты, накрахмалены. И все это дѣло рукъ няни. А къ чаю всегда ся стряпни крендельки и лепешечки. Наконецъ, и чай уже не въ силахъ была наливать старушка. И ея питомцы, кромѣ меня, отсутствовавшего, платили ей тою же данью, ухаживая за больною и перенося ее съ постели на другую. А за тѣмъ пышные похороны, выносъ гроба на рукахъ господами и близкими знакомыми изъ дома на катафалкъ, сопутствіе всей семьи до могилы и слезы всѣхъ, начиная отъ нашей матери, свидѣтельствовали о томъ, какое мѣсто это маленькое существо, эта безотвѣтная крѣпостная, завоевала себѣ въ барской семьѣ.—Нельзя было не видѣть, что смягченіе въ обращеніи съ крѣпостными стало замѣтнѣе съ царствованія Государя Николая Павловича и, кажется, не будетъ ошибкою искать причину тому въ путешествіяхъ по имперіи Александра Благословеннаго. Это давало случай приносить личную жалобу Императору, что ускоряло дѣло и обезпечивало его правильный исходъ; да и самый примѣръ милостиваго обхожденія Императора съ крестьянами, которыхъ называлъ онъ «мои милые бородачи», сильнѣе дѣйствовалъ на окружающихъ, чѣмъ сухая мораль закона.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ *).

Помню взятіе въ опеку имѣній тайнаго совѣтника Жадовскаго за злоупотребленіе помѣщичьею властью. (О размѣрахъ этихъ злоупотребленій повторяли съ ужасомъ **). Впрочемъ, сколько я помню съ дѣтства, у сосѣдей я не подмѣчалъ въ прислугѣ запуганности. Все казалось просто какъ у насъ. У насъ былъ, напримѣръ, буфетчикъ Степанъ Петровичъ, вѣчно пьяный и ежедневно бившій посуду. Отецъ на него прикрикнетъ, пригрозится бывало, что велить его наказать; а Степанъ Петровичъ зналъ, что и завтра онъ еще побьетъ посуду и тоже услышитъ отъ своего барина. Но я не знаю ни одного случая, чтобъ отецъ мой кого-нибудь ударилъ. Таковъ былъ и мой дѣдъ. Прислуга смотрѣла на него какъ на праведника. Я помню, отецъ каждое Воскресенье дарилъ намъ по серебряной монетѣ и клалъ въ особый ящикъ своего бюро. Къ ярмаркѣ долженъ былъ составиться извѣстный капиталъ, который и долженъ былъ поступить тогда въ полное наше распоряженіе. Разъ, открывъ ящикъ бюро, онъ не нашелъ денегъ. Въ это время его камердинеръ подавалъ ему одѣваться. Отецъ посмотрѣлъ на него и съ укоризною сказалъ: «Такъ-то Антонъ Степанычъ!» Я понялъ, что отецъ обвинялъ его въ покражѣ, а Антонъ стоялъ красный и безмолвствовалъ. Тѣмъ исторія и кончилась. По кончинѣ отца онъ проворовался однако и пропалъ безъ вѣсти.

Такъ точно въ деревнѣ приходили бабы съ ягодами или по какимъ нибудь другимъ хозяйственнымъ дѣламъ, говорили онѣ съ моею

*) См. выше стр. 223.

**) Жадовскій былъ близкимъ лицомъ къ министру финансовъ графу Канкрину и мечталъ занять его мѣсто. Когда ему этого не удалось, онъ вышелъ въ отставку, пріѣхалъ въ Уфу и здѣсь обратился къ непозволительнымъ развлеченіямъ.

матерью смѣло, держали себя просто; и я не помню, чтобъ когда нибудь ея лицо, при разговорѣ съ ними, не украшалось улыбкою. Въ прощенный день, т. е. послѣдній день масляной недѣли, многіе крестьяне прїѣзжали къ намъ въ городъ. Они кланялись въ ноги моей матери, цѣловали у нея руку и просили простить, если въ чомъ-нибудь передъ нею прегрѣшили или огорчили. «Богъ проститъ», отвѣчала мать; «меня простите, Христа ради».

Вотъ какія отношенія къ крестьянамъ я вынесъ лично изъ воспоминаній моего дѣтства. Не вездѣ они разрушены были положеніемъ 19 Февраля. Да и разрушили ихъ искусственно. Благодушія свойства Русскаго народа, при участіи церкви въ его нравственномъ развитіи, могли поставить у насъ соціальный вопросъ своеобразно. На сколько живою осталась мѣстами нравственная связь народа съ помѣщиками, и теперь можно указать примѣры. Когда скончалась моя мать, не смотря на бездорожье (4 Марта), всѣ крестьяне изъ ближайшей къ Уфѣ деревни (33 версты) прибыли на погребеніе и не допустили ставить гробъ на катафалкъ: несли его до кладбища на рукахъ, наперерывъ добываясь этой пошн, а катафалкъ слѣдовать пустой. Прошлымъ лѣтомъ я встрѣтилъ въ Петербургѣ одну Уфимскую помѣщицу Е. Н. Ястребову. Она сиѣшла домой, выражая между прочимъ тоску по своей деревнѣ. «Не повѣрите, какъ меня любятъ крестьяне», говорила она. «Когда умеръ мой сынъ, вмѣстѣ со мною плакали. А когда разъ ночью случился пожаръ, они не забыли меня; первой заботой ихъ было: не тревожьте нашу старушку, не будите ея, а мы до дома не допустимъ пожара. И не допустили, а я спала преспокойно». Говоря о подобныхъ доказательствахъ привязанности къ ней ея бывшихъ крѣпостныхъ, старушка прослезилась. Вотъ естественный историческій ходъ соціального вопроса въ Россіи. Какая же разница между подобными отношеніями и битьемъ палками въ Кіевѣ среди дня порядочно одѣтыхъ дамъ рабочими! Откуда это?

Правда, когда судьба кинула меня въ Бѣлорусскій край, я къ удивленію замѣтилъ иное. Распредѣленіе крестьянскаго труда было не на тѣхъ основаніяхъ какъ заведено было у насъ. У насъ деревни раздѣлялась на двѣ половины, которыя почему-то назывались пятками. Первые три дня недѣли работали одинъ пятокъ, слѣдующіе три дня другой. Приходился на недѣли праздникъ, счастье того пятка, на дняхъ котораго онъ случился. Дурная погода—помѣщикъ принекивалъ отвѣчающее занятіе, но не измѣнялъ порядка. Въ Бѣлоруссіи дѣло велось не такъ. Никакихъ праздниковъ не полагалось, т. е. три дня въ недѣлю должны были работать всѣ безъ вычета. Въ ненастные дни рабочіе возвращались домой и работали на барщинѣ только въ погоди.

вые дни. Такимъ образомъ, при неблагопріятной погодѣ во время уборки хлѣба, крестьяне не успѣвали своевременно убрать со своего поля хлѣбъ. Второе, что поразило меня—это шинокъ въ каждой деревнѣ. Я помню, что откупъ, находя центральное положеніе нашей деревни между другими четырьмя выгоднымъ для себя, предлагалъ моей матери 1000 рублей за право открыть кабакъ; но мать ни за что не согласилась. А въ то время эта сумма была немаловажная.

Все это происходило отъ того, что помѣщики-Поляки, по своимъ политическимъ и религіознымъ убѣжденіямъ, смотрѣли съ полнымъ безучастіемъ на Русскаго мужика, которому не было иного названія какъ быдло.

Дворовая прислуга мужская, какъ помню я, была распущена, почти всѣ пьяницы. Праздность была причиною этого порока, а праздность являлась необходимымъ послѣдствіемъ многочисленности двороваго штата. Старшіе обыкновенно выѣзжали на подросткахъ, которые собственно и дѣлали дѣло. Гдѣ было 4—6 лакеевъ, рѣдко кого изъ нихъ можно было найти въ прихожей, кромѣ казачка. Развѣ пьяный забредетъ и заснетъ, развалившись на нарахъ. Случались такія сцены. Весною, послѣ ужина, вышли мы на одно изъ крылецъ нашего длиннаго дома; луна освѣтила дворъ; на муравѣ посреди двора обрисовалась лежащая черная фигура съ бѣлымъ щитомъ. Мы пошли къ ней. Оказалось, что это нашъ буфетчикъ Степанъ Петровичъ шелъ съ блюдомъ въ кухню черезъ дворъ, сошелъ съ дорожки, упалъ и заснулъ. Никто его не хватилъ, такъ какъ его отсутствіе, благодаря многочисленности прислуги, не было замѣтнымъ. Иногда прислуга выкидывала и лучшія штуки. Былъ въ Уфѣ помѣщикъ, полковникъ гвардіи В.; жена его, дочь какого-то Кавказскаго генерала, была (послѣ душевнаго потрясенія) очень странная, что конечно было замѣтно и для прислуги. Барыня, зимою, дѣлая въ возкѣ визиты, слышитъ звуки какого-то инструмента и не можетъ себѣ объяснить, что это такое. Оказалось, что лакей, сидя на запяткахъ, услаждалъ свое невольное странствіе дорогими звуками родной бѣнды. Когда же возокъ останавливался передъ подъѣздомъ какого-либо дома, онъ вѣшалъ инструментъ на кисти возка, а самъ шелъ докладывать о пріѣздѣ барыни.

Насъ очень забавляли рассказы объ оригинальномъ способѣ наказанія прислуги, придуманномъ одною старушкой М. Провинившагося лакея ставила она на колѣняхъ по срединѣ двора и заставляла вязать чулокъ. Или—горничная, не выполнившая ея приказанія, приглашалась въ гостинную, гдѣ должна была занять мѣсто барыни на диванѣ. Ей подавали чай. Провинившаяся кланялась въ ноги, просила ее простить и освободить отъ непривычнаго пріема и угощенія.

Отказывающихся идти на работу подъ предлогомъ болѣзни она призывала къ себѣ, помѣщала въ особой избѣ и, увѣряя, что при всякой болѣзни лучшее средство — діета, предлагала больному кусочекъ бѣлаго хлѣба и рисовый супъ. Конечно, непривыкшій къ такому столу крестьянинъ выздоравливалъ и шелъ на работу. У насъ примѣровъ уклоненія отъ работъ положительно не было.

Женская прислуга пользовалась большею свободою въ отношеніи господъ и нѣкоторою фамильярностью, потому что она была ближе, такъ сказать, къ теремной ихъ жизни; всегда была на глазахъ, была опрятнѣе, нравственнѣе. Дѣдъ мой, будучи до брезгливости чисто-плотень, имѣя лакеевъ, не позволялъ имъ служить у стола, а служили дѣвушки, всегда въ бѣлыхъ фартукахъ и такихъ же косынкахъ на шеѣ.

О грамотности прислуги, кажется, мало заботились. Но молодые наши лакеи были все грамотные. Какъ только мои родители переехали въ Уфу, всехъ дворовыхъ мальчиковъ стали отдавать въ уѣздное училище. Одинъ изъ нихъ такъ скоро и хорошо писалъ, что, сопутствуя братьямъ, а потомъ мнѣ въ Казань, переписывалъ для насъ лекціи. Женскій же персоналъ оставался неграмотнымъ, только одна дѣвушка самоучкой выучилась читать и посвящала чтенію часы своего досуга. Впрочемъ, въ давнее время и въ той странѣ, близкой къ Сибири, это и не должно удивлять. Бабушка моя, Лисовская, урожденная Каменьщикова, родилась въ Сибири въ 1769 г. Она умѣла только читать, а писать ее не учили. Не учили тамъ писать вообще всехъ дѣвицъ, чтобъ, выросши, не могли переписываться съ мушкетерами. Вотъ какая была дичь. А когда было заниматься этою перепискою, когда четырнадцатилѣтнюю выдали замужъ!

Но у двора была своего рода наука, были люди просвѣщенные, свѣдущіе. Это тѣ, которые наиболѣе знали примѣтъ, повѣрій, разныхъ небывалыхъ исторій. Все слушали ихъ со вниманіемъ, удивляясь обширнымъ познаніямъ разсказчика. Съ однимъ подобнымъ мудрецомъ мнѣ разъ довелось имѣть непродолжительный разговоръ. Когда я былъ студентомъ, въ Казани, одинъ нашихъ знакомыхъ квартировалъ въ домѣ Львовой. Домъ вѣзвывался въ большой садъ, въ которомъ была оранжерея, а при ней старикъ-садовникъ. Гуляя, разъ въ саду передъ приближеніемъ грозы, я пожелалъ проверить свѣдѣнія старика и спросилъ его: знаетъ ли онъ отъ чего громъ? «А развѣ это можетъ кто знать?» Почему же не можетъ? конечно да. Старикъ погрозилъ мнѣ пальцемъ и таинственно сказалъ: «Иванъ Богословъ разъ спросилъ Спасителя: Господи, отчего это громъ и молнія? Господь ему отвѣчалъ: ты Иванъ Богословъ, да не многословъ. Вотъ что!»

Благотворительность выполнялась очень просто. Помощь бѣдному оказывалась по первобытному пріему, причѣмъ очень часто соблюдалось евангельское правило, чтобъ шуйца не знала, чтѣ творить десная. Дѣдъ мой, отецъ моей матери, уходя на службу, раскладывалъ на одномъ окнѣ мѣдныя деньги и садилъ у окна мальчика-лакея, вѣня ему въ обязанность подавать милостыню. Когда онъ возвращался домой и замѣчалъ, что денегъ осталось много, онъ дѣлалъ выговоръ слугѣ: «Вѣрно ты бѣгалъ и не раздавалъ какъ слѣдуетъ; а тутъ пожалуй приходили и ни съ чѣмъ ушли. Ты сытъ, а иному теперь по твоей милости нечѣмъ пообѣдать.»

Примѣровъ чудачества и самодурства не оберешься. Пріѣхавъ въ отпускъ въ свое небольшое Мензелинское имѣніе, адъютантъ какого-то генерала, мой прадѣдъ Левшинъ, явился къ вышеупомянутому Мильковичу. Разумѣется, въ глупи свѣжему человѣку рады. Левшинъ разсказалъ, что у него на Украинѣ порядочное имѣніе, сто дымовъ, чтѣ равнялось 400 и болѣе душамъ. Затѣмъ онъ сдѣлалъ предложеніе моей прабабкѣ Басиной, племянницѣ Мильковича, которую тотъ любилъ какъ дочь, и Мильковичъ выдалъ ее за неизвѣстнаго ему человѣка. Когда Левшинъ съ молодою женою прибылъ къ мѣсту служенія, въ Воронежъ, молодая конечно должна была сдѣлать генеральшѣ визитъ. Старуха-генеральша, увидѣвъ передъ собою величественную фигуру молодой красавицы въ роскошномъ нарядѣ, всплеснула руками и вскрикнула: «ахъ, злодѣй, обманулъ!» Прабабка моя упала безъ чувствъ. Когда привели ее въ чувство, первый вопросъ ея былъ: «кто онъ?» Генеральша объяснила, что онъ человѣкъ хорошій, но что въ его сватовствѣ, какъ она полагала, онъ непременно долженъ былъ употребить какой-нибудь обманъ, чтобъ склонить ея родныхъ на бракъ, выдать себя за богача и т. п. Это успокоило мою прабабку, которая такъ была напугана выходкою хозяйки, что не могла принять ея фразу иначе какъ въ прямомъ смыслѣ.

Въ Уфѣ былъ нѣкто Демидовъ, богатый очень человѣкъ. Жена его выходитъ на крыльцо, чтобъ дѣлать визиты, а передъ крыльцомъ рогожный возокъ и пара клячъ въ мочальной сбруѣ. Раздосадованная, возвращается она въ комнаты, срываетъ съ себя наряды: мужъ выражаетъ удивленіе: «Что съ тобой, матушка?» — «Чтѣ это за шутки, замѣчаетъ она: лубочный возокъ и мочала!» — «Чтѣ ты, что ты, матушка, помилуй: Англійская карета четверней». И дѣйствительно, у крыльца стояла уже щегольская карета. Демидовъ оправдывался, что чудачество у нихъ въ фамиліи наслѣдственное и разсказывалъ о разныхъ выходкахъ его родичей, въ томъ числѣ объ одной оригинальной свадьбѣ. Дядя его имѣлъ дѣло къ присутственному

мѣстѣ, гдѣ ему понравился молодой приказный. Онъ взялъ его съ собою и предложилъ жениться на своей дочери. Приказный принялъ это за шутку, но Демидовъ увѣрилъ его въ противномъ; а когда вошла его дочь, онъ представилъ его ей какъ ея жениха. Дѣвица заплакала и вышла за него замужъ. Когда на другой день свадьбы молодые пріѣхали съ поклономъ къ родителю и, возвращаясь отъ него, сѣли въ карету, въ каретѣ стояла свинья тупа. Молодая, зная путешествие папаши, дернула мужа за рукавъ и сама проворно вскочила въ экипажъ. Тупа оказалась начиненною золотыми.

Вотъ характерный разсказъ объ одной свадьбѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Былъ въ Уфѣ богатый помѣщичій домъ, Татары Тевкелевы. Дѣвица, дочь помѣщика, ходила въ Европейскомъ платьѣ и принимала участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, какія тогда могла дать Уфа. На балахъ и въ собраніяхъ она имѣла случай сойтись съ молодымъ богатымъ помѣщикомъ Тимашевымъ. Объяснились другъ другу въ любви, она согласилась принять христіанство и выйти за него замужъ. Сговорились и о томъ, какъ устроить побѣгъ. Имѣніе Тевкелевыхъ было въ 90 верстахъ отъ Уфы. Къ назначенному времени по дорогѣ до Уфы были разставлены Тимашевымъ подставныя лошади. Однажды дѣвица гуляла въ саду, съ нею неразлучная Татарка-мамка. Но дѣвушка сумѣла ее выпроводить за чѣмъ-то въ домъ, а сама черезъ калитку въ поле, въ рощу, за которой на тройкѣ ждалъ Тимашевъ. Возвратилась мамка, не нашла барышни. Обошла садъ, нѣтъ ея! Она къ калиткѣ—калитка отворена. Она далѣе, кричала,—нѣтъ отвѣта. Тогда, смекнувъ въ чемъ дѣло, Татарка побѣжала въ домъ и объявила о случившемся господину. Сейчасъ скомандовалъ Тевкелевъ всю дворню на коней, и о дву-конь *) поскакала цѣлая орда за бѣглецами. Прискакавъ Тевкелевъ съ ордой своей къ берегу Бѣлой рѣки, а тамъ ни одной лодки; счастливая пара подплываетъ къ противоположному берегу. Тевкелевъ раздражается проклятьями, ихъ далеко уносить утренній вѣтерокъ, а Тимашевъ уже ведетъ трепещущую свою подругу къ православному собору, что на берегу Бѣлой рѣки. Такъ породнились два дома Русскій и Татарскій.

Сильный страхъ навелъ на Уфу Пугачевъ. Небольшой городокъ, ничѣмъ незащищенный, безъ войска, не могъ, казалось, противустоять полчищамъ злодѣя. Но нашлся человѣкъ, который воодушевлялъ жителей, распоряжался обороной, былъ, такъ сказать, ея душею. Это

*) Каждый скачетъ на лошади, а другую держитъ въ поводу. Прискакавъ верстъ 15—20, пересаживается на другую лошадь, а первую держитъ въ поводу и т. д. пере-мѣняетъ лошадей.

былъ почтенный горожанинъ Дюкъ. Дочь свою ссваталъ онъ за одного молодого человѣка. Бракъ долженъ былъ состояться по взаимной склонности. Но старикъ Дюкъ узнаётъ, что отецъ жениха присталъ къ злодѣю. Онъ прогоняетъ его изъ дома, не вѣрить его увѣреніямъ въ преданности отечеству и вѣрности царю. По совѣту Дюка рѣшено не допускать Пугачевскихъ полчищъ до города, и встрѣтили ихъ на шестой верстѣ. Молодой человѣкъ идетъ впереди всѣхъ и смертію на ратномъ полѣ доказываетъ свою вѣрность. Дюкъ погребенъ близъ собора (нынѣ Троицкая приходская церковь). Вѣроятно когда-нибудь соборъ этотъ былъ обнесенъ оградой, и могила Дюка была въ ея чертѣ. Теперь нѣтъ и слѣдовъ могилы знаменитаго защитника города.

Городъ Уфа въ началѣ этого столѣтія былъ очень маленькій, улицы узкія, расположены по кряжамъ между оврагами. Гдѣ теперь одна Казанская улица, тогда были двѣ—Казанская и Рѣнная, такъ что по серединѣ нынѣшней Казанской улицы были еще дома. Каменныхъ построекъ не было ни одной. Жители были бѣдные, торговля ничтожная, населеніе въ окрестности рѣдкое. Обыватели, благодаря обилію пастбищъ, держали коровъ, лошадей; но навоза съ дворовъ не вывозили. Черезъ это въ городѣ распространялось зловоніе. Губернаторъ Наврозовъ придумалъ остроумный способъ помочь бѣдѣ, не обременяя жителей: онъ велѣлъ вывезти навозъ на улицы и на улицахъ его сжечь. Это было въ 1819 году. Результатъ превзошелъ ожиданія: Наврозовъ думалъ сжечь только навозъ, а сжегъ весь городъ. Велѣдъ затѣмъ его уволили. Говорили и упорно, что онъ получилъ изъ Петербурга, неизвѣстно отъ кого, медаль съ надписью: «не намъ, не намъ, да и не вамъ». Не знаю, занимался ли потомъ Наврозовъ дезинфекціей другихъ городовъ. Я видѣлъ его лѣтъ двадцать съ небольшимъ спустя послѣ этого; онъ былъ еще довольно бодрымъ старикомъ.

Образованіе до тридцатыхъ годовъ было поставлено крайне слабо. Гимназія въ Уфѣ открыта, кажется, въ концѣ царствованія императора Александра 1-го. Въ уѣздахъ же стояла темъ непроглядная. Въ дѣтствѣ моемъ въ мое распоряженіе былъ отданъ альбомъ немолодой уже дѣвицы Е. Н. Исаевой, жившей около 1820-го года въ Мензелинскѣ. Альбомъ былъ исчерченъ стихами и прозой. Разумѣется, онъ оканчивался остроумнымъ произведеніемъ прошлаго столѣтія: «На послѣднемъ семъ листочкѣ напишу четыре строчки». Въ альбомѣ говорилось очень много комплиментовъ молодой тогда дѣвицѣ. Но забавнѣе всего была замѣтка какого-то разочарованнаго господина, которому приторною казалась лесть. Я удержалъ въ памяти слѣдующую галиматью: «Изъясненные въ семъ альбомѣ нѣкоторые пред-

разсудки не могутъ быть сочтены за имовѣрное, ибо какъ въ свѣтѣ все перемѣняется, такъ и въ народѣ духъ колеблется».

Но развитіе края во всѣхъ отношеніяхъ шло быстро. Городъ Уфа разросался; рѣка Бѣлая сдѣлалась торговымъ путемъ, образовались въ Уфѣ торговые дома; наконецъ, гимназія и семинарія. Духовенство облагородилось. Еще во второй четверти этого столѣтія оставались старики священники, поражавшіе своею грубостью. Такъ рассказывали объ одномъ священникѣ Ласточкинѣ, котораго сына я еще помню. Къ нему подходитъ дама принять причастіе, и ему показалось, что она мало для того раскрыла ротъ. «Что ты боишься что ли ротъ-то открыть? Ну, куда я тебѣ лжицу-то просуну.» Сконфуженная молодая особа, боясь повтореній подобнаго замѣчанія, открываетъ ротъ со всѣмъ усердіемъ; но не угодила тѣмъ старику. «Смотри, пожалуй: она никакъ ужъ и меня съ сосудомъ проглотить хочетъ!» Мало уступалъ ему и мой законоучитель, протоіерей Брѣвѣ. Церковь Успенія была тогда деревянная, очень маленькая (это было уже въ сороковыхъ годахъ). Жена губернатора Балкашина любила бывать въ этой церкви, потому, быть можетъ, что избрала старика Брѣвева своимъ духовникомъ. Становилась она на лѣвомъ клиросѣ и, при большемъ выходѣ, дѣлала земной поклонъ у самыхъ сѣверныхъ вратъ, стѣняя тѣмъ старика при выходѣ изъ алтаря съ чашею. Онъ, встрѣтивъ близкую къ Балкашиной особу, говоритъ ей: «ты скажи своей-то губернаторшѣ—я ей на языкъ наступлю; что въ самомъ дѣлѣ она мнѣ подъ ноги лазить». Но старикъ этотъ былъ почтенный и всѣми уважаемый. Лѣтъ 30 онъ былъ законоучителемъ въ гимназіи; онъ соорудилъ трудами своими каменную церковь въ селѣ Подлубовѣ и двѣ каменные церкви Покровскую и Успенскую въ Уфѣ. Всѣ свои достатки онъ клалъ въ церковь и домъ свой завѣщалъ ей. Преосвященный Іосифъ представилъ его къ алмазному кресту. Старикъ мечталъ объ этой наградѣ и мечталъ почему? Онъ рассчитывалъ, что, продавъ эту драгоценность, устроить иконостасъ для одного придѣла. Церкви была имъ выстроена съ расчетомъ, когда будутъ средства, устроить еще два иконостаса, и она будетъ трехпрестольною. Но скупой на подобныя награды для провинціального духовенства Синодъ вмѣсто креста прислалъ награду полегче—свое благословеніе Преосвященный Іосифъ пригласилъ старика къ себѣ и, соболязнуя о немъ, чтобы приготовить его къ горькой вѣсти, повелъ рѣчь о тщетѣ земныхъ почестей. Старикъ сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. «Да ну, что тамо? Видно, изъ Синода что-нибудь получено?» перебилъ онъ архіерея. «Да, отецъ протоіерей, печально замѣтилъ владыко, Святѣйшій Синодъ посылаетъ вамъ свое благословеніе». «Вотъ тебѣ на! Я самъ сорокъ

лѣтъ благословляю!» съ горечью отвѣчалъ старикъ. Выходка была неожиданная и смѣшная; но старикъ былъ жалокъ. Уже послѣ его блаженной кончины, устроены два иконостаса, и церковь теперь трехпрестольная.

Когда пріѣхалъ въ Уфу военный губернаторъ, графъ Сухтеленъ, его дочери, дѣлая визиты въ каретѣ, завязли; карету едва вытаскили. Сухтеленъ, чтобъ поднять Уфу, раздѣлилъ время своего пребыванія по полугодіямъ для Оренбурга и Уфы. Онъ положилъ начало сооруженію оригинальной архитектуры зданій городскихъ частей, устроилъ для прямыхъ сообщеній улицъ черезъ овраги дамбы, существующія и понынѣ. Жаль, что ранняя смерть прекратила дѣятельность на пользу края этого незабвеннаго для него человѣка. Преемникъ его, Перовскій, напротивъ, никогда не ѣздилъ въ Уфу и старался возвысить Оренбургъ, стянувъ туда всѣ учрежденія, какъ напримѣръ, институтъ, Башкирское управленіе и пр., въ эту песочницу, гдѣ отъ климата гибли дѣти, да не выносили его и взрослые.

Наконецъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, устроены были въ Уфѣ фонари и освѣщались коноплянымъ масломъ. Но вскорѣ замѣтили, что просвѣтителіи города, т. е. будочники, которые занимались фонарями, изобрѣли примѣненіе этого освѣтительнаго матеріала къ гречневой кашѣ. Тогда губернаторъ Талызинъ велѣлъ прибавлять въ масло скипидару.

До 1845 года не было даже тротуаровъ. Были завалины возлѣ домовъ, гдѣ весною раньше просыхала или протаптывалась тропа. Но переходъ черезъ улицу былъ затруднителенъ. Домъ нашъ угловой, и мы, глядя въ окна, забавлялись, какъ нарядныя горожанки на святой недѣлѣ, идя подъ качели, частенько въ грязи на наней улицъ оставляли свои башмаки. Весною улица наша превращалась въ рѣку, по которой плавали снесенные отъ воротъ мостики, плавали и ныряли гуси и утки! Но въ 1845 году губернаторъ Балкашинъ занялся устройствомъ шоссе, тротуаровъ, бульваровъ. Исчезла передъ нашимъ домомъ рѣка, къ немалой досадѣ гусей и утокъ; а освѣщеніе замѣнилось спиртовымъ. И. Ѳ. Базилевскій пожертвовалъ городу двѣсти фонарей, изъ которыхъ половину Перовскій велѣлъ доставить въ Оренбургъ. Принимая во вниманіе, что Уфа занимала въ шесть разъ болѣе пространство противъ Оренбурга, нельзя признать дѣлежъ этотъ равномѣрнымъ. А съ волею жертвователя и вовсе не справлялись.

Извѣстно, что еще Монголы пріучили насъ платить дань и переносить это безропотно. «Привычка—вторая натура», говоритъ пословица Царь Иванъ III избавилъ насъ отъ Монголовъ, но не избавилъ отъ дани, которую продолжали мы платить подъ разными видами уже

своимъ доморощеннымъ баскакамъ. Такъ платилъ и откупъ всемъ, начиная отъ губернатора. Губернаторъ Балкашинъ отъ этой дани отказался. Но сила привычки велика: откупъ, видя въ своихъ книгахъ по губернаторской статьѣ пробѣль, впалъ въ превеликую тоску и, чтобъ избавиться отъ нея, предложилъ освѣщать городъ спиртомъ. И все такимъ образомъ устроилось какъ нельзя лучше: совѣсть губернатора была покойна, откупъ избавился отъ тоски, а городъ отъ расхода.

Любимое занятіе помѣщиковъ по большей части составляла охота и преимущественно псовая. Предавались ей съ увлеченіемъ. Въ Сентябрѣ большая кампанія изъ Оренбургской и Симбирской губерній съѣзжалась въ Бугурусланскій уѣздъ, человекъ 15 и болѣе; каждый со псарней и псарями. Разбивались войлочныя кибитки для нихъ и многочисленной прислуги, и двѣ-три недѣли велась беззаботная кочевая жизнь. Днем охота, вечеромъ чай, рассказы, шутки. Здѣсь не прѣмѣнно съ ними шутъ, Татаринъ Искачка, забавлявшій своими мѣткими остротами. Охота, пожалуй, вырабатывала особый типъ людей: расторопность, отвага, братство, откровенность, все это развивалось въ охотникахъ. Я зналъ одного помѣщика Каражкова, прожившаго большое состояніе на охоту. Разъ за обѣдомъ, въ обществѣ, онъ похвалился, что никогда, въ самую критическую минуту жизни, онъ не потеряется. Полно, Алексѣй Петровичъ, замѣтила жена, это теперь такъ говорится; а какъ придетъ такая минута, невольно потеряешься. Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ этого разговора. Каражковъ поѣхалъ разъ съ женою въ маленькихъ санкахъ безъ кучера. Путь лежалъ черезъ плохо, какъ оказалось, замерзшее озеро. Подъ лошадью обломился ледъ. Она прыгнула впередъ. Концы полозьевъ опирались на ледъ, и лошадь еще не обломила вторично подъ собою ледъ и не рванула впередъ; подъ санями была вода. «Соня, помнишь разговоръ? сказалъ Каражковъ, «подъ нами смерть, а я не растерялся. Бросайся на ледъ». Ледъ, надломленный уже, не вынесъ тяжести и обломился. «Держись за льдину, не унывай» — Не могу уже, отвѣчала жена: руки отказываются». «Минуту, минуту», убѣждалъ мужъ, поддерживая ее и самъ влѣзая на льдину, «я вижу обозы; насъ сейчасъ вытащутъ!» Дѣйствительно, замѣтивъ ихъ, народъ сбѣжался къ озеру, и утопавшіе были спасены.

Въ критическую минуту нѣкоторые дѣлаются находчивыми. Когда я былъ студентомъ, мнѣ передавали забавный образчикъ находчивости одного студента. За Булакомъ (часть города) не было тогда мостовыхъ, а только деревянные тротуары, не было фонарей, и трудно было вечеромъ встрѣтить извозчика. Но въ этой части города, доволь-

но близкой отъ университета, охотно селились студенты, тѣмъ болѣе, что отсутствіе удобствъ удешевляло квартиры. Одинъ студентъ отправляется на балъ въ мундирѣ, при шпагѣ и треуголкѣ. Подходить онъ къ перекрестку, нельзя перейти: во всю улицу лужа. На углу у тротуара прилавокъ съ холстиннымъ навѣсомъ, гдѣ, при свѣтѣ фонаря съ салной свѣчкой, калачникъ продавалъ калачи. Студентъ подходитъ къ калачнику и проситъ перенести его черезъ лужу, предлагая за этотъ трудъ гривенникъ. Для калачника, продававшего калачи по грошу, такое предложеніе было очень выгоднымъ. Онъ нагнулся и предложилъ молодому человѣку лѣзть къ нему на спину. Но среди лужи ужасъ объялъ сѣдока: пьяный, видя передъ собою силуэтъ человека съ ношею на спинѣ, принялъ его за шарманщика и, слегка толкнувъ, повелительно произнесъ: «а, шарманка, играй!» Калачникъ думалъ было увѣрять пьянаго въ его ошибку, но студентъ, нагнувшись, ему шепнулъ: «верти рукой». — «Да что я буду вертѣть», спрашивая его недоумѣвающий калачникъ. «Верти!» Калачникъ сталъ вертѣть рукою, а студентъ на его спинѣ запѣлъ тоненькимъ голосомъ: «Ты не повѣришь какъ ты мила». (Въ то время каждая шарманка играла этотъ романсъ, а съ операми онѣ стали знакомить публику гораздо позднѣе). Пьяный, послушавъ немного, скомандовалъ «проваливай» и самъ побрелъ по лужѣ, отыскивая, гдѣ посуше и удобнѣе отдохнуть, а студентъ благополучно перешелъ черезъ Рубиконъ.

Такъ я зналъ одного бывшаго лектора университета, Грека Мастаки, которому студенты усыпали путь по корридору гремучимъ порошкомъ, и онъ прыжками шелъ по корридору. Мастаки получилъ изъ Греціи наслѣдство въ 70,000 р., но остался въ Казани доживать вѣкъ въ своемъ маленькомъ домикѣ на Ляцкой улицѣ. Онъ былъ скряга. Въ Казани одно время было страшное воровство. Полиція вѣнила въ обязанность домохозяевамъ имѣть дворниковъ, а кто не въ состояніи ихъ имѣть, держать дворныхъ собакъ. Мастаки жалѣлъ даже на содержаніе собаки и, такъ какъ онъ былъ уже въ отставкѣ, значить имѣлъ много свободного времени для отдыха въ теченіи дня, то ночью принималъ на себя роль собаки: онъ садился на лавочку за воротами и лялѣ. Все таки старость, при порядочной тучности, брала свое, и Мастаки частенько дремалъ. Но точный въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей, просыпаясь, онъ не забывалъ своей роли и каждый разъ пробужденіе свое знаменовалъ лаемъ. Однако съ просонья не всегда удачно выходило у него подражанье, что разъ заинтересовало проходившаго по этой улицѣ профессора Т. Онъ подошелъ къ дому Мастаки, луна освѣтила фигуру дремавшаго Грека.

Шаги Т. заставили его проснуться; но, вмѣсто привѣтствія, онъ встрѣтилъ Т. собачьимъ лаемъ.

Читалъ въ университетѣ до меня Латинскій языкъ Лукашевичъ. (При мнѣ онъ преподавалъ въ 1-й гимназiи). Студенты перевернули ему на каѳедрѣ кресло. Лукашевичъ, нисколько не смущаясь, сѣлъ на кресло спиною къ слушателямъ и сказалъ: «О-то, господа, мнѣ все равно читать что вамъ, что стѣнѣ».

Прежде обязанность инспектора студентовъ возлагалась на одного изъ профессоровъ; но попечитель Мусинъ-Пушкинъ измѣнилъ этотъ порядокъ, назначивъ инспекторомъ своего чиновника. Это очень возмутило профессоровъ, но сдѣлать противъ этого ничего нельзя было, потому что назначеніе инспектора вполне зависѣло отъ попечителя. Лукашевичъ выходитъ разъ съ профессорами на крыльцо, у крыльца стоитъ экипажъ Мусина-Пушкина. Онъ, какъ бы не зная кому принадлежитъ экипажъ, спрашиваетъ кучера: «чей это экипажъ?»—«Г-на попечителя». «А! О-то служи, братецъ, служи Михайлу Николаичу: онъ тебя инспекторомъ сдѣлаетъ; о-то профессоромъ не можешь».

Былъ у насъ профессоръ Камбекъ, добрый и незлобивый Нѣмецъ. Небольшая суетливая фигура, съ однимъ глазомъ, рѣдкими, всклокоченными, сѣдыми волосами, въ очкахъ, одно стекло которыхъ всегда на лбу. Онъ читалъ Римское Право. Прежде предметъ этотъ читался на Латинскомъ языкѣ, а при мнѣ уже на Русскомъ, и вотъ образчикъ его Русской рѣчи: «эти сомнительности нельзя впередъ углубокиваться настоящія средства». Онъ написалъ сочиненіе «Гражданское судопроизводство» и въ Москвѣ его напечаталъ. Возвратясь въ Казань, онъ принесъ эту книгу на первую же лекцію къ намъ въ аудиторію и объявилъ намъ, что онъ «еще сочинилъ книгу» и, не объясняя ея названія, прочиталъ: «печатать позволяется и пр.». Студенты на это ему отвѣчали, что «должно быть очень хорошо, а въ прочемъ и первое его сочиненіе «Исторія Римскаго Права» прекрасное».—«Да господа», отвѣчалъ Камбекъ, «могу сказать: пятьсотъ экземпляровъ было, ни одинъ не остался, всѣ сгорѣли». Передъ этимъ за годъ въ Казани былъ пожаръ. Камбекъ въ мое время, кажется, былъ единственный профессоръ, служившій предметомъ остротъ и насмѣшекъ студентовъ.

У Камбека было два предмета заботъ и попеченій, это—единственная семнадцатилѣтняя дочь и плющъ, покрывавшій чуть ли не половину стѣны его гостиной. Дѣвица была невѣстою профессора Т., когда преждевременная и неумолимая смерть похитила ее у несчастнаго старика. Братъ мой нѣсколько разъ приходилъ къ Камбеку за книгами, а потому получилъ приглашеніе на похороны. Онъ припелъ рано и засталъ такую сцену: плющъ былъ срѣзанъ по самый корень

и имъ обвить гробъ молодой дѣвушки; у изголовья этого зеленого гроба сидѣлъ старикъ Камбекъ и читалъ молитвы, а изъ единственного его глаза струилась слеза. Эта трогательная сцена такое произвела впечатлѣніе на моего брата, что онъ никогда съ тѣхъ поръ не могъ принимать участія въ шуткахъ надъ Камбекомъ.

Богословіе читалъ намъ знаменитый ученый, докторъ Богословія и философіи, архимандритъ Гавріиль. Правду сказать, онъ очень небрежно относился къ своимъ обязанностямъ. Шутникъ, острый и словоохотливый, онъ по большей части занималъ насъ шутками и разсказами. Пріѣзжалъ онъ зимою изъ Зилантьевского своего монастыря (верстахъ въ пяти отъ университета) въ простыхъ санкахъ, на одной лошаdkѣ съ боченкомъ въ ногахъ. Кучеръ довозилъ его до университета и ѣдетъ далѣе, 4 версты, въ рощу, называемую «Нѣмецкая Швейцарія», гдѣ былъ прекрасный ключъ. Тамъ наполнялъ онъ боченокъ водою и возвращался въ университетъ за архимандритомъ. «Съ чѣмъ это у васъ боченокъ, о. Гавріиль?» спрашиваетъ его кто-нибудь изъ студентовъ. «Съ водочкой, братецъ, съ водочкой. Что же? Надо какъ-нибудь монастырскую скуку разгонять». «А когда вы будете архіереемъ?» спрашивалъ кто-нибудь Гавріила. «А нескоро, мой другъ, нескоро: ноть, когда всѣ архіереи перемрутъ и половина архимандритовъ». Онъ впрочемъ говорилъ, что въ монахи пошелъ не по призванію, а по принужденію: уговорили, убѣдили, и онъ не могъ устоять. Болтастъ онъ съ нами во время лекціи; отворяется дверь, входитъ ректоръ или помощникъ попечителя; Гавріиль, какъ бы не прерывая, продолжаетъ читать лекцію. И какъ онъ ее читалъ! Толстый, рыжеватый, съ довольно краснымъ лицомъ, косой, немного косяязычный... Но все это забывалось. Оторваться не хотѣлось отъ его лекціи. Я покрайней мѣрѣ всегда радовался посѣщенію этихъ лицъ, потому что вмѣсто балагана я наслаждался тогда высокимъ краснорѣчіемъ Гавріила. Какъ часто ректоръ выходилъ изъ аудиторіи, по окончаніи его лекціи, съ глазами полными слезъ. Вотъ каковъ могъ быть Гавріиль! Прежде обыкновенно онъ самъ и экзаменовалъ насъ, и не успѣвъ иной прочесть вопросы на своемъ билетѣ, какъ Гавріиль беретъ билетъ и говоритъ: «да ну, будетъ, будетъ» и ставитъ 5. Наконецъ, архіепископъ Григорій, не влюбивъ Гавріила по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, рѣшился съ нимъ покончить. Въ Маѣ 1851 года, на экзаменъ къ намъ онъ пріѣхалъ самъ и привезъ шестерыхъ архимандритовъ: ректоровъ и инспекторовъ академіи и семинаріи и профессоровъ. Экзамены были строгіе, отвѣты слабые. Гавріиль видѣлъ свой конецъ, сидѣлъ сконфуженный. Когда вернулись мы съ каникулъ,

Гавріиль былъ замѣненъ уже молодымъ магистромъ и отправленъ въ какой-то монастырь Иркутской губерніи, гдѣ пробылъ, должно полагать, около десяти лѣтъ, такъ какъ архіепископъ Евсей, бывшій въ Иркутскѣ, кажется съ 1859 по 1861 годъ, оставилъ его тамъ *). Я слышалъ, что Гавріиль писалъ бывшему своему слушателю, служившему тогда за оберъ-прокурорскимъ столомъ, д. с. с. Овчинникову: «Зябну я. Помоги, чтобъ перевели меня куда-нибудь, гдѣ потеплѣе», что онъ и исполнилъ.

Я былъ свидѣтелемъ курьезнаго диспута въ нашемъ университетѣ. Былъ въ Казани нѣкто Солнцевъ, бывшій прокуроръ, учившійся мужъ. Онъ, окончивъ курсъ въ академіи со степенью доктора или магистра богословія, поступилъ въ университетъ и получилъ степень доктора правъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ обширныя познанія и по другимъ предметамъ, зналъ восточные языки. Онъ сильно пилъ, и эта слабость мѣшала его карьерѣ. Былъ онъ уже глубокимъ старикомъ, когда явился на диспутъ Наз., защищавшаго диссертацию на степень доктора восточныхъ языковъ. Солнцевъ, сдѣлавъ нѣсколько возражений диспутанту, просилъ его повторить цитату, приведенную изъ какого-то писателя, положимъ Ибнъ-Фоцлана. Когда Наз. повторилъ, Солнцевъ сказалъ ему: «если-бъ Ибнъ-Фоцланъ слышалъ, какъ его читаетъ докторъ восточныхъ языковъ, онъ взялъ бы палку, да палкой тебя съ кафедры!» Въ аудиторіи произошелъ шумъ, всѣ скорѣе спѣшили поздравить Наз., и трудно было разобрать съ чѣмъ: со степенью ли доктора или съ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ не случилось здѣсь Ибнъ-Фоцлана съ палкой.

Время моего студенчества было цвѣтущимъ для юридическаго факультета Казанскаго университета. Кромѣ такихъ солидныхъ профессоровъ, какъ Станиславскій, Осокинъ, у насъ былъ краса университета, Дмитрій Ивановичъ Мейеръ. Два года по семи часовъ въ недѣлю мы слушали у него гражданское право. Когда нѣкто Н. пріѣхалъ изъ Училища Правовѣденія со своимъ тощимъ «Кранихфельдомъ», чтобъ поступить на третій курсъ университета, насъ поразила сжатость, съ какою преподавались юридическія науки въ этомъ привилегированномъ специальномъ юридическомъ заведеніи. Н. не могъ выдержать экзамена и долженъ былъ остаться на годъ вольнымъ слушателемъ и

*) Замѣтка Павловскаго въ Русской Старинѣ 1879 г. (стр. 714), о Гавріилѣ, что онъ въ званіи миссіонера умеръ на пути къ Байкалу въ 1849 г. совершенно неѣрна. Быть можетъ, онъ принялъ другаго Гавріила; но преподаватель Казанскаго университета еще въ началѣ 1851 года читалъ намъ лекціи и никогда миссіонеромъ не былъ.

приготовляться. Но Мейеръ, кромѣ передачи намъ предмета необыкновенно разработаннымъ, приносилъ еще другую неоцѣненную услугу: онъ не упускалъ случая, чтобъ клеймить взяточничество, произволь, словомъ, зло во всѣхъ видахъ и подготовлялъ тѣмъ честныхъ дѣятелей для государственной службы.

Въ 1852 году я окончилъ курсъ въ университетѣ. Вскорѣ война, за нею новое царствованіе и миръ. Я помню, съ какимъ рвеніемъ бросалась молодежь, люди со средствами, хорошихъ фамилій, въ провинціи, занимали мѣста секретарей, столоначальниковъ, имѣя одну цѣль—изгнать зло и водворить правду. Золотая пора! Какъ умѣли ею воспользоваться, отвѣчать можетъ послѣдующее время.

И. Листовскій.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ ¹⁾.

Однимъ изъ явныхъ противниковъ Екатерины по отобранію монастырскихъ имѣній былъ Тобольскій митрополитъ Павелъ. Онъ тѣмъ опаснѣе казался Екатеринѣ, что при своемъ стойкомъ характерѣ пользовался большимъ уваженіемъ народа за святость жизни. Удаливъ его на покой въ Кіово-Печерскую Лавру, согласно его желанію, Императрица предполагала купить его покорность милостію, которую оказывала ему лично. Съ этою цѣлію она прислала ему 10 тысячъ рублей. Но святитель отказался отъ денегъ. «Но треба миѣ сіи гроши», сказалъ онъ, прося ихъ возвратить. Тогда намѣстникъ Лавры сталъ его просить отдать лучше деньги эти въ Лавру, радушно предложившую ему свой кровъ. Святитель охотно согласился.

На эти деньги позолотили червоннымъ золотомъ черезъ огонь главный куполъ храма Успенія, подъ сводами котораго нетлѣнно почіють и мощи святителя Павла въ томъ самомъ облаченіи, въ которомъ онъ былъ погребенъ ²⁾.

Дѣдъ мой четырнадцати лѣтъ былъ офицеромъ и адъютантомъ у П. С. Потемкина. Во время знаменитой его вылазки въ Казань и схватки съ Пугачевской шайкой на Арскомъ полѣ, дѣду было пятнадцать лѣтъ. Для такого юноши день этотъ оказался не по силамъ, и онъ, какъ только полчища Пугачева были разбиты, упалъ отъ изнеможенія тутъ же и заснулъ. Между тѣмъ Потемкинъ, не видя при себѣ адъютанта, выразилъ беспокойство. Кто-то изъ офицеровъ, увидѣвъ

¹⁾ См. Русскій Архивъ 1880—84 годовъ.

²⁾ Отъ намѣстника Лавры архимандрита Варлаама.

его невдалекѣ спящимъ, указалъ на него Потемкину. Потемкинъ посмотрѣлъ на спящаго сладкимъ сномъ юношу и сказалъ: «Не троньте его, пусть отдохнетъ». И дѣдъ, пока собирали раненныхъ и убитыхъ, спалъ безмятежно.

Императоръ Александръ Павловичъ въ Пермской губерніи осматривалъ не только казенныя, но и частныя заводы. Пойдя послѣдніе въ значительно лучшемъ состояніи въ сравненіи съ казенными, онъ спросилъ о причинѣ управляющаго одного изъ Домидовскихъ заводовъ. Тотъ ему объяснилъ, что онъ, не спрашивая разрѣшенія владѣльца, самъ производитъ ремонтъ и передѣлку, тогда какъ на всякій подобный расходъ въ казенномъ заводѣ испрашивается разрѣшеніе начальства. Нужна, напримѣръ, починка на 300 рублей; но пока идетъ переписка и наконецъ получится разрѣшеніе, глядишь, уже нужно 500 рублей затратить на этотъ самый предметъ. Не представлять же во второй разъ! Такъ управляющій и дѣлаетъ кос-какъ это исправленіе, чтобъ не выйти изъ смѣтнаго назначенія. Конечно, скоро это все пропадетъ. А если нужно на какое либо усовершенствованіе испросить допозъ, то и того труднѣе ихъ получить. «Правда», отозвался Государь, поблагодаривъ управляющаго за откровенный отвѣтъ ¹⁾.

Государь Александръ Павловичъ очень былъ расположенъ къ Англійскому послу. Разъ, говоря съ нимъ о Русской кухнѣ, онъ спросилъ, имѣетъ ли тотъ понятіе о ботвиньѣ, которую самъ Государь очень любилъ. Узнавъ, что посолъ никогда этого кушанья не пробовалъ, Государь обѣщавъ ему прислать. Посолъ жилъ на дворцовой набережной, недалеко отъ дворца. Государь, купая ботвинью, вспомнилъ о своемъ обѣщаніи, которое тутъ же и исполнилъ. Посланникъ принялъ это кушанье за супъ и велѣлъ его разогрѣть. При свиданіи Государь не забылъ спросить, какъ понравилась ботвинья. Дипломатъ нѣсколько замаялся и, наконецъ, объяснилъ, что конечно подогрѣтое кушанье уже не можетъ быть такъ хорошо какъ только что изготовленное ²⁾. А первый консулъ Бонапартъ, которому графъ Марковъ послалъ зернистой икры, получилъ ее изъ *своей* кухни свареную: до

¹⁾ Отъ г.-л. Листовскаго.

²⁾ Отъ А. М. Исленьева.

такой степени, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, Русскій столъ былъ мало извѣстенъ въ чужихъ краяхъ ³⁾).

Отецъ мой молодость свою провелъ въ Петербургѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ одного случая находчивости. Это было около 20-го года. Давали какую-то трагедію въ стихахъ, гдѣ противникъ одного актера долженъ былъ пасть отъ его кинжала. На бѣду, кинжала не оказалось. Актеръ, но смутившись, продекламировалъ:

Кинжала нѣтъ! Возмозноль это снести?

Но если смерть нужна, припъ отъ пальца мести!

Онъ ткнулъ пальцемъ противника, который палъ мертвымъ. Такимъ образомъ трагедія кончилась комедіей, къ немалой забавѣ публики.

Въ Бугульминскомъ острогѣ, около сороковаго года, содержался лишенный сана священникъ. Его звали Константиномъ Павловичемъ. На бѣду онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ покойнымъ Великимъ Княземъ. По крайней мѣрѣ сторожъ, отставной солдатъ, выдавшій когда-то Великаго Князя, узнавъ имя священника, пришелъ къ заключенію, что это цесаревичъ, кончину котораго облакалъ народъ какою-то таинственностію и сомнѣніемъ.—«Натюпка!», почтительно спрашиваетъ сторожъ, «неужто вы Константинъ Павловичъ?» — «Да, мой другъ, это я.» — «Какъ это вы здѣсь?» — «Чтожъ, мой другъ, такъ видно Богу угодно!» Такой разговоръ еще болѣе убѣдилъ стараго солдата, что передъ нимъ дѣйствительно находится цесаревичъ. И вотъ старый служака, урѣзывая свои расходы, носить что только можетъ, чтобъ улучшить довольствіе знаменитаго узника. Узнають подъ рукой и другіе, и черезъ сердобольнаго старика усердствуютъ узнику своими приношеніями. Узникъ вздыхаетъ, обѣщаетъ добродетелямъ милость Божью, а самъ кушаетъ предлагаемая яства.

Узнаетъ объ этомъ городничій, и въ Уѣу летитъ эстафета къ губернатору съ донесеніемъ, что въ острогѣ одинъ разстрига-священникъ выдаетъ себя за Великаго Князя. Губернаторъ Талызинъ, въ ту же ночь какъ получилъ эстафету, поскакалъ въ Бугульму. Пріѣзжаетъ прямо въ острогъ. «Какъ ты смѣлъ выдавать себя за Великаго Князя!»

³⁾ Отъ Н. А. Дивова. П. Б.

«Никогда, ваше п—во», отвѣчаетъ спокойно Константинъ Павловичъ. «Да вѣдь ты себя выдаешь за Константина Павловича?» — «Я и есмь Константинъ Павловичъ, но не Великій Князь.» — «Да вѣдь ты солдату объяснилъ, что ты Великій Князь?» — «Никогда объ этомъ и рѣчи не было. Я полагалъ, что онъ меня знаетъ прежде, когда я священствовалъ».

Разсказывали, будто Назимовъ, присутствуя на экзаменѣ студентовъ изъ зоологіи, высказалъ недовѣріе, когда студентъ сказалъ: «а бегемотъ съѣдаетъ цѣлые стога сѣна.» Профессоръ ему объяснилъ: «ваше п—во, это гипербола.» — «Гипербола, я не спорю», сказалъ Назимовъ, «можетъ быть и съѣсть, но бегемотъ не можетъ.»

Не выдаю это за истину; быть можетъ, это одна изъ многихъ студенческихъ остротъ про Назимова; но хочу сказать объ одной коровѣ, которая въ недавно прошедшемъ времени поѣдала сѣна больше Назимовской гиперболы. Въ отчетахъ опекуна надъ имѣніемъ графа А. П. З. по С—му уѣзду значилось, въ статьѣ наличности, въ графѣ скотъ: «бурая корова одна»; въ статьѣ прихода продуктовъ: «сѣна поступило 12,000 пудовъ;» въ статьѣ расхода продуктовъ: «сѣна израсходовано на кормъ рогатому скоту 12,000 пудовъ.» Вотъ такъ корова! Но, принимая во вниманію, что отчетъ опекуна утвержденъ былъ опекою, нельзя не заподозрить корову, что она дѣлилась съ ней своимъ кормомъ.

Въ Варшавѣ былъ знаменитый комикъ Жолковскій (сынъ его, кажется, и теперь еще на сценѣ). Онъ, кромѣ высокой игры, отличался остроуміемъ и находчивостію. Въ піесахъ онъ зачастую дѣлалъ собственные вставки. Остроты его всего болѣе задѣвали полицію, которая, съ соизволенія Великаго Князя Константина Павловича, обязала его подпискою не дѣлать добавленій и играть *bez dodatków*. Жолковскій изрядно пѣлъ и участвовалъ въ операхъ. Въ «Бронзовомъ Конѣ» онъ явился на сцену на лошади верхомъ. Лошадь на сценѣ совершила нѣкоторое неприличіе. Жолковскій, быстро соскочивъ съ лошади, пригрозилъ ей: «Господинъ конь! Прошу безъ добавковъ! (причемъ показалъ на ея добавленіе). Полиція за добавки хватается зубами». За эту остроту онъ просидѣлъ на гауптвахтѣ.

Когда затѣмъ Великій Князь встрѣтилъ его и спросилъ: «а что Жолковскій, сидѣлъ на гауптвахтѣ?» Жолковскій отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ, Ваше Высочество.» — «Какъ?» спросилъ удивленный Великій

Князь. «Долженъ былъ стоять», добродушно отвѣчалъ Жолковскій, «потому что не было мѣста гдѣ сѣсть», напокая тѣмъ на строгость Великаго Князя.

Императоръ Николай Павловичъ, вступивъ на престолъ, нашелъ морской кадетскій корпусъ въ такомъ ужасномъ положеніи, которое трудно собѣ представить. Онъ немедленно обратилъ на него свое вниманіе и ежедневно два-три раза навѣщалъ корпусъ, пока не установилъ въ немъ надлежащій порядокъ. Часто потомъ онъ заставлялъ кого-нибудь изъ кадетовъ раздѣваться, и бѣда корпусному начальству, если находилъ онъ дурное или неопрятное бѣлье.

Говорили, что Николай Павловичъ любилъ строить крѣпости. Конечно здѣсь главную роль играли политическія соображенія. Разъ въ Новогеоргіевской крѣпости онъ ходилъ по валу въ сопровожденіи какого-то принца. На вопросъ послѣдняго: «во сколько обошлось сооруженіе этой крѣпости?» Государь отвѣчалъ: «Это знаетъ Богъ и Иванъ Ивановичъ Деппъ» (начальникъ инженеровъ Варшавскаго округа).

Къ Деппу государь Николай Павловичъ очоно благоволилъ за его честность и исполнительность. Разъ, прѣбывъ въ Варшаву и не видѣвъ при встрѣчѣ Деппа, Государь освѣдомился о немъ и, узнавъ, что онъ болѣнъ, поѣхалъ въ цитадель прямо къ квартирѣ Деппа. Ему доложили, что Деппъ въ постелѣ. Государь пошелъ къ нему и, подходя къ двери, сказалъ: «не смѣй вставать». Затѣмъ онъ присѣлъ къ нему на постель и полчаса съ нимъ бесѣдовалъ.

Въ Новогеоргіевской крѣпости казармы тянутся на версту. Въ одномъ ихъ концѣ были царскіе покои, гдѣ Николай Павловичъ въ каждое посѣщеніе имѣлъ ночлегъ. Выражалъ ли онъ тѣмъ свое расположеніе къ этой крѣпости, какъ своему созданію, или ему доставляло удовольствіе провести день въ полной военной обстановкѣ? Вѣрнѣе и то и другое.

Государь имѣлъ взглядъ быстрый и впечатлительный. Разъ въ той же крѣпости онъ приказалъ вызвать сапоровъ безъ ружей. Они выстроились въ три шеренги, офицеры впереди. Государь прошелъ мимо ихъ. Всѣ весело смотрѣли ему въ глаза, что онъ очень любилъ. Вдругъ онъ обратился къ одному изъ солдатъ второй шеренги: «Ты былъ въ бунтовщикахъ?» — «Такъ точно, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ солдатъ.

Въ другой разъ, замѣтивъ въ числѣ офицеровъ молодаго прапорщика Хмѣльницкаго, Государь поровнялся съ нимъ и сказалъ: «Ты какъ сюда попалъ? Шагъ впередъ!» Хмѣльницкій сдѣлалъ шагъ впередъ. Государь взялъ его за голову и поцаловалъ въ лобъ. Хмѣльницкій воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и бывалъ на ординарахъ во дворцѣ. Государь его узналъ.

Въ той же крѣпости комендантомъ былъ артилерійскій генералъ Ѳедоренко, тотъ Ѳедоренко, который однажды на маневрахъ передъ разгнѣваннымъ на его батарею Императоромъ смѣло защищалъ ее, а Государь, протянувъ ему руку, сказалъ: «ну, полно, помиримся!» Ѳедоренко былъ уже очень старъ, и Государю доложили, что пора его уволить по старости. «Ѳедоренко умереть у меня на пушкѣ!» отвѣчалъ Государь.

Однажды назначены были къ Государю ординарцами отъ перваго резервнаго сапернаго батальона офицеръ Листовскій (нынѣ ген.-лейтенантъ), немого картавившій, унтеръ-офицеръ тожо, а рядовой еще болѣе. Когда они отпраповали, Государь засмѣялся, а потомъ спросилъ Листовскаго, гдѣ онъ воспитывался? «Въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ Листовскій. «Спасибо, товарищъ», сказалъ Государь. Государь, какъ извѣстно, былъ шефомъ перваго кадетскаго корпуса *).

Государь такъ любилъ этотъ корпусъ, что Александръ Николаевичъ, будучи ребенкомъ, съ кадетами этого корпуса исполнялъ ученье, маневры и въ походахъ вмѣстѣ съ ними спалъ въ палаткахъ на соломѣ. И Листовскому доводилось спать на соломѣ головами вмѣстѣ съ будущимъ Императоромъ, который однако не позволялъ кадетамъ именовать его Вашимъ Высочествомъ, не отвѣчая въ такомъ случаѣ на вопросъ. Когда же его, напримѣръ, спрашивалъ кадетъ «Александръ Николаевичъ, который часъ?» онъ проворно вынималъ маленькіе часы и охотно отвѣчалъ.

Кому неизвѣстно, какъ дисциплинованы были войска при государѣ Николаѣ Павловичѣ. Строгая дисциплина была и въ кадетскихъ корпусахъ. Генералъ Пощейко, будучи молодымъ прапорщикомъ, шелъ въ Петербургъ по улицѣ. Встрѣтивъ родственника-кадета и разговаривая съ нимъ, онъ сказалъ ему: «накройтесь». Кадеты тогда передъ

*) Отъ А. В. Листовскаго.

офицерами снимали шапки и становились во фронтъ. «Какъ, накрой-тесь!» раздался за ними голосъ Великаго Князя Михаила Павловича. «Развѣ онъ тебѣ отдастъ честь?» гнѣвно сказалъ Великій Князь. «Вотъ передъ чѣмъ онъ отдаетъ честь», и указалъ на эполеты прапорщика. «На гауптвахту!» И снисходительный офицеръ просидѣлъ сутки на гауптвахтѣ. Не то мы видимъ теперь ¹⁾.

Генералъ Гермесъ помѣстилъ своего сына въ кадетскій корпусъ и пріѣхалъ черезъ годъ его навѣстить. Сынъ, увидѣвъ его, бросился къ нему на шею, но генеральскія эполеты не были забыты и въ минуту свиданія. «Ахъ ваше превосходительство!» воскликнулъ обрадованный сынъ. Вотъ какъ скоро въ прежнихъ корпусахъ осваивались кадеты съ дисциплиною ²⁾.

Въ 1831 году, по усмиреніи Польскаго мятежа, Калишскій кадетскій корпусъ былъ закрытъ, и его воспитанники размѣщены по другимъ корпусамъ Имперіи. Нѣсколько чловѣкъ изъ нихъ были назначены въ первый кадетскій корпусъ. Передъ ихъ прибытіемъ Николай Павловичъ пріѣхалъ въ корпусъ, созвалъ кадетовъ и сказалъ имъ: «Къ вамъ въ товарищи придутъ кадеты бывшаго Калишскаго корпуса. Боже васъ сохрани», продолжалъ онъ, пригрозивъ имъ пальцемъ, «если кто-нибудь изъ васъ позволитъ себѣ назвать ихъ бунтовщиками! Боже васъ сохрани!» Черезъ нѣкоторое время по прибытіи Калишцевъ, Государь опять посѣтилъ корпусъ и собралъ снова кадетовъ. «Калишцы, выходи!» сказалъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ. Тѣ вышли и выстроились передъ нимъ. «Довольны ли вы?»—«Точно такъ, Ваше Императорское Величество».—«Но обижаютъ ли васъ кто? Говори!»—«Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество».—«Спасибо», сказалъ Государь, обратясь къ кадетамъ ³⁾.

Вотъ интересный миссіонерскій подвигъ государя Николая Павловича. Недавно въ Клинцахъ мѣстному мировому судѣ сдѣлалъ визитъ капитанъ Л., весь увѣшанный орденами и служащій на Кавказѣ. Капитанъ объяснилъ, что пріѣхалъ повидаться съ своими родными: отцомъ и братьями. Судья выразилъ удивленіе, что ихъ не знаетъ. «Нѣтъ, вы ихъ знаете», объяснялъ гость. «Я знаю Л—хъ Евровъ».... «Да, это и есть мой отецъ», перебилъ капитанъ. «Да какъ же такъ

¹⁾ Отъ ген.-маіора Поцейко.

²⁾ Отъ ген.-лейт. Гермеса.

³⁾ Отъ ген.-лейтен. Листовскаго.

вы?».... съ недоумѣніемъ спрашивалъ судья. «Очень просто», отвѣчалъ гость. «Насъ пригнали нѣсколько сотъ Евровъ-кантонистовъ,—при Николаѣ Павловичѣ это было,—въ Саратовъ и прямо въ соборъ. Тамъ всѣхъ окрестили: сто Николаевъ, сто Владимировъ, сто Александровъ, и разослали въ кантонистскія школы. Меня въ числѣ слабыхъ оставили, помѣстили въ училище, обратили вниманіе на способности мои. Потомъ меня назначили на Кавказъ, гдѣ я и до сего времени служу, какъ и вы можете видѣть, хорошо». Поучительно!

При всей стойкости характера императора Николая Павловича, и онъ поддавался иногда вліянію придворной каверзы. Вотъ какой разсказывали мнѣ случай. Правда, онъ не столько можетъ служить для характеристики Государя, сколько знакомить съ дворомъ, его правилами и дасть понятіе, насколько далеки выгоды государственныя отъ лицъ, пользующихся довѣріемъ Государя и какую силу имѣла даже при Николаѣ Павловичѣ Польская интрига. Былъ въ Западной Сибири генералъ-губернаторомъ Вельяминовъ, старикъ умный и высокой честности. (1) немъ говорили, напримѣръ, что онъ, всегда будучи того убѣжденія, что мужчина, требуя нравственной чистоты отъ женщины, не имѣетъ права злоупотреблять и самъ, доказалъ, что такой взглядъ его на нравственность составлялъ для него правило, которое не нарушилъ онъ во всю жизнь. Въ Томскѣ былъ сосланъ подъ надзоръ полиціи какой-то Полякъ. Черезъ годъ или два Вельяминовъ получилъ запросъ отъ одного самаго близкаго къ Государю сановника, можетъ ли онъ (сосланный) поступить на службу въ его канцелярію, что было бы желательно. Вельяминовъ исполнилъ желаніе сановника. Черезъ нѣкоторое время онъ опять получаетъ запросъ, нельзя ли такого-то (т. е. того же самаго Поляка) назначить въ Томскѣ полиціи-мейстеромъ? Вельяминовъ отвѣчалъ, что по способностямъ своимъ онъ могъ бы занять это мѣсто, но онъ находитъ неудобнымъ быть ему полиціи-мейстеромъ въ томъ городѣ, гдѣ онъ самъ былъ подъ надзоромъ полиціи и гдѣ много сосланныхъ его соотечественниковъ находится въ такомъ же положеніи. Сановникъ замолчалъ, но не простилъ этого Русскому человѣку.

Отправился Вельяминовъ въ Петербургъ. Прибывъ въ Москву, онъ засталъ тамъ Государя. Но, къ удивленію его, онъ прожилъ 3—4 дня и не получилъ аудіенціи. Адъютантъ Вельяминова встрѣчается въ одномъ изъ трактировъ съ знакомымъ ему флигель-адъютантомъ и высказываетъ послѣднему свое удивленіе о неназначеніи аудіенціи его начальнику. Флигель-адъютантъ объяснилъ это весьма просто: о при-

ѣздѣ Вельяминова Государю не докладывали. «А потѣ я завтра буду дежурнымъ и впишу его въ списокъ прибывшихъ», сказалъ онъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Государь немедленно назначилъ Вельяминову аудіенцію. Онъ принялъ его въ кабинетѣ, расцаловалъ, посадилъ въ кресло, благодарилъ за службу и высказалъ сожалѣніе, что, выѣзжая въ тотъ же день въ Варшаву, не имѣетъ времени «поговорить съ нимъ хорошенько о нуждахъ крля». При этомъ однако присовокупилъ, что чѣрезъ двѣ недѣли онъ будетъ въ Петербургѣ и поговорить съ нимъ обстоятельно. Вельяминовъ, тронутый милостивымъ вниманіемъ Государя, возвратился въ гостиницу счастливымъ и веселымъ.

Пріѣзжаетъ Государь въ Петербургъ, и снова имѣетъ аудіенцію Вельяминову. Снова, при встрѣчѣ съ знакомымъ флигель-адъютантомъ, адъютантъ Вельяминова высказываетъ удивленіе по этому поводу. «Дарзвъ вы не знаете», отвѣчаетъ ему флигель-адъютантъ, «что вашъ начальникъ уволенъ отъ должности?» — «Когда?» — «Приказомъ еще въ Варшавѣ»¹⁾.

Говорятъ, когда Николай Павловичъ учредилъ Третье Отдѣленіе Собственной канцеляріи, Бенкендорфъ, назначенный главноуправляющимъ этимъ отдѣленіемъ, спросилъ Государя: «какая ему дана будетъ инструкція?» Государь вынулъ изъ кармана носовой платокъ и, показавъ его Бенкендорфу, сказалъ: «Вотъ тебѣ инструкція: чтобъ ни одинъ платокъ въ Россіи не былъ омоченъ слезами». Главная цѣль, съ которою было учреждено это гибельное въ послѣдствіи вѣдомство, состояла въ томъ, чтобы слѣдить за злоупотребленіями чиновниковъ и доносить о нихъ Государю.

Если это такъ, то Третье Отдѣленіе далеко и очень далеко ушло въ своей дѣятельности отъ видовъ и намѣреній Монарха. Такъ извѣстенъ мнѣ случай и вѣроятно не единичный: А. М. Исленьевъ былъ сосланъ въ Холмогоры, гдѣ его продержали полтора года. Онъ прожилъ послѣ того полвѣка, а причина ссылки осталась для него все-таки неизвѣстною.

Кому но памятна или неизвѣстна острота на счетъ цензуры при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, какъ усердный цензоръ требовалъ отъ Авдѣевой (написавшей кухонную книгу), чтобъ она исключила изъ своего творенія фразу «вольный духъ», хотя этотъ «вольный духъ» даль-

¹⁾ Отъ д. ст. сов. Маслова.

не печи не шелъ. Въ то время разсказывали не менѣ курьезный случай о цензорѣ Казанскаго университета, ректорѣ С. Одинъ изъ профессоровъ восточнаго факультета перевелъ какого-то Арабскаго автора, который, говоря о Магометѣ, называетъ его великимъ пророкомъ. С. подчеркнулъ это слово и не рѣшился пропустить сочиненіе. Переводчикъ, разумѣется, поинтересовался узнать причину. «Помилуйте», говоритъ С., «вы Магомета называете великимъ пророкомъ!»—«Да вѣдь я перевожу слова Магометанина».—«Все равно; напишите лже-пророкъ,—я пропущу», убѣждалъ цензоръ.—«Какъ я это могу сдѣлать?» отвѣчалъ переводчикъ. «Влагая въ уста Магометанина хулу на его пророка, я, кромѣ того что погрѣшу противъ подлинника, допущу безсмыслицу.»—«Ну, какъ хотите, а я не могу пропустить».

И такъ въ Казанскомъ царствѣ Магомету въ XIX вѣкѣ не повезло. Переводъ послали въ Петербургъ, гдѣ ему оказано было болѣе снисхожденія и любезности.

—

Разъ Государю Николаю Павловичу представлена была смѣта на сооруженіе по дворцовому вѣдомству, составленная генераломъ Лихардовымъ. Государь, разсмотрѣвъ смѣту, написалъ: «Жидовскій счетъ»¹⁾.

—

Во время Севастопольской войны Николай Павловичъ, пріѣхавъ въ Севеборгъ, увидѣлъ двоихъ кадетовъ втораго кадетскаго корпуса. Подойдя къ нимъ, онъ сказалъ: «если пхъ» (онъ указалъ на артиллерійскихъ офицеровъ) всѣхъ перебьютъ, я поѣду на васъ и самъ буду сражатіся». Убѣжая и надѣвая шинель, онъ не могъ поправить воротника. Артиллерійскій офицеръ поспѣшилъ помочь. Государю. «Остави!» сказалъ Государь, ударивъ его по ругѣ и самъ поправилъ шинель. Потомъ, сойдя съ крыльца, онъ сдѣлалъ ему подъ козырекъ и сказалъ: «Благодарю»²⁾.

И Государь Александръ Павловичъ не любилъ принимать подобныя услуги отъ офицеровъ и, какъ извѣстно, удивлялся Наполеону, позволявшему своимъ адъютантамъ подсаживать его въ карету.

—

Севастопольская война дорого стоила государю Николаю Павловичу. Неудачи наши разрушительно на него дѣйствовали. Въ то

¹⁾ Отъ Н. Г. Корневскаго, служившаго въ контролѣ Двора.

²⁾ Отъ ген.-маіора В. Ч. Колкунова.

время телеграфнаго сообщенія, въ томъ видѣ какъ существуетъ теперь, не было, и неизвѣстность была томительна для Государя. Когда онъ получилъ донесеніе отъ князя Меншикова, что «все готово для приѣма гостей», Государь перекрестился и замѣтно успокоился. Но время шло, и извѣстій не было. Государь былъ крайне озабоченъ. Прискакавшій съ донесеніемъ отъ Меншикова имѣлъ неосторожности доложить о нашемъ пораженіи въ очень неловкой формѣ: «Войска Вашего Величества бѣгутъ». — «Дуракъ!» сказалъ разгнѣванный Императоръ. Государь ходилъ мрачный, разстроенный. Разъ онъ спросилъ окружающихъ: «а что ихъ пушки? (Амстронговы пушки, которыми были сдѣланы испытанія и которыя Англичане намѣревались отправить къ Севастополю). «Да, говорятъ, ихъ разорветъ», сказалъ одинъ изъ присутствующихъ. «Разорветъ, разорветъ!» говорилъ, ходя въ сильномъ волненіи, Государь, — «а насъ бьютъ!» Можно представить, каково было государю Николаю Павловичу произнести эту фразу! ¹⁾

Нейманъ, увидѣвъ на ординарцахъ у Великаго Князя Михаила Павловича маленькаго кадета, спросилъ его фамилію. «Листовскій.» — «Кѣмъ былъ вашъ отецъ?» — «Командиромъ полка.» — «Въ Москвѣ?» — «Да». Нейманъ обнялъ мальчика и поцѣловалъ. «Я зналъ вашего отца». Но и мальчикъ зналъ Неймана со словъ матери по слѣдующему случаю. Отецъ Листовскаго умеръ на службѣ. Нужно сдавать его полкъ, а это обходилось въ старые годы очень дорого. Нейманъ, бывши начальникомъ штаба, пріѣхалъ ко вдовѣ Листовской и сказалъ ей: «не беспокойтесь, я самъ сдамъ полкъ вашего мужа». Такъ и сдѣлалъ этотъ добрый человекъ. Сдача обоилась Листовской всего 300 полуимперіаловъ, пожалованныхъ Государемъ ей мужу для поѣздки за границу для лѣченія, чѣмъ онъ не успѣлъ воспользоваться ²⁾.

Великій Князь Михаилъ Павловичъ не менѣе Государя любилъ кадетовъ. Ординарцы-кадеты всегда приглашались къ чайному столу. Великая Княгиня Елена Павловна наливала чай и сама передавала чашки счастливымъ кадетамъ. По-русски, покрайней мѣрѣ въ ту пору, она, должно быть, затруднялась говорить, такъ какъ вопросы ея и отвѣты кадетовъ переводилъ Нейманъ ³⁾.

¹⁾ Отъ д. ст. соф. А. В. Тимофѣева.

²⁾ Отъ г.-лейт. А. В. Листовскаго.

³⁾ Отъ него же.

Недавно былъ возмутительный случай нетерпимости католическаго епископа Козловскаго. Это случай не первый и конечно не послѣдній. Не менѣе возмутительный случай передавалъ мнѣ покойный митрополитъ Арсеній. Въ бытность его архіепископомъ Варшавскимъ освящался въ Варшавѣ соборный храмъ при архіерейскомъ домѣ. Приглашенъ былъ католическій епископъ съ почетнымъ духовенствомъ. Епископъ не пріѣхалъ, хотя для него въ алтарѣ приготовлено было сидѣнье, отвѣчающее его сану. Прибыли прелаты и канонникъ. По окончаніи служенія, выйдя на крыльцо и не стѣсняясь публикой, которой половина конечно понимала Польскій языкъ, прелатъ обратился къ своему собрату, и сказалъ по-польски: «осквернили мы души и тѣла наши».

Слѣдующій случай можетъ дать понятіе о дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ бытность его генералъ-губернаторомъ Сѣверо-западнаго края. Въ часъ ночи рядовой артиллеристъ принесъ своему капитану найденный имъ на улицѣ ящикъ, какъ оказалось, со взрывчатыми снарядами. Командиръ батареи, взявъ его съ собою, отправился къ Муравьеву. Его сейчасъ же впустили въ кабинетъ, гдѣ у письменнаго стола при лампѣ съ зеленымъ абажуромъ сидѣлъ за бумагами Муравьевъ. Командиръ доложилъ о дѣлѣ и представилъ ящикъ. Муравьевъ пожалъ пружинку у стола, и черезъ минуту передъ нимъ предсталъ дежурный чиновникъ, которому онъ далъ распоряженіе за кѣмъ-то послать, а командиру передалъ полуимперіаль, взятый изъ холстиннаго мѣшка, возлѣ него стоявшаго, и поручилъ передать рядовому ¹⁾.

Покойный митрополитъ Московскій Филаретъ отличался несокрушимою логикой, и, какъ извѣстно, былъ очень находчивъ. Вотъ одинъ характерный случай, слышанный мною отъ одной духовной особы. А. Θ. Львовъ, ратуя о единообразіи церковнаго пѣнѣва и получивъ одобреніе Государя, составилъ пѣніе для литургіи. Какъ къ первенствующему и вліятельному духовному лицу, онъ привезъ четверыхъ пѣвчихъ придворной капеллы къ Филарету и заставилъ ихъ пропѣть литургію при немъ. Митрополитъ прослушалъ, подумалъ и сказалъ: «Прекрасно. Теперь прикажите пропѣть одному». — «Какъ?» сказалъ озадаченный Львовъ. «Одному нельзя». — «А какъ же вы хотите», спокойно

¹⁾ Отъ ген.-лейт. Е. И. Радина.

отвѣчалъ Филаретъ, «чтобъ въ нашихъ сельскихъ церквахъ пѣли вашу литургію, гдѣ по большей части одинъ дьячекъ, да и тотъ ноть не знаетъ». Вразумительно!

Преосвященный архіепископъ Могилевскій Евсей, извѣстный проповѣдникъ и духовный писатель, отличался практическимъ умомъ. Вотъ его мнѣніе по вопросу о предоставленіи архіерейской каѳедры бѣлому духовенству. «Гдѣ нужна строгость, тамъ, глядишь, архіерейшу разжалобятъ, а она архіерея, и сдѣлаетъ онъ послабленіе въ ущербъ дѣлу и правдѣ. Мы видимъ, напримѣръ, губернатора. Говорятъ честный, ничего не беретъ; а глядишь, съ другаго крыльца губернаторша принимаетъ, и губернаторъ по ея дудкѣ пляшетъ. Ну какъ архіерейши-то станутъ принимать съ другаго крыльца, да заберутъ архіереевъ въ руки: выиграетъ ли отъ такого порядка церковь?»

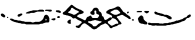
Когда графъ В. А. Перовскій, по назначеніи его Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, прибылъ въ Оренбургъ, ему, разумѣется, по заведенному порядку, представлялись всѣ чиновники, въ томъ числѣ правитель канцеляріи его предмѣстника, военнаго губернатора Обручева, имѣвшій обыкновеніе бриться два раза въ недѣлю, по Воскресеньямъ и Четвергамъ. Онъ былъ человекъ немолодой, имѣлъ черные волосы, а потому можно понять, какимъ представлялся его подбородокъ наканунѣ урочнаго дня. На бѣду пріемъ у Перовскаго случился въ Среду. Не измѣняя своей привычки, М. явился къ генераль-губернатору не выбрившись. Подойдя къ нему, Перовскій обычнымъ своимъ серьезнымъ тономъ спросилъ: «Вы по какимъ днямъ брѣтаетесь?» — «По Воскресеньямъ и Четвергамъ», съ низкимъ поклономъ отвѣчалъ М. — «Въ эти дни ко мнѣ обѣдать!»

Бывшій Оренбургскій генераль-губернаторъ Катенинъ былъ человекъ добрый и довѣрчивый. Онъ получилъ много доносовъ о злоупотребленіяхъ одного инженера путей сообщенія. Правитель канцеляріи посовѣтовалъ ему вызвать его для объясненій. Такъ Катенинъ и поступилъ. Когда инженеръ вышелъ изъ кабинета, Катенинъ добродушно сказалъ вошедшему къ нему правителю канцеляріи: «Знаете что, онъ такъ клялся, что все это на него выдуманно, просилъ позволенія снять со стѣны икону»... — «Ваше превосходительство не допустили?» — «Разумѣется» — «И хорошо сдѣлали», замѣтилъ менѣе довѣрчивый правитель канцеляріи: «икона вѣдь въ серебряномъ окладѣ».

Генераль-губернаторъ одной изъ отдаленныхъ областей Россіи, съ цѣлію слиянія сословій, вознамѣрился открыть у себя рауты. Надо было послать приглашенія, а для того нужно было знать имена и отчества приглашаемыхъ. Съ этою цѣлію правитель канцеляріи отнесся официально къ начальникамъ отдѣльныхъ частей и вѣдомствъ, въ томъ числѣ и къ городскому головѣ. Городской голова созвалъ Думу и прочиталъ отношеніе канцеляріи генераль-губернатора, коимъ требовались свѣдѣнія объ имени и отчествѣ гражданъ и ихъ супруговъ. Это произвело всеобщій переполохъ. Граждане долго совѣщались между собою, не зная, какъ имъ поступить. Наконецъ подошли къ головѣ и заявили ему:—«Ты, Н. А—чѣ, насъ пиши, а жонѣ нашихъ пускай онѣ не замазаетъ».

Графъ В. А. Перовскій имѣлъ особенную страсть къ карманнымъ часамъ. Двое-трое часовъ онъ всегда имѣлъ при себѣ и, путешествуя за границей, не пропускалъ ни одного порядочнаго часового магазина, чтобъ не зайти и не купить, если попадались часы особенно хорошей конструкціи. И былъ онъ большимъ знатокомъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ онъ подарилъ своему духовнику небольшіе золотые часы, повидимому ничего особеннаго не представляющіе,—и вотъ почти 30 лѣтъ они въ постоянномъ употребленіи и до сего времени отличаются отменно-точнымъ ходомъ.

Однажды Перовскій въ одномъ изъ городовъ Германіи подѣхалъ къ гостинницѣ; вещи понесли въ номеръ, а онъ, замѣтивъ напротивъ часовой магазинъ, отправился прежде всего туда. Тамъ пересматриваетъ онъ часы и для сравненія показываетъ, вынимая изъ кармановъ, то одни свои часы, то другіе, то третьи. Передъ этимъ былъ, кажется, въ Гамбургѣ пожаръ, во время котораго изъ магазиновъ, въ числѣ другихъ предметовъ, похищено множество часовъ. Часовой мастеръ пришелъ къ предположенію, что это одинъ изъ числа шайки, поживившейся во время пожара и далъ знать полиціи. И только благодаря вмѣшательству консула, графъ Василій Алексѣвичъ довольно скоро избѣгъ непріятностей, которыя подняли для него цѣну его часовъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ, въ молодости своей, при Павлѣ, служившій въ гвардіи, со вѣзмъ своимъ полкомъ сосланный въ Сибирь и съ дороги туда возвращенный, рассказывалъ, что на каждомъ высочайшемъ смотру находилось тогда по нѣскольку троекъ съ жандармами. Малѣйшая оплошность вызывала гнѣвъ Императора. Онъ указывалъ пальцемъ на несчастнаго и произносилъ ужасныя слова: «въ Сибирь!» Злополучнаго путешественника сажали въ кибитку и мчали. Всякій офицеръ, отправляясь на смотръ, бралъ съ собою слугу своего, а кто не имѣлъ слуги, то деньщика съ чемоданчикомъ, въ которомъ были припасены деньги, бѣлье и все нужное для дороги. Слуга бросалъ этотъ чемоданчикъ въ кибитку и тѣмъ спасалъ несчастнаго отъ затрудненій въ бѣлѣ и прочемъ. Имѣть же деньги при себѣ не представлялось возможности при существовавшей тогда формѣ: форма одежды столь была стѣснительна, что упавшій не могъ самъ подняться безъ сторонней помощи.

Въѣзжавшаго въ столицу поражала огромнаго размѣра таблица, исписанная разными правилами, которыя обязательно нужно было прочесть для руководства. Тутъ объяснено было, какъ отдавать честь Императору и членамъ Императорской фамиліи и между прочимъ были курьезные два пункта: 1) не произносить слова «курносый», 2) не называть кошки и козы «Машкой».

Вспыльчивость Павла приближенные лица умѣли обходить. Такъ Бухаринъ слышалъ о слѣдующемъ случаѣ. Однажды осенью Павелъ ѣхалъ по улицѣ, а какой-то господинъ въ гороховой шинели шелъ по тротуару. Зивидѣвъ ѣдущаго ему на встрѣчу Государя и не желая пачкать новую шинель, которую требовалось сбрасывать для отданія чести Государю, онъ завернулъ въ переулокъ, гдѣ и скрылся въ

воротахъ дома. Между тѣмъ Императоръ его замѣтилъ и велѣлъ кучеру поворотить въ переулокъ, но гороховой шинели не оказалось. Разгнѣванный вернулся онъ во дворецъ и приказалъ графу Палену непременно отыскать гороховую шинель, убѣжавшую отъ него. Какъ ее было найти, когда гороховыя шинели были въ модѣ? Но ловкій Паленъ нашелся. Онъ прямо отправился въ Англійскій клубъ, преимущественно въ ту пору посѣщаемый иностранцами, вызвалъ владѣльца первой попавшейся гороховой шинели и повезъ его во дворецъ. «Куда вы меня везете?» спрашивалъ озадаченный Англичанинъ. «Не беспокойтесь, отвѣчалъ Паленъ, «черезъ четверть часа вы будете на своемъ мѣстѣ». «Нашелъ?» спросилъ его нетерпѣливый Императоръ. — «Привѣль, ваше императорское величество». — «Кто такой??» — «Англичанинъ». — «Отпусти, отпусти его!»

Императоръ Павелъ, благородный и великодушный, не выносилъ безчестныхъ поступковъ и каралъ ихъ жестоко. Такъ мнѣ памятенъ разсказъ объ одной его резолюціи. Два брата находились на войнѣ. Одинъ возвратился, а другой, почитавшійся убитымъ, исключенъ изъ списковъ. Были они тогда оба въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, поручиками или штабсъ-капитанами. Когда старшій, получившій имѣніе брата, какъ наслѣдникъ, женился и дослужился до полковничьяго чина, то явился младшій, оказавшійся живымъ, но бывшій нѣсколько лѣтъ въ плѣну. Старшій братъ отрекся отъ него и не выдавалъ ему его имѣнія, утверждая, что братъ его умеръ. Сей послѣдній подалъ жалобу Государю, который приказалъ: «Умершаго полковника исключить изъ списковъ; брата же его поручика, возвратившагося изъ плѣна, произвести въ полковники. Имѣніе умершаго брата передать новому полковнику».

Иногда въ поступкахъ Павла проявлялось чудачество. Такъ на примѣръ, когда довѣренный Черниговскаго дворянства И. представилъ ему нѣсколько молодыхъ дворянъ своей губерніи для поступленія на службу, Павелъ былъ очень доволенъ и, обратясь къ И—му, сказалъ: «Сто душъ!». Тотъ упалъ на колѣна и приникъ головою къ землѣ. «Мало? Двѣсти!» Тотъ все лежитъ. «Мало? Триста! Мало? Пятьсотъ!» Лежавшему понравились эти прибавки, и въ его воображеніи уже рисовалась тысяча душъ, какъ вдругъ Императоръ, уже гнѣвно, произнесъ «Мало? Ни одной!!» И это было буквально вѣрно, потому что И. конечно не чувствовалъ тогда въ себѣ и своей собственной.

Государь Николай Павловичъ любилъ кадетъ и былъ чрезвычайно заботливъ объ ихъ воспитаніи. Онъ нерѣдко посѣщалъ кадетскіе

корпуса въ ночное время и обходилъ спальныя комнаты. Замѣтивъ спавшаго кадета скорчившимся, онъ стягивалъ одѣяло. Разъ, въ одно изъ такихъ посѣщеній перваго кадетскаго корпуса, замѣтивъ кадета сидящаго за книгой, онъ прямо подошелъ къ нему, взялъ у него книгу и посмотрѣлъ. Оказалось, что кадетъ приготовлялъ урокъ. «Не время», сказалъ Государь, «теперь надо отдыхать. Ложись, спи!»

Когда институтокъ привозили къ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, императоръ Николай Павловичъ разспрашивалъ ихъ о семьѣ, о службѣ отцовъ и проч. Разъ, въ бытность тамъ одной моей знакомой (тогда воспитанницы Екатерининскаго института) подали шоколатъ, причѣмъ дѣвочки сидѣли всѣ на коврѣ вокругъ Императрицы. Государь сѣлъ съ ними же и бесѣдовалъ, а когда вставалъ съ пола, то замѣтилъ: «Эхъ, старость—не радость: садиться-то легко, а вставать трудненько».

По преданію, жена Леонида Спартанскаго на замѣчаніе одной чужестранки, что только Спартанки повелѣвають мужьями, отвѣчала: «потому что только мы рожаемъ мужей». Этотъ мудрый отвѣтъ, пробѣжавъ вѣка, бьетъ поучительною стороною своею въ жизнь всякаго народа. Первоначальное воспитаніе ребенка, принадлежащее матери, кладетъ основы нравственнаго его склада. Вотъ гдѣ высокая роль женщины. Еще выше эта задача въ царственной женѣ. Предъ нами прошла тихо, какъ бы незамѣтно, жизнь въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны. Память о ней составляетъ священное достояніе царственной семьи; но по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя проникаютъ въ общество, можно съ увѣренностію утверждать, что, по мѣрѣ знакомства съ жизнію почившей Государыни, ея образъ яснѣе и ярче будетъ выдѣляться на исторической картинѣ прошедшаго.

Принявъ православіе въ силу основныхъ законовъ Имперіи, императрица Марія Александровна не удовлетворялась наружнымъ выполненіемъ обрядовъ; она стала изучать церковъ и сдѣлалась самою ревностнѣйшею ея дочерью и, можно сказать, защитницею. Ея жажда къ духовному просвѣщенію изумительна. Когда она была уже больна, и доктора предписали ей ложиться въ 11 часовъ въ постель, она отъ одиннадцати часовъ оставалась одна и предавалась чтенію книгъ богословскаго содержанія. Въ послѣдній проѣздъ ея въ Крымъ черезъ Кіевъ, гдѣ восторженно привѣтствовалъ ее народъ, она никого не принимала. Состоявшая при ней г-жа М. прислала отъ ея имени къ

А. Н. Муравьеву списокъ книгъ, прося прислать ихъ Императрицѣ. Нѣкоторыхъ изъ этихъ книгъ не только не оказалось въ библіотекѣ Андрея Николаевича, но даже во всемъ Кіевѣ, гдѣ духовная академія! Муравьевъ вмѣсто нихъ прислалъ другія. Г-жа М. пріѣзжала къ нему и благодарила его отъ имени Государыни ¹⁾.

А. Н. Муравьевъ, живя въ Кіевѣ, можно сказать, стоялъ на стражѣ православія. Его трудами и настойчивостію возобновленъ и спасенъ отъ разрушенія великолѣпный храмъ Андрея Первозваннаго. Онъ съ Аеоны привезъ туда ступню св. Апостола, а въ Десятинную церковь икону святителя Николая съ частію св. мощей его. Онъ настаивалъ на возобновленіи Межигорья. По поводу разрѣшенныхъ Безакомъ маскарадовъ по субботамъ въ увеселительномъ саду онъ воевалъ съ Безакомъ, хотя безуспѣшно. Съ самимъ митрополитомъ Арсеніемъ иногда вступалъ онъ въ рѣзкую переписку, напримѣръ, по поводу освѣщенія Лаврской колокольни (что дѣлается только разъ въ году на Св. Пасху) во время ночной прогулки по Днѣпру генераль-губернатора. И сдѣлонъ подчасъ приходился онъ властямъ. Но тѣмъ не менѣе, когда одно высокопоставленное лицо спросило митрополита Арсенія: «какую обязанность здѣсь несетъ Муравьевъ?» — «Защитника православія», отвѣчалъ митрополитъ ²⁾.

Въ началѣ этого столѣтія въ Уфѣ былъ архіерсеиъ Аркадій. Онъ каждый праздникъ говорилъ поученія безъ приготовленій. Его поученія были обличительнаго характера и касались личностей. Дамы въ то время носили платья по модѣ временъ директоріи. Въ такихъ нарядахъ три-четыре губернскія аристократки являлись въ соборъ, гдѣ ихъ красивыя фигуры привлекали взоры публики. Преосвященный, въ обычное время, вышедъ для поученія изъ алтаря, обратился прямо къ дамамъ со слѣдующею рѣчью: «Вы приходите въ храмъ Бога живаго не для того, чтобы преклоняться передъ Нимъ въ духѣ и истинѣ, а становитесь какъ идолы въ капищѣ, желая, чтобы вамъ поклонялись» ³⁾.

¹⁾ Отъ Андр. Ник. Муравьева.

²⁾ Отъ М. О. Семенова.

³⁾ Отъ г-жи Благуниной.

Пріѣхалъ въ Уфу одинъ помѣщикъ, очень толстый, что тогда не было рѣдкостью. Является онъ къ губернатору и говоритъ, что думаетъ съѣздить въ соборъ на архіерейское служеніе.—«Не совѣтую,» говоритъ губернаторъ, «подниметь васъ на зубъ».—«Да помилуйте, в. п—во, вѣдь онъ меня совсѣмъ не знаетъ».—«Ну, вотъ увидите. Я уже не ѣзжу на его служеніе. Что за охота? Какъ увидить меня, такъ непременно на мой счетъ скажетъ проповѣдь». Толстякъ-помѣщикъ на другой день, не смотря на предостереженіе, былъ въ соборѣ и, чтобы ближе видѣть архіерея, пробрался впередъ. Говорятъ: «въ тучномъ тѣлѣ не обитаетъ благодати»; повидимому помѣщикъ далъ тому нѣкоторое доказательство. Класть поклоны онъ не имѣлъ физической возможности, стоять ему было тяжело, и онъ то опирался на рѣшетку, то на трость и при томъ пыхтѣлъ какъ самоваръ. Преосвященный вышелъ для проповѣди, облокотился на жезлъ и, обративъ взоры свои къ шипѣвшему самовару, началъ такъ свое пастырское слово: «О ты, разжирѣвъ, разтолстѣвъ и забывъ Бога живаго» и т. д. Такъ толстякъ-помѣщикъ познакомился со своимъ архипастыремъ *).

Въ 1819 году въ Казани былъ сильный пожаръ, истребившій половину города, начиная съ собора. Въ это время бабка моя жила въ Казани для воспитанія моей матери, ея единственной дочери. Квартировала она у соборнаго протодіакона, имѣвшаго въ центрѣ города (на Черномъ озерѣ) каменный двухъэтажный домъ. Хозяинъ передавалъ ей слѣдующее повѣствованіе. Въ соборѣ похоронили одного архіерея (имени его я не помню), послѣ чего святитель Гурій, св. мощи котораго тамъ почивали, неоднократно являлся во снѣ соборному духовенству, говоря съ упреками, чтобы убрали отъ него «пса смердящаго» и что онъ не можетъ лежать съ нимъ. Если вы не послушаете меня, говорилъ строго святитель, уйду отъ васъ. Встаю я утромъ, говорилъ рассказчикъ, и передаю женѣ видѣнный сонъ. Опять, говорю, святитель являлся. Вижу, будто иду въ соборъ къ утрени, а на встрѣчу мнѣ святитель. Я поклонился ему и спрашиваю: «куда святитель грядешь?» — «Ухожу, говоритъ, совсѣмъ отъ васъ. Вы не хотѣли меня слушать, не хотѣли убрать отъ меня нечестивца, а я не могу съ нимъ оставаться и ухожу». Только что я окончилъ рассказывать, надо бы къ утрени звонить, а я слышу набатъ. Я скорѣе выбѣгаю на улицу, вижу въ крѣпости дымъ валить. Бѣгу къ собору, а соборъ весь въ пламени, и святителя мы тамъ уже не обрѣли».

*) Отъ нея же.

Долго ходилъ въ Казани разсказъ, что святыя мощи ушли. Всѣ вѣрили этому, не допуская возможности истребленія ихъ пожаромъ. Послѣ того въ серебряной гробницѣ св. Гурія вставлена только частица мощей его въ крышѣ гроба. Деревянный же гробъ святителя цѣлъ и понынѣ служить предметомъ поклоненія.

Единоувѣрцы хлопотали, чтобъ дать имъ особаго епископа. Объ этомъ составлена была замѣтка, въ которой требовалась эта уступка во имя *любви христіанской*. Въ Бозѣ почившій Государь приказалъ записку передать митрополитамъ Григорію и Филарету, чтобъ они предварительно высказали свои мнѣнія. Митрополитъ Григорій отвѣчалъ очень рѣзко и выразилъ полнѣйшій отпоръ при готовности перенести личныя непріятности, а Филаретъ отвѣчалъ: «любы не безчинствуетъ».

Про Филарета ходитъ множество разсказовъ, обнаруживающихъ въ немъ высокую житейскую мудрость и глубокое знаніе человѣка. Приходитъ къ Филарету священникъ, совершенно разстроенный. «Владыко, я хочу сложить съ себя санъ.»—«Что тебя побуждаетъ?»—«Я недостойнъ сана, владыко, я палъ...»—«Зачѣмъ же впадаешь въ отчаяніе? Палъ, палъ, такъ вставай!» И дѣйствительно онъ всталъ и не только всталъ, но сдѣлался извѣстнымъ и достойнымъ пастыремъ.

Противъ одного священника было много обвиненій. Журналъ консисторіи о запрещеніи ему служить былъ поданъ Филарету на утвержденіе. Это было на страстной недѣлѣ. Филаретъ проживалъ тогда въ Чудовѣ монастырѣ. Онъ взялъ уже перо, чтобъ подписать журналъ, но почувствовалъ какую-то тяжесть въ рукѣ, какъ будто бы перо ослушалось его. Онъ отложилъ подписаніе журнала до слѣдующаго дня. Ночью видитъ онъ сонъ: передъ окнами толпа народа разнаго званія и возраста о чемъ-то громко толкуетъ и обращается къ нему. Митрополитъ подходитъ къ окну и спрашиваетъ, чего имъ надо? «Оставь намъ священника, не отстраняй его!» проситъ толпа. Впечатлѣніе этого сновидѣнія было столь сильно, что митрополитъ не могъ отдѣлаться отъ него по пробужденіи и велѣлъ позвать къ себѣ осужденнаго священника. «Какія ты имѣешь за собой добрыя дѣла, открой мнѣ,» обращается онъ къ нему. «Никакихъ, владыко», отвѣчалъ священникъ: «достоинъ наказанія.» Но владыка съ настойчивостію убѣждаетъ его подумать. «Помниаешь ли ты усопшихъ?» спрашиваетъ Филаретъ.—«Какъ же, владыко. Да у меня такое правило: кто подастъ разъ записочку, я ужъ постоянно на проскомидіи вынимаю по ней частицы, такъ что и прихожане ропщутъ, что у меня проскомидіи

дольше литургіи; а я ужъ иначе не могу.» Филаретъ ограничился переводомъ этого священника на другой приходъ, объяснивъ ему, кто былъ за него ходатаемъ. Это такъ тронуло священника, что онъ приложилъ стараніе къ исправленію своему и отличался потомъ примѣрною жизнію.

Филарету донесли на одного священника, что онъ поминаетъ самоубійцъ. Владыка призвалъ его къ себѣ и спрашиваетъ, правда ли это? «Правда, владыко.» — «Какъ же это ты такъ дѣлаешь?» — «По любви и состраданію. Богъ не запрещаетъ любить, а помиловать — это ужъ Его воля.» Посмотрѣлъ Филаретъ на священника, прочелъ въ лицѣ его выраженіе высокой христіанской любви и сказалъ со вздохомъ: «молись, братъ!»

—

Гдѣ-то я читалъ объ отзывѣ архіепископа Херсонскаго Иннокентія по поводу его проповѣди о милостынѣ; но рассказано не совсемъ такъ, какъ слышалъ я отъ современника. Это случилось въ бытность Иннокентія въ Харьковѣ. Одна дама, зайдя къ нему послѣ обѣдни и его проповѣди о милостынѣ, замѣтила ему: «В. п-во! Да вѣдь вы проповѣдуете коммунизмъ» — «Пожалуй,» отвѣчалъ преосвященный, «только мое ученіе разнствууетъ отъ западнаго. Западъ говоритъ: чтѣ твое, — то мое; а я говорю: чтѣ мое, — то твое.» ¹⁾

—

О преосвященномъ Филаретѣ Черниговскомъ было пророчество Саровскаго старца Серафима. Старшій братъ Филарета въ молодости имѣлъ намѣреніе принять монашество. Онъ пошелъ за благословеніемъ въ Саровъ къ дивному старцу. Филаретъ тогда былъ еще въ отроческомъ возрастѣ. Старецъ Серафимъ сказалъ ему: «Это только брату твоему Богъ далъ талантъ каждый мѣсяцъ по книгѣ изъ кармана выкладывать, а ты ступай домой и живи какъ Богъ велитъ» ²⁾.

Знаменитый поборникъ православія, архіепископъ Черниговскій Филаретъ перенесъ, бывъ епископомъ Рижскимъ, такое гоненіе отъ представителей власти въ томъ краѣ, что они не щадили распускать про него клеветы даже передъ Императоромъ. И долго въ Божѣ почившій Государь имѣлъ предубѣжденіе противъ Филарета. Такъ, назначивъ въ Черниговъ губернаторомъ Шабельскаго, онъ пред-

¹⁾ Отъ А. С. Порчинскаго.

²⁾ Отъ А. И. Ханско.

упреждалъ его о Филаретѣ съ весьма невыгодной стороны. Только когда онъ подписывалъ рескриптъ Филарету на орденъ Св. Александра Невскаго, бывшій оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода объяснилъ ему о заслугахъ Филарета передъ церковью и отечествомъ ¹⁾).

Послѣ Польскаго мятежа 1863 года въ Бѣлоруссіи, гдѣ до того были мировыми посредниками Поляки, я, какъ мѣстный Русскій помѣщикъ, въ числѣ другихъ получилъ приглашеніе «именемъ Русскаго Царя и Русскаго народа» принять эту должность. Назначенный посредникомъ, я поспѣшилъ пригласить священниковъ къ открытію приходскихъ школъ и чтобъ подвинуть ихъ на это дѣло, я представилъ къ наградамъ четырехъ священниковъ, которые по личному побужденію ранѣе того завели у себя школы. Губернаторъ Беклемішевъ препроводилъ мое представленіе къ архіепископу Евсевію. Но прошло немало времени, а о наградахъ нѣтъ и слуха. Преосвященный Евсевій былъ вызванъ къ присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ бытность зимою въ Петербургѣ я былъ у него и напомнилъ о наградахъ. «Да вы, гг. мировые посредники, нынче и на права епархіальныхъ архіереевъ посягаете.» — «Какъ, в. п-во? Да я думалъ, что вы довольны будете этой перемѣной.» — «Какъ такъ?» — «Да давно ли было, что хорошаго и полезнаго для церкви и паствы священника мѣшали съ грязью и разными происками добивались его перевода куда-нибудь въ глушь, а дурнаго поддерживали для соблазна прихожанамъ?» — «Да и вѣдь ваша правда,» сказалъ со вздохомъ архіепископъ. И всѣ священники получили награды, къ которымъ я ихъ представилъ.

А вотъ образецъ Польской нетерпимости и фанатизма. Былъ въ Могилевѣ архіепископъ Анатолій, добрый, ласковый, привѣтливый. Но сочиненіе его «объ отношеніяхъ Римской церкви къ прочимъ христіанскимъ церквамъ и ко всему человѣческому роду» какъ кость въ горлѣ стояло у Поляковъ. Обѣзжая епархію, онъ долженъ былъ имѣть ночлегъ въ с. Войнилахъ. Помѣщикъ С. ²⁾ принялъ его съ почетомъ. Преосвященный на утро, разставаясь съ хозяиномъ, благодарилъ за радушіе и уѣхалъ, призывая на домъ ихъ благословеніе Божіе. Но какъ только онъ выѣхалъ, кровать, на которой онъ спалъ, постель и бѣлье, все было вынесено на дворъ и предано сожженію. И это выполнялось тогда крѣпостною, православною прислугою!

¹⁾ При немъ въ томъ краю конечно бы не состоялась отиѣна предбрачныхъ росписокъ. П. Б.

²⁾ За участіе въ мятежѣ сосланъ потомъ въ каторжную работу.

Изъ кабинета Муравьева къ Вильнѣ вышелъ одинъ губернский предводитель, блѣдный и до того разстроенный, что не могъ произнести ни одного слова, хотя онъ извѣстенъ былъ умѣньемъ владѣть собою. Послѣ него вошелъ въ кабинетъ губернаторъ Беклемишевъ, которому Муравьевъ сказалъ: Передъ вами былъ тутъ *** и на колѣнахъ стоялъ. Я ему объявилъ, что для примѣра его велю повѣсить... Тутъ уйдетъ душа въ пятки и развѣ потому не ниже, что далѣе некуда.

Когда при императорѣ Николаѣ Павловичѣ совѣщались объ освобожденіи крестьянъ, князь Васильчиковъ былъ противникомъ этой реформы, а графъ Киселевъ горячо ее отстаивалъ. Споръ между ними, говорятъ, значительно обострился, и графъ Киселевъ упрекнулъ князя Васильчикова: «Вы потому, князь, *противъ* этой мѣры, что у васъ 8 т. душъ крестьянъ». — «А вы, должно быть потому, графъ, стоите *за*, что у васъ ихъ было 400, да вы и тѣмъ заблаговременно продали».

Въ бывшее время проживалъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губерніи помѣщикъ С. А. Пальчиковъ, выходка котораго противъ лѣснаго вѣдомства государственныхъ имуществъ (извѣстное объявленіе корнета Атуева) надѣлала немало шуму. Пальчиковъ отличался находчивостію. Поссорившись съ помѣщикомъ А***, онъ назвалъ его скотомъ. Въ то время власть въ провинціи была сосредоточена въ рукахъ губернатора, и всѣ учрежденія состояли въ прямой или косвенной отъ него зависимости, а потому по всякимъ дѣламъ съ жалобами обращались къ губернатору. Обратился къ нему и оскорбленный А***. Губернаторъ потребовалъ отъ Пальчикова объясненія. Пальчиковъ въ объясненіи своемъ, между прочимъ, пишетъ: «что А*** скоть, того я не говорилъ». Но первыя три слова онъ написалъ по поскорбленному, а въ концѣ сдѣлалъ оговорку, въ той формѣ какъ принято въ дѣловыхъ бумагахъ, а именно оговорилъ: «а что по подчищенному написано «что А*** скоть», тому вѣрить».

Ну, что было съ нимъ дѣлать?

И. Листовскій.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Императоръ Николай Павловичъ, осматривая Новогеоргіевскую крѣпость, спустился въ ровъ у Остроленскихъ воротъ и попалъ въ грязь. „Ну, тутъ бы можно было чѣмъ-нибудь подмостить“, замѣтилъ онъ. Такъ какъ этого по правиламъ фортификаціи не допускалось, то генералъ Денъ (строитель крѣпости) доложилъ, что это не полагается. Но Государю показалось будто Денъ желалъ объяснить, что на это неотпущено суммъ, и замѣтилъ: „Эхъ, гдѣ дрова рубать, тамъ щепки летятъ“.

На юбилей Московской Троицкой Духовной Академіи между святителями, желавшими почтить въ этотъ день своимъ присутствіемъ Академію, были архіепископы Ярославскій Нилъ и Тверской Филофей (впоследствии митрополитъ Кіевскій). Въ Москвѣ шелъ говоръ, что митрополитъ Филаретъ одного изъ нихъ прочитъ себѣ въ преемники. Но на кого именно долженъ пасть выборъ митрополита, этотъ вопросъ занималъ многихъ, въ томъ числѣ княгиню Дадіанъ. По возвращеніи митрополита отъ Троицы въ Москву, княгиня, съ цѣлю провѣрить слухъ, отправилась къ нему и стала разспрашивать о его гостяхъ, и какъ нашелъ онъ преосвященнаго Нила? Преосвященнаго Филофея? „Да какъ вамъ сказать?“ отвѣчалъ митрополитъ. „Нилъ говорилъ много, но сложивши всѣ его рѣчи оказывается, что нечего было и слушать; а Филофея и радъ бы послушать, да онъ все молчитъ“.

Преосвященный Филофей рассказывалъ однажды одному своему собесѣднику о проигрышѣ одного дѣла Нечерской Лавры. На замѣчаніе, почему онъ не перенесетъ дѣла въ Государственный Совѣтъ, митрополитъ отвѣчалъ: „Въ Государственномъ-то Совѣтѣ у насъ два лица только, которые близко принимаютъ къ сердцу дѣла церкви, это П. и Д. и, къ укору нашему, послѣдній Армянинъ“.

Аскетическая жизнь митрополита Филофея была всѣмъ хорошо извѣстна. Разъ, послѣ хиротоніи въ Александрѣ-Невской Лаврѣ одного епископа, по недостаточности средствъ его, митрополитъ приказалъ намѣстнику обычный обѣдъ приготовить на его митрополичій счетъ. Но вотъ какое явилось затрудненіе: день тотъ не только былъ постный, но даже съ воспрещеніемъ рыбы. Когда же намѣстникъ доложилъ, что поваръ беретъ изготвить такой обѣдъ, митрополитъ замѣтилъ: „Только чтобъ безъ

грѣха; помните“, добавилъ онъ улыбнувшись, „что будетъ Филоеѣй“. Сѣхались на обѣдъ, пригласили всѣхъ къ закускѣ. Крайне умѣренный въ пищѣ Филоеѣй, вооружившись вилокъ, произвелъ самую строгую ревизию всей закускѣ и, не найдя ничего запрещеннаго, сѣлъ за столъ.

При ослабленномъ постомъ и духовными подвигами организмъ, Филоеѣй не вынесъ страшнаго удара, поразившаго Россію въ первый день Марта 1881 года. Мозговой ударъ лишилъ его возможности служить. Но тѣмъ не менѣе у него сохранилась твердая память относительно привычныхъ подвиговъ поста и молитвы. Разъ въ Середу ему подали супъ на рыбьемъ бульонѣ, увѣривъ, что рыбы тутъ нѣтъ. Онъ взялъ немного супу на ложку, понюхалъ, посмаковалъ и, отодвинувъ тарелку, сказалъ своему послушнику: „не грѣши и меня въ грѣхъ не вводи“. Обѣдъ его ограничился нѣсколькими ягодами отвареннаго чернослива.

Мнѣ случилось быть въ Кіевѣ при его кончинѣ. Пять дней его тѣло лежало въ комнатѣ, которая обычно отапливалась. Вереницею шелъ народъ отдать послѣдній долгъ усопшему. Духота была такая, что свѣчи тухли; но тѣло лежало нетлѣннымъ. На шестой день, по переносѣ гроба въ великую лаврскую церковь, одинъ священникъ, поцѣловавъ его руку, открылъ воздухъ, и мы видѣли лицо спокойно уснувшаго челоуѣка. Будучи знакомъ съ усопшимъ и глубоко чтя его, наканунѣ сороковаго дня поминаенія, послѣ вечерни, я отправился на его могилу (въ Крестовоздвиженской церкви, въ ближнихъ пещерахъ) отслужить панихиду. Я засталъ тамъ рабочихъ, открывавшихъ временно закрытый склепъ. Послѣ панихиды, спустившись въ склепъ для поклоненія передъ гробомъ святителя, мы кромѣ этого гроба не встрѣтили ничего, что напоминало бы о тлѣніи.

Черниговскому архіепископу Филарету (Гумилевскому), при докладѣ о назначеніи одного богослова на священническое мѣсто, протоіерей о. Страдомскій доложилъ, что богословъ курильщикъ. „Ну, намъ съ тобою, старикъ, объ этомъ надо бы помалчивать: мы сами съ тобою нюхаемъ“.

Въ Виѣвѣ, близъ Троицко-Сергіевой Лавры, въ домѣ знаменитаго митрополита Платона, проводникъ-монахъ, показывая золотыхъ орловъ на потолокѣ въ гостинной комнатѣ, объясняетъ вамъ, что это подарокъ императора Павла своему наставнику Платону. Такое объясненіе вамъ покажется, конечно, крайне неудачнымъ. Чтѣ за странность, подумаете вы, четыре гипсовые двухглавые орла—подарокъ Императора! Происхожденіе же этихъ орловъ имѣетъ между тѣмъ историческое значеніе.

Пользуясь подозрительностію Павла, придворная интрига злоупотребляла этою слабостію добраго по природѣ Государа. Завидуя митрополиту Платону, котораго Императоръ отличалъ знаками особаго благоволенія и довѣрія, завистники желали уронить его въ глазахъ Павла. Извѣстно, что Императоръ велъ переписку съ Платономъ. Вотъ ему и сказали:

„Ваше Величество, вы все пишете Платону, а онъ мало цѣнитъ ваши письма; вѣдь онъ ими оклеиваетъ окна“. Павелъ вспылалъ, и подозрѣніе запало въ его душу. Пріѣхавъ въ Москву, онъ, неожиданно для Платона, прибылъ въ Визанію. Платонъ встрѣтилъ его съ радостію; но мрачный видъ Императора далъ понять изучившему его Платону, что онъ переживаетъ мучительное состояніе. „Веди меня по твоимъ комнатамъ“, сказалъ Императоръ. Платонъ его водить, а Императоръ все присматривается къ окнамъ.

— Ты не всё показалъ мнѣ комнаты!

— Государь! ты видѣлъ всё, отвѣчалъ Платонъ.

— Нѣтъ не всё, раздраженно возразилъ Императоръ.

— А если ты сомнѣваешься, Государь, возьми мелокъ и отмѣчай всякую дверь. Увидишь безъ отмѣтки дверь; ну, значитъ, тамъ не былъ.

Убѣдившись, что митрополитъ сказалъ ему правду, Павелъ, войдя въ залъ, открылъ ему причину своего страннаго поступка. „Мнѣ сказали, что ты моими письмами оклеиваешь окна“.

Митрополитъ опускается на колѣни и говоритъ: „Государь! Умоляю я тебя и теперь умоляю: не вѣрь ты клеветѣ. Она пагубна для тебя въ двойнѣ: пагубна какъ для человѣка, пагубна какъ для монарха“.

Тронутый искреннимъ словомъ своего духовнаго наставника, Павелъ бросился къ нему на шею, какъ стоялъ тотъ на колѣнахъ, и сталъ цѣловать его. Между тѣмъ Императрица, любовавшаяся до того изъ окна гостинной на Лавру, вдругъ оборотилась къ сторонѣ залы. Увидѣвъ, какъ императоръ Павелъ почти накрылъ собою стоявшаго на колѣнахъ митрополита, она бросилась туда.

„Что такое? Что такое?!“ отчаянно крикнула она.

Императоръ, понявъ ея ошибку, разсмѣялся. Онъ поднялъ митрополита и сказалъ ему: „Зови, владыка, своего повара, и заказывай ему обѣдъ; я буду у тебя обѣдать и останусь ночевать“. Императоръ былъ веселъ, осматривалъ мѣстность и весь день провелъ въ бесѣдѣ съ знаменитымъ святителемъ, а увѣжая на другой день, приказалъ ему въ гостинной комнатѣ, въ память его пребыванія и ночлега, устроить императорскіе гербы.

Исполнивъ это, Платонъ, въ память того же посѣщенія, поставилъ у дверей своего дома обелискъ съ извѣстною затѣйливою надписью.

Тогда же императоръ Павелъ выразилъ желаніе, чтобы въ Визаніи была духовная семинарія. Митрополитъ Платонъ отговаривался и неимѣніемъ помѣщенія, и тѣмъ, что въ Московской епархіи существуетъ уже двѣ семинаріи. Павелъ не возражалъ, а Платонъ успокоился, что-де убѣдилъ Государя. Но не тутъ-то было. Черезъ нѣкоторое время, къ немалому удивленію митрополита, прибылъ, по высочайшему повелѣнію, архитекторъ осмотрѣть мѣстность и составить для семинаріи планъ. Возраженія, значитъ, не приняты, и возражать болѣе не приходилось. Такимъ образомъ возникла Визанская семинарія.

Однажды докладываютъ митрополиту Платону, что хомуты на его шестерикѣ украдены, что ему нельзя выѣхать изъ Виѣаніи, а потому испрашивалось его благословеніе на покупку хомутовъ. Дѣло было осенью, грязь непролазная отъ Виѣаніи до Троицкой Лавры, да и къ Москвѣ немногимъ лучше. Митрополитъ приказываетъ вездѣ осмотрѣть, разузнать, кто въ этотъ день былъ и т. п. Все, оказалось, было сдѣлано безъ всякаго успѣха. Митрополитъ рѣшается дать благословеніе на покупку, но вскорѣ передумываетъ. Онъ распорядился, чтобы въ три часа, по троекратному удару въ большой Виѣанскій колоколъ, не только вся братія, но и всѣ рабочіе, даже живущіе въ слободахъ, собрались въ церковь и ожидали его.

Въ Преображенскомъ храмѣ, устроенномъ Платономъ по собственной его мысли, къ восточной сторонѣ примыкаетъ искусственно устроенная гора (Ѡаворъ). Въ нижнемъ ярусѣ ея поставлены иконы, устроены царскія и боковыя двери, а внутри престолъ. Придѣлъ этотъ сооруженъ во имя воскресенія Лазаря. По горѣ идутъ ступеньки, мѣстами разбросаны искусственные кусты и цвѣты, камни, а на верху золотая сѣнь: это придѣлъ Преображенія Господня. Къ нему примыкаютъ съ двухъ сторонъ хоры, опоясывающіе храмъ.

Въ четвертомъ часу доложили митрополиту, что всѣ собрались. Входитъ митрополитъ. Въ храмѣ уже полумракъ. Передъ царскими вратами въ придѣлѣ Лазаря стоитъ аналой, и передъ нимъ теплится единственная свѣча. Іеромонахъ, принявъ благословеніе владыки, начинаетъ мѣрное чтеніе псалтыря. Прочитавъ каѳисму, онъ останавливается, чтобы перевести духъ; а съ укрытаго мракомъ Ѡавора раздается звучный голосъ Платона: „Усердно ли вы молитесь?“

- „Усердно, владыка“.
- „Всѣ ли вы молитесь?“
- „Всѣ молимся, владыко“.
- „И воръ молится?“
- „И я молюсь, владыко“.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ окружающаго и отрѣшившись мысленно отъ житейскаго, воръ невольно проговорился. Воромъ оказался кучеръ митрополита. Запираться было нельзя, и онъ указалъ мѣсто въ оврагѣ, гдѣ спрятаны были хомуты.

А грязь долго еще затрудняла въ весеннее и осеннее время путниковъ, направлявшихся въ Виѣанію. Даже на площади передъ самою Лаврой вязли въ грязи. Въ 1856 году, передъ коронаціей въ Бозѣ почившаго императора, митрополитъ Филаретъ высказывалъ намѣстнику, архимандриту Антонію, свои опасенія: если пойдутъ дожди во время коронаціи, Государь долженъ будетъ по грязи подходить къ Лаврѣ.

- „А мы замостимъ“, сказалъ Антоній.
- „Дорого будетъ стоить“, замѣтилъ Филаретъ.

— „Да у меня на это есть деньги“.

— „Откуда?“

— „Недавно умеръ монахъ (такой - то) и умирая вручилъ мнѣ 30 т. р., сказавъ: брось ихъ въ грязь. Вотъ мы ихъ и бросимъ въ грязь и сдѣлаемъ сушу“.

Митрополить былъ очень доволенъ. На эти деньги вымостили Лаврскую площадь и устроили шоссе до Виѳаніи.

Митрополить Платонъ, живя въ Виѳаніи, одѣвался очень просто, ходилъ безъ клобука и безъ панагіи. Такъ приходилъ онъ и въ церковь Преображенія къ литургии. Разъ стоялъ онъ на хорахъ придыла Преображенія, а возлѣ него всталъ какой-то священникъ, не выдавшій никогда митрополита, къ которому имѣлъ дѣло. Передъ выходомъ съ Евангеліемъ причетникъ поставилъ свѣчу въ сѣверныхъ дверяхъ, а самъ, полагая, что пока будутъ читать „блаженни“, успѣетъ сбѣгать внизъ, побѣжалъ по лѣсенкѣ. Между тѣмъ діаконъ подходитъ съ Евангеліемъ къ сѣвернымъ дверямъ, а свѣчу некому повести. Митрополить, замѣтивъ это, говоритъ священнику: „возьми свѣчу, понеси“.—„Не подобаетъ“, отвѣчалъ батюшка: „я іерей“. Тогда митрополить идетъ самъ, беретъ свѣчу, преподноситъ ее, а по входѣ діакона въ алтарь, становится противъ царскихъ вратъ, пока священникъ преподавалъ благословеніе, затѣмъ относитъ свѣчу на южную сторону и, поставивъ ее на мѣстѣ, кланяется спѣсивому батюшкѣ: „а я митрополить!“

Извѣстный своею ученостію и краснорѣчіемъ, бывшій законоучитель и профессоръ философіи Казанскаго университета архимандритъ Гавріилъ былъ переведенъ въ Сибирь настоятелемъ какого-то монастыря. Жалуясь, что ему холодно, что онъ мерзнетъ, просилъ онъ бывшаго своего слушателя, служившаго тогда за оберъ-прокурорскимъ столомъ, В. И. Овчинникова перевести его въ Россію. Когда желаніе его было исполнено, онъ съ мѣста его новаго назначенія излилъ передъ нимъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ свою признательность: „14 Августа пріѣхалъ въ Архангельскій. Благодарю, благодарю покорнѣйше. За что—знаетъ сердце, молчить языкъ, течетъ слеза“...

Императоръ Александръ Благословенный, ѣхавъ въ саняхъ, замѣтилъ пьяненькаго солдата. „Становись назади“, сказалъ Государь, намѣреваясь довести его до казармъ или гауптвахты. Солдатъ сталъ на запяткахъ и ворчитъ. „Какъ съ Французомъ бились, такъ бывало только и слышишь: дѣтушки впередъ! дѣтушки впередъ! а теперь—становись назади“...

Передъ набожнымъ и благодушнымъ Государемъ, конечно, сейчасъ же представилась живая страница его исторіи, его слава, созданная героизмомъ Русскаго солдата, который можетъ пошатнуться пьяненькимъ, но не дрогнетъ передъ непріателемъ. Онъ велѣлъ остановиться и отпустилъ солдата.

Въ Сибири служилъ подполковникъ Деминъ. Съ нимъ былъ слѣдующій случай. Былъ онъ фельдфебелемъ въ Семеновскомъ, кажется, полку и потомъ выпущенъ офицеромъ въ Петергофскій батальонъ внутренней стражи. Какъ-то Государь Николай Павловичъ приказалъ всѣмъ нижнимъ чинамъ этого батальона выдать по рублю. Офицеры показали у себя въ строю болѣе солдатъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ и, на излишне-полученныя деньги устроили пирушку съ выпивкою. Деминъ возвращается съ пирушки рано утромъ, на веселѣ, растегнутый и встрѣчается съ Императоромъ.

— „Деминъ! Чтò это значить?“

— „Простите, Ваше Величество: покутили на вашъ счетъ“, просто-душно отвѣчалъ Деминъ.

— „Какъ на мой счетъ?“

— „Да показали больше солдатъ и на лишніи деньги кутнули. Простите, Государь“.

— „Ну, ступай скорѣе и проспись, да чтобы Великій Князь (Михаилъ Павловичъ) не узналъ объ этомъ; а то достанется вамъ всѣмъ“, сказалъ Государь.

Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, замѣтивъ на клиросѣ въ Екатерининскомъ институтѣ хорошій голосъ одной воспитанницы, спросилъ ея фамилію. Когда ему доложили, что это Долинская, принцъ припомнилъ, что въ Смольномъ есть тоже Долинская. „Это моя сестра“, сказала воспитанница. Пріѣхавъ послѣ того въ Смольный, онъ передалъ воспитанницѣ Долинской поклонъ отъ ея сестры, приказавъ написать ей письмецо, которое вызвался передать. Такъ это стало уже обычнымъ дѣломъ, и незабвенный принцъ принялъ на себя передачу корреспонденціи между разобщенными сестрами.

Нелюбимымъ, полагаю, занести въ лѣтопись нѣкоторые эпизоды для характеристики покойнаго главнаго начальника Кіевскаго края, Александра Романовича Дрентельна.

Бывъ на чихъ-то похоронахъ на Аскольдовой могилѣ, онъ пошелъ помолиться на могилахъ своей племянницы и служившаго у него 25 лѣтъ повара. Проходя мимо великолѣпнаго мраморнаго мавзолея, устроеннаго ген. П. надъ могилой жены и стбившаго, какъ говорятъ, болѣе 10 т. р., онъ обратился къ товарищу своего дѣтства г-лу Л., сказавъ: „Не одобряю я подобнаго расхода. Сколько добра можно было сдѣлать на эти деньги!“

Разъ, пріѣдя къ нему, я засталъ его въ первой пріемной комнатѣ сильно кого-то распекающимъ. Пройдя въ кабинетъ, я слышалъ, какъ онъ крикнулъ: „такъ смотрѣть у меня въ оба!“— „Я, можетъ быть не во-время пришелъ къ вамъ, Александръ Романовичъ“, сказалъ я, когда онъ вошелъ въ кабинетъ. „Всегда во-время“, отвѣчалъ онъ совершенно покойнымъ голосомъ. Изъ этого можно заключить, что строгость его была, но крайней мѣрѣ иногда, напускная.

А распекать онъ умѣлъ! Во время Еврейскихъ безпорядковъ въ Глуховѣ онъ собралъ Евреевъ и, обвиняя ихъ самихъ въ безпорядкахъ, такъ пробиралъ, что стоявшій передъ нимъ Еврей отъ страха упалъ въ обморокъ.

Кто жилъ въ чертѣ Еврейской осѣдлости, знаетъ хорошо, что всякій Еврей старается обойти законъ, а зажиточные съ наглостію ихъ нарушаютъ и всегда съ неуваженіемъ относятся къ власти, по большей части снисходительной. Но не таковъ былъ Александръ Романовичъ, чтобы позволять такія уклоненія. Онъ смотрѣлъ бдительнымъ окомъ на это. Одинъ миліонеръ, Еврей Бродскій сдѣлалъ деревянную пристройку къ деревянному же дому на Институтской улицѣ, гдѣ воспрещено производить деревянные постройки. На всѣ требованія полиціи объ исполненіи постановленія судебной власти, домовладѣлецъ отвѣчалъ полнымъ невниманіемъ. Узнавъ объ этомъ, Дрентельнъ приказалъ пожарной командѣ сломать пристройку. Когда явилась команда и приступила къ сломкѣ, явились и рабочіе, и въ одинъ день постройка была разобрана.

Княгиня Д. нанимала у одного разбогатѣвшаго Еврея самый большой и самый красивый домъ въ Кіевѣ. Проживъ годъ за границею и намѣреваясь вернуться въ Кіевъ, она просила князя Р. нанять ей прежде занимаемый ею домъ. Князь Р. самъ поѣхалъ къ Еврею. Еврей принялъ едва поклонившись и въ невѣжливой формѣ отказалъ, упомянувъ притомъ, что у него своя есть княгиня, которая занимаетъ домъ, разумѣя подъ княгинею свою дражайшую Еврейскую половину. Князь Р. передалъ, какъ было, Дрентельну. Тотъ отправилъ къ Еврею своего чиновника особыхъ порученій съ приказаніемъ немедленно къ нему явиться. „Можетъ быть, вы и чиновникъ ген.-губернатора; а можетъ быть, и нѣтъ. Можетъ быть, онъ и прислалъ васъ ко мнѣ; а можетъ быть, и нѣтъ. Когда получу отъ него приглашеніе на бумагѣ, явлюсь“, отвѣчалъ Еврей. Александръ Романовичъ отправилъ къ нему жандармскаго офицера сказать, что если онъ сейчасъ не явится, то будетъ приведенъ къ нему полиціею. Шутить было уже невыгодно, и Еврей, надѣвъ фракъ и бѣлый галстукъ, отправился къ ген.-губернатору. Снявъ въ прихожей пальто, онъ было отправился въ пріемную; но ему преградили путь, предложивъ обождать здѣсь, т. - е. въ прихожей. Походилъ Еврей, постоялъ, усталъ и сѣлъ на нары, гдѣ сидѣли жандармы. Наконецъ, проситъ онъ напомнить о себѣ, доложить. Ему говорятъ, что доложено и что надо подождать. Сконфуженный Израильтанинъ думаетъ, не уѣхать ли ему домой; къ тому же рысаки его нетерпѣливо бьютъ копытами о мостовую у подъѣзда генераль-губернаторскаго дома. Но опасеніе за благополучный исходъ такой дерзости беретъ верхъ. Время томительно проходитъ для него до 9 часовъ вечера, когда вышелъ генераль-губернаторъ. Объясненіе было таково, что Еврей

нашелъ невозможнымъ оставаться въ Кіевѣ, потому что было „совѣстно людямъ глаза показывать“.

При всеобщемъ поклоненіи передъ Еврейской мощной, набитой кровными Русскими деньгами, строгое требованіе законности и уваженія, сбивающее спѣсь разбогатѣвшаго еврейства—явленіе утѣшительное.

Александръ Романовичъ говаривалъ, что смерть его будетъ внезапная и что близкіе не будутъ ее видѣть. Находясь въ знаменательный день 15-го Іюля 1888 года въ Кіевѣ, я почти былъ свидѣтелемъ его смерти. Александръ Романовичъ былъ служака въ полномъ смыслѣ, неуклонно-точный, исполнительный и требовательный, но справедливый; онъ, можно сказать, всегда былъ на службѣ. 15-го Іюля стояла тропическая жара. Онъ самъ объѣзжалъ войска. Когда онъ окончилъ уже объѣздъ, замѣтили, что лошадь его разомъ повернула на право. Это показалось страннымъ. Сейчасъ же тѣло его стало склоняться на правую сторону и, наконецъ, бездыханнымъ онъ упалъ на мостовую. Такъ умеръ онъ на конѣ, при отпириваніи служебныхъ обязанностей! Въ минуту вѣсть о его кончинѣ облетѣла всю стотысячную толпу. И сто тысячъ головъ обнажилось, и сто тысячъ молитвъ вознеслось къ Творцу о упокоеніи его души. Какая славная смерть!

Во всѣхъ актахъ Сѣверо-Западнаго края, при господствѣ Польскаго дворянства, крестьяне назывались не душами, какъ въ Россіи, а головами. Такъ передъ нами старый планъ генеральнаго межеванія со слѣдующею надписью: „Могилевской губерніи, Рогачевской округи, деревень Бабицъ и Новинówki.... по послѣдней переписи мужскаго и женскаго полу, *головъ*“ и т. д. Эта форма составилаcя несомнѣнно вслѣдствіе отношенія и взгляда на крестьянское населеніе у Польской помѣстной шляхты, на языкъ которой не было иного опредѣленія крѣпостнаго крестьянства, какъ словомъ *bydło* (скотъ).

Такое отношеніе къ людямъ, при томъ въ потѣ лица трудившимся для благосостоянія своего пана, не составляетъ ли одну изъ причинъ потери Польшею ея самостоятельности?

И. С. Листовскій.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ.

Императоръ Николай Павловичъ былъ большимъ знатокомъ живописи. Въ большой гостиной С.-Петербургскаго митрополита въ Невской Лаврѣ поражаетъ колоссальная картина работы Боровиковскаго, изображающая св. муропомазаніе Елисаветы Алексѣевны передъ вступленіемъ ея въ бракъ съ Александромъ Павловичемъ. На первомъ планѣ митрополитъ Гавріилъ, совершающій св. таинство и передъ нимъ колѣнопреклоненною великая княжна. Близъ него императрица Екатерина II, цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ супругою, в. к. Александръ Павловичъ, в. к. Константинъ Павловичъ, а вокругъ нихъ придворные. Всѣ написаны въ натуральную величину. Картина въ высшей степени художественна. На вопросъ мой, какъ она сюда попала, покойный митрополитъ Палладій сказалъ: „А вотъ такой же вопросъ сдѣлалъ императоръ Николай Павловичъ митрополиту Серафиму. Послѣдній ему объяснилъ, что она подарена императоромъ Павломъ митрополиту Гавріилу, совершавшему св. таинство. Императоръ долго любовался этою картиной. Замѣтивъ, что картина очень понравилась Государю, митрополитъ предложилъ ее принять. „Нѣтъ, нѣтъ,“ сказалъ императоръ, быть ей тамъ, гдѣ поставлена“.

Въ этомъ отказѣ сказалась высокая черта характера Императора, но не повлекла ли она его въ ошибку? Будь картина эта въ Эрмитажѣ или нынѣ въ Музеѣ императора Александра III, она была бы общимъ достояніемъ; теперь же ею могутъ любоваться лишь не многія лица. Картина эта цѣнна своимъ историческимъ содержаніемъ, точнымъ изображеніемъ историческихъ лицъ, наконецъ, цѣнна, какъ свидѣтельство о высокомъ состояніи Русской живописи еще въ концѣ XVIII столѣтія.

И. Листовскій.

ИЗЪ НЕДАВНЕЙ СТАРИНЫ *).

Имѣвъ случай довольно часто бесѣдовать съ покойнымъ архимандритомъ Игнатіемъ, настоятелемъ Сергіевой пустыни, чѣмъ подъ Петербургомъ, я былъ увлекаемъ его простой, безыскусственной рѣчью, каждое слово которой дышало искренностью. Такъ какъ нѣкоторыя черты изъ сообщеннаго имъ имѣютъ историческое значеніе, я счелъ умѣстнымъ передать ихъ печати, и болѣе по увѣренности, что онъ не оставилъ Записокъ. По крайней мѣрѣ, почтенный старецъ говорилъ мнѣ съ соболѣзнованіемъ: „ахъ, если бы я имѣлъ талантъ писательскій, сколько бы могъ я написать интереснаго изъ бесѣдъ съ высочайшими особами!“ Я замѣтилъ ему, что правдивая и простая рѣчь имѣетъ свою цѣнность. Дайте намъ факты, а къ чему намъ ваше краснорѣчіе? Заставьте кого-нибудь писать, а сами передавайте ему все, чѣмъ помните. Старецъ недолго послѣ того и пожилъ; а потому думаю я, что не могло быть у него Записокъ, хотя замѣчаніе мое заставило его призадуматься. Отъ него узналъ я, что у него хранилось болѣе сотни высочайшихъ телеграммъ, а отъ членовъ высочайшей фамиліи болѣе 500. „Подшили ли вы ихъ по порядку, о. архимандритъ?“ спросилъ я. „А вотъ займусь этимъ теперь“. Сдѣлано ли это, не знаю. Но телеграммы имѣютъ тоже большую цѣнность, какъ свидѣтельства о благочестіи нашихъ царей. Нельзя не пожалѣть, если они окажутся утраченными.

Предмѣстникомъ архимандрита Игнатія былъ архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ. Чѣмъ побудило послѣдняго перемѣнить саблю на монашескую рясу, мнѣ неизвѣстно. Но, по словамъ старца, императоръ Николай Павловичъ замѣтилъ Брянчанинова въ числѣ братіи (въ какомъ именно монастырѣ, не помню). „Батюшка! Вѣдь я тебя знаю“, сказалъ Императоръ, обратясь къ нему.

„Я Брянчаниновъ, Ваше Императорское Величество!“

„Ну, такъ, такъ, Брянчаниновъ! Какъ мнѣ тебя не знать?“

По пути изъ монастыря Государь обратился съ вопросомъ къ графу Орлову: „Какъ бы намъ Брянчанинова пристроить въ Петербургъ?“

*) См. выше, стр. 136.

„А что же, Ваше Величество, настоятелемъ Сергіевой пустыни можно бы назначить“.

Государь, замѣтно обрадовавшись этой мысли, сказалъ ему: „именно такъ“.

Архимандритъ Игнатій двѣнадцати лѣтъ былъ привзнесенъ къ Брянчанинову своимъ отцомъ, Московскимъ купцомъ. Тотъ взялъ его къ себѣ въ послушники и, замѣтивъ у него наклонность къ живописи, далъ ему возможность въ ней совершенствоваться.

Между тѣмъ императоръ Николай Павловичъ не переставалъ выражать свое благоволеніе о Брянчанинову и ежегодно, проѣздомъ въ Петергофъ и обратно съ императрицей Александрой Феодоровной, посѣщалъ его и купалъ у него чай. Императрица же Александра Феодоровна всегда заходила въ келію юнаго послушника посмотрѣть на его работу и всегда милостивымъ словомъ поощряла его трудъ.

Талантъ архимандрита Игнатія во всей силѣ обнаружился, когда онъ сталъ преемникомъ о. Брянчанинова по управленію пустыней. Въ пустыни стали по его планамъ воздвигаться замѣчательныя сооруженія; наконецъ, по его же чертежамъ воздвигнуть храмъ Воскресенія, въ Петербургѣ, на мѣстѣ мученической кончины императора Александра II-го *).

*

Кстати здѣсь передать разсказъ покойнаго архіепископа Херсонскаго Дмитрія объ оригинальномъ его путешествіи изъ Кіева въ Петербургъ по волю императора Николая Павловича.

При посѣщеніи императоромъ Николаемъ Павловичемъ Кіева, митрополитъ Филаретъ представлялъ ему ученую корпорацію, въ числѣ коей былъ и Дмитрій, тогда архимандритъ и ректоръ Кіевской Духовной Академіи. Государь во время представленія неоднократно оборачивался въ сторону Дмитрія и смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Все это замѣтили. Прибывъ въ Петербургъ, онъ сказалъ Императрицѣ: „Вотъ я видѣлъ монаха въ Кіевѣ! Я желаю, чтобы онъ непременно благословилъ нашихъ дѣтей“. Вскорѣ Дмитрію была объявлена воля Государя прибыть ему въ Петербургъ. Когда былъ онъ введенъ въ кабинетъ Государя, онъ увидѣлъ тамъ царственную чету со всѣми дѣтьми. „Батюшка! сказалъ Государь, мнѣ желательно было очень, чтобы ты благословилъ нашихъ дѣтей“. Смиренно исполнивъ желаніе Императора, Дмитрій возвратился въ Кіевъ.

Говорятъ, „глаза—зеркало души“. Въ глазахъ пресвященнаго Дмитрія отражались высокія свойства души его: смиреніе, незлобіе, доброта и подъ покровомъ ихъ глубокій умъ. О его добротѣ существуетъ много раз-

*) Раскраска главъ этого храма врядъ ли была придумана архимандритомъ Игнатіемъ: она оскорбительно не соответствуетъ памяти ужаснаго событія, II. 15.

сказовъ. Какъ образчикъ, приведу слѣдующій. Когда онъ былъ архіепископомъ Волынскимъ, разъ приходитъ къ нему дама въ слезахъ, просить помочъ ей въ крайней нуждѣ. „Вѣрьте—ни копейки не имѣю. А вотъ что: я приглашенъ завтра на погребеніе, потружусь на ваше счастье; что дадутъ—то ваше. А вы въ 4 часа придите“.

Въ 4 часа дама получаетъ отъ владыки нераспечатанный пакетъ. Но въ скоромъ времени она возвращается съ пакетомъ и взволнованная говоритъ: „Владыка! Да вѣдь тутъ тысяча рублей!“—„Ахъ, ахъ, ахъ, укоризненно замѣтилъ владыка, а мнѣ какое дѣло? Вѣдь я сказалъ вамъ, что потружусь на ваше счастье; ну Господь вамъ послалъ, Его и благодарить вамъ слѣдуетъ“.

Смирненіе у него было замѣчательное. Когда вышло „Догматическое Богословіе“ пр. Макарія, бывшіе ученики Димитрія узнали въ этомъ произведеніи лекціи Димитрія. Несомнѣнно, онъ самъ это понималъ; но никто и никогда отъ него о томъ не слышалъ. Между тѣмъ, бывший профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи архимандритъ Никаноръ (скончавшійся архіеп. Херсонскимъ), съ профессорской кафедры произнесъ, что „Догматическое Богословіе“ Макарія есть собственно компиляція лекцій преосв. Димитрія. Это обличительное слово долетѣло до Макарія, что, говорятъ, небезслѣднымъ прошло для Никанора.

*

Отъ природы прямой до рѣзкости, воспріимчивый Никаноръ принималъ къ сердцу близко неправду и служебныя неудачи, и они падломили его духъ. Такъ мнѣ извѣстень отъ его родственника, протоіерея о. Александра Бекаревича, одинъ случай, когда у Никанора сорвалось это сознаніе. Онъ съ о. Бекаревичемъ, какъ и родители ихъ, были въ большой дружбѣ. Еще въ Семинаріи, Никаноръ намѣтилъ себѣ путь, которымъ и шелъ до смерти и постоянно уговаривалъ своего друга поступить въ Академію и принять монашество. Но о. Бекаревичъ былъ непоколебимъ: окончивъ семинарскій курсъ, онъ принялъ священство, долгое время былъ полковымъ священникомъ, потомъ служилъ при военномъ госпиталѣ. Преосвященный же Никаноръ не переставалъ упрекать его, что онъ не послушалъ его совѣта. Наконецъ о. Александръ, послуживъ довольно, подалъ ходатайство объ увольненіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать о пенсіи, которая его вполне обезпечила. Въ это самое время Никаноръ, уже архіепископъ Херсонскій, присутствовалъ въ Св. Синодѣ. Прощался съ о. Александромъ (какъ оказалось, въ послѣдній разъ въ жизни), онъ сказалъ ему: «да, ты былъ счастливѣе меня!»

*

Благолѣпное служеніе въ Сергіевой пустыни, прекрасное пѣніе привлекало туда многихъ иностранцевъ, преимущественно Англичанъ,

жившихъ на дачахъ по сосѣдству съ пустыней. Архимандритъ Игнатій былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Великобританскими послами, а съ лордомъ Непиромъ даже друженъ. Послѣдній просилъ его, въ случаѣ смерти его въ Петербургѣ, похоронить его въ пустыни. Одинъ изъ пословъ, узнавъ отъ своихъ соотечественниковъ, что они ни разу не были въ пустыни, выразилъ имъ свое удивленіе. «Какъ же это? Да тамъ такое богослуженіе, такъ поютъ, что праздника пропустить не хочется, не побывавъ у обѣдни». И вотъ, каждый воскресный день, каждый праздникъ, экипажей десять съ иностранцами подъѣзжало къ вратамъ обители. И замѣтно было, что посѣщенія эти, вызванныя въ началѣ любопытствомъ, все яснѣе и яснѣе выражали другую цѣль: многіе Англичане, по примѣру почтеннаго посла своего, просили также похоронить ихъ въ пустыни, и многіе въ стѣнахъ обители получили вѣчное упокоеніе.

*

Въ 1877 году, когда гвардія отправлялась на войну, архимандритъ Игнатій встрѣчалъ, проходившія мимо пустыни войска съ крестомъ, провожалъ съ молитвой, окроплялъ св. водой и, кажется, благословлялъ крестиками. Въ Петербургѣ никто этого не сдѣлалъ. Конечно, распорядиться слѣдовало митрополиту. И не нашлось, видно, никого, кто бы ему о томъ напомнилъ: у всякаго мысли, знать, вращались въ кругу собственныхъ дѣлъ.

Когда возвращалась гвардія, не помню кто именно былъ присланъ къ архимандриту отъ Государя передать, что его величеству очень пріятно узнать, что онъ благословлялъ гвардію на пути въ Турцію и что Государю онъ доставилъ бы удовольствіе, встрѣтивъ ее также. «Да я счастливъ, если дозволяетъ Государь: мнѣ самому вѣдь это было желательнѣе. Вотъ я и встрѣтилъ».

«На Рождествѣ я самъ-шесть и митрополитъ самъ-шесть обыкновенно являемся во дворецъ славить Христа. Съѣхался мы вмѣстѣ. Государь взялъ меня за обѣ руки и благодарить, и много что-то говорить, а меня не отпускастъ и все, я понимаю, благодарить меня. Я заѣхалъ къ генералу Б. и передаю.

«А что, говорить, вамъ Государь говорилъ?»

— А хоть убейте, ничего не знаю, потому что думалъ все объ одномъ: какъ бы онъ меня поскорѣе выпустилъ, потому: тутъ митрополитъ стоитъ; онъ ему ни слова, а меня такъ благодарить. Очень ужъ мнѣ было неловко».

— «Жалко, сказалъ генераль В., слѣдовало бы записать».

Императоръ Александръ Николаевичъ также посѣщалъ пустынь съ Императрицей. Однажды Императрица, имя которой такъ дорого по воспоминаніямъ о ея глубокомъ благочестіи и любви къ церкви, спросила архимандрита: «Батюшка, трудно я думаю, управляться вамъ съ монастыремъ? Погляжу я: монахи у васъ все молодые». — «Какъ тутъ управляться-го, ваше величество? Придетъ вечеръ, и благодаришь Господа: Его дѣла... а человѣку, тутъ дѣлать нечего». Сейчасъ понявъ глубокій и назидательный смыслъ этой простой рѣчи, Государыня съ глубокимъ монашескимъ поклономъ сказала ему: «благодарю васъ, батюшка».

Бракъ Государя соединяетъ его съ его супругою, какъ и всякій христіанскій бракъ; но Государыня, при священномъ вѣчаніи на царство ея супруга, черезъ таинство миропомазанія получаетъ сугубую благодать и становится вѣрнѣйшею, Богомъ благословенной, споспѣшницею Царя. При этомъ Царь возлагаетъ и на нее вѣнецъ въ символъ того, что она вѣнчается государству и отнынѣ его благо для нея становится выше ея собственнаго.

Уже одно то, что она заботится устроить своему царственному супругу домашній очагъ, гдѣ онъ получаетъ отдыхъ и покой послѣ тяжелыхъ трудовъ своихъ, составляетъ заслугу ея передъ государствомъ; но мы не можемъ не замѣтить случаевъ, когда въ ея участіи выражается непосредственное благодатное воздѣйствіе свыше, когда она становится орудіемъ воли Божіей. Надо приять во вниманіе, что до насъ можетъ дойти развѣ только сотый случай, а потому болѣе едничные случаи должны отмѣчаться въ нашей памяти. Къ числу такихъ случаевъ принадлежитъ назначеніе пр. Филофея митрополитомъ Кіевскимъ. Филофеемъ, строгій блюститель церкви и аскетъ, былъ самымъ серьезнымъ оппонентомъ покойнаго оберъ-прокурора Св. Синода графа Толстого противъ задуманной спмъ послѣднимъ церковной реформы. Потому ли, что онъ былъ слишкомъ неподатливъ, не знаю, но когда скончался митрополитъ Кіевскій Арсеній, Филофеемъ не былъ помѣщенъ въ списокъ лицъ, представленныхъ Государю кандидатами на мѣсто Кіевского митрополита. Императрица Марія Александровна, принимавшая близко къ сердцу дѣло церковное, спросила Государя, кто представленъ Синодомъ? Государь показалъ ей списокъ. «Почему же здѣсь не помѣщенъ архіепископъ Тверской Филофеемъ? По своей подвижнической жизни и высокому благочестію, онъ всего болѣе удовлетворяетъ этому назначенію», замѣтила Императрица. Тогда толь-

ко Государь обратилъ вниманіе на этотъ крупный пропускъ и тутъ же на полѣ доклада написалъ: «Флоося Тверскаго».

Кстати сказать, кому обязаны мы тѣмъ, что реформы, по планамъ которой все приходское духовенство, а черезъ него и народная совѣсть, подчинялись оберъ-прокурору, при посредствѣ особыхъ его агентовъ, не дано хода. Исторію эту я слышалъ отъ А. Н. Муравьева. Когда проектъ былъ напечатанъ, экземпляры его были разосланы по епархіямъ, дошелъ одинъ и до А. Н. Муравьева (впрочемъ, добыть ихъ было нетрудно). Прочитавъ проектъ, Андрей Николаевичъ возмущился и написалъ записку, которую и отправилъ къ великому князю Константину Николаевичу. Великій князь былъ исполнѣ церковнымъ человѣкъ: онъ былъ всею душою преданъ церкви, въ совершенствѣ зналъ церковную службу, всѣ уставы церкви *). При своемъ обширномъ умѣ, конечно, онъ сразу далъ настоящую цѣну этому труду. Возмущенный, быть можетъ, не менѣе Муравьева, онъ отправился къ Государю и въ горячихъ выраженіяхъ объяснилъ дѣло. Понявъ хорошо суть его, Государь успокоилъ своего царственного брата, сказавъ, что проектъ не будетъ имъ утвержденъ.

Между тѣмъ графъ Толстой представилъ Государю списокъ лицъ, трудившихся надъ составленіемъ проекта, просилъ удостоить ихъ наградъ. Государь, отложивъ списокъ въ сторону, сказалъ: «Богъ знаетъ что тамъ натворили, да еще за это награждать!»

*

Покойный сенаторъ В. Г. Черноглазовъ передавалъ о двухъ случаяхъ въ его жизни, доказывавшихъ доброту и снисходительность покойнаго императора Александра II. Былъ онъ еще цесаревичемъ, а Черноглазовъ докладчикомъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Предсѣдатель Совѣта, князь Васильчиковъ, назначилъ засѣданіе въ Чистый Четвергъ. «Я буду приобщаться въ этотъ день и не могу поспѣть къ засѣданію», замѣтилъ цесаревичъ. «Какъ угодно, ваше высочество; но дѣло не терпитъ отлагательства».

Въ Четвергъ состоялось засѣданіе; дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, не оказалось. Засѣданіе окончилось, всѣ разошлись. Черноглазовъ спускается по лѣстницѣ, какъ ему навстрѣчу идутъ цесаревичъ и великій князь Михайлъ Павловичъ.

«А что, Черноглазовъ, окончилось?» спросилъ цесаревичъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, взглянулъ на свои часы и сказалъ: «Ну, я говорилъ, что не успѣемъ; я прямо изъ церкви».

*) Не можемъ забыть, какъ въ Оріандѣ случилось намъ услышать изъ устъ великаго князя большую молитву на освященіе церкви, которую съ такою любовью онъ строилъ изъ остатковъ сгорѣвшаго дворца своего. П. Б.

Желая познакомиться съ содержаніемъ докладовъ, цесаревичъ пригласилъ Черноглазова вернуться и прочитать ихъ.

Обыкновенно во время засѣданій докладчикъ сидитъ на особомъ стулѣ; но какъ это не было формальное засѣданіе, и великіе князья не заняли своихъ мѣстъ, а сѣли въ концѣ стола, то Черноглазовъ не призналъ за собою права сидѣть и сталъ читать стоя. «Сядьте, пожалуйста», сказалъ цесаревичъ. Черноглазовъ, не прерывая чтенія, глубокимъ поклономъ отвѣтилъ на милостивое къ нему обращеніе цесаревича. Тогда цесаревичъ тихо подошелъ къ стѣнѣ, взялъ стулъ, поставилъ Черноглазову и, взявъ его за плечи, усадилъ. «Вы устанете, сидите».

Второй случай былъ такой. Черноглазовъ жилъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ. Узнаётъ онъ, что въ Павловскѣ вывелась лисица и назначена цесаревичемъ охота. Самъ охотникъ, Черноглазовъ не утерпѣлъ, отправился въ паркъ. Утро было пасмурное, моросилъ дождь. Черноглазовъ въ шинели, подъ зонтикомъ, пробирается по тропѣ. Ему навстрѣчу попадаетъ графъ Ламсдорфъ. «А, Черноглазовъ, пойдемъ! Я тебя поставлю на такое мѣсто, откуда увидишь всю охоту и не встрѣтишь цесаревича». Пошелъ онъ по тропѣ, Черноглазовъ за нимъ. Но едва они отошли нѣсколько шаговъ, какъ очутились передъ цесаревичемъ. Графъ Ламсдорфъ, отдавъ честь, пошелъ, какъ ни въ чемъ не бывало, далѣе, а Черноглазовъ встрѣтился глазъ на глазъ съ цесаревичемъ.

«Черноглазовъ! сказалъ милостиво Александръ Николаевичъ, вы вѣдно здѣсь живете?»

Черноглазовъ подтвердилъ.

«Да вы не охотникъ ли?» спросилъ цесаревичъ.

«Охотникъ, ваше высочество. Это и побудило меня осмѣлиться посмотрѣть на охоту».

«Вотъ и прекрасно. А у насъ свободный есть номеръ. Егеръ, ружье!»

И такъ, Черноглазовъ не только не видѣлъ неудовольствія на лицѣ цесаревича, но даже принялъ участіе въ охотѣ, которая, однако, была въ тотъ разъ неудачною.

*

Осенью 1859 года случилось мнѣ быть въ Петербургѣ. На Большой Конюшенной сооружалось огромное зданіе Петропавловской лютеранской церкви, мѣсто это почти отъ Невскаго до Финской церкви было отгорожено досчатымъ заборомъ и при немъ устроенъ узенькій деревянный тротуаръ, на которомъ разойтись двоимъ было очень неудобно. На улицѣ была большая грязь. Передо мною, шагахъ въ пя-

тидесяти, шла убого одѣтая дама, изъ разряда называемыхъ салопницъ, а ей навстрѣчу военный, въ шинель. Я замѣтилъ, какъ военный на достаточномъ разстояніи отъ дамы сошелъ съ тротуара на грязную мостовую. Когда онъ поровнялся съ дамой, послѣдняя отдала ему глубокой поклонъ; онъ сдѣлалъ подъ козырекъ. Когда же онъ приближался ко мнѣ, пришлось мнѣ сойти съ тротуара: это былъ императоръ Александръ II-й.

*

Заключу настоящіе рассказы повѣствованіямъ, характеризующимъ «доброе старое время».

Вотъ, напримѣръ, Гоголевская сценка въ гор. Мензелинскѣ. Передъ Севастопольской войной былъ назначенъ въ Мензелинскъ окружнымъ начальникомъ молодой человекъ В. В. Петровъ. Воспитанникъ Казанскаго университета, умный, наблюдательный Петровъ, бывъ самъ Мензелинскимъ помѣщикомъ, легко подмѣтилъ слабости своихъ собратьевъ. Онъ написалъ въ стихахъ поэму, изобразивъ въ карикатурѣ помѣщиковъ, живущихъ въ уѣздѣ, и каждому послалъ по экземпляру, выбросивъ то, что лично касалось послѣдняго. Утѣха была всеобщая. Каждый восхвалялъ Петрова за забавную шутку и, пожалуй, немало возносился отсутствіемъ у него самого такой смѣшной стороны, которая запрашивалась бы въ ѣдкую сатиру.

Въ городѣ съѣзды; ѣдутъ помѣщики, а въ карманъ никто не забралъ свой списокъ поэмы. «Ну, братъ», говоритъ одинъ сосѣдь другому, вынимая изъ кармана свой списокъ, «отдѣлалъ же тебя Владимиръ!» — «Какъ меня? Да онъ обо мнѣ ни слова; а вотъ тебя, нечего сказать, отщелкалъ». Читаетъ. Первый, въ изумленіи, свѣряетъ со своимъ спискомъ; а тутъ подходитъ третій съ самодовольною улыбкой и говоритъ: «Это онъ только меня не тронулъ, потому что мы съ нимъ пріатели»... — «Какъ васъ не тронулъ? Да пріателю-то, кажется, больше всѣхъ досталось». Читаетъ о пріятелѣ. Пріятель сконфуженъ и въ досадѣ. Такимъ образомъ всѣ убѣдились, что Петровъ никого безъ вниманія не оставилъ. И прежде чѣмъ наступилъ общій смѣхъ, немало прошло минутъ досады и раздраженія.

Что же ожидало Петрова? «Ну, Владимиръ Васильевичъ, встрѣтившись съ нимъ, говоритъ помѣщикъ, слѣдовало бы на тебя сердиться, что ты изъ меня такую карикатуру сдѣлалъ; ну, да за сосѣда все прощается! Ну, душа моя, отдѣлалъ же ты его, вотъ отдѣлалъ!.. Спасибо тебѣ большое: потѣшилъ!» А сосѣдь его, встрѣчаясь съ Петровымъ, обращается къ нему: «Отпущеніе тебѣ, В. В., грѣха твоего передо мною за сосѣда: вотъ изобразилъ, ну, потѣха! А какъ бы ты видѣлъ его рожу, когда я ему изъ своего списка вычиталъ, что о немъ

говорится, такъ это умереть со смѣху!» И такъ, каждымъ былъ отпущенъ грѣхъ Петрову ради сосѣда.

*

Педагогическій Институтъ, нынѣ упраздненный, выпускалъ такихъ наивныхъ молодыхъ людей, которыхъ можно было сравнить съ институтками того времени. Одинъ изъ воспитанниковъ Института Өомина опредѣленъ былъ въ сороковыхъ годахъ на службу въ Уфу. Въ Субботу на 6-й недѣли Великаго поста онъ заѣхалъ къ моему брату (сверстнику ему по годамъ, но воспитаннику Университета) и засталъ его за туалетомъ. На вопросъ, куда собирается мой братъ, послѣдній пресерьезно ему отвѣчалъ: «Да вѣдь сегодня Лазарево Воскресенье». — «Такъ что же?» — «Какъ что? Лазаревы пмяниницы, надо поздравить». Поблагодаривъ судьбу, избавившую его отъ неловкости передъ Лазаревыми, Өомина отправился къ нимъ съ поздравленіемъ. Семья Лазаревыхъ состояла изъ старухи матери и трехъ дочерей. Всѣ онѣ, начиная со старухи, отличались умомъ, находчивостью и остротой. Өомина засталъ всѣхъ въ гостиницѣ. Всѣ его поблагодарили за вниманіе, повторивъ благодарность свою при прощаніи. Цѣпный Өомина испытывалъ, конечно, немало удовольствія отъ удачъ.

Прошло двѣ недѣли, наступила Өомина недѣля. Является отъ Лазаревыхъ къ Өомину посланный. «Барышни Лазаревы приказали кланяться и поздравить васъ съ пмянинамъ». Тогда только Өомина позналъ свою ошибку и шутку моего брата. Въ Понедѣльникъ является къ Өомину тотъ же посланный и привѣтствуетъ его тою же стереотипною фразой: «Барышни Лазаревы приказали кланяться и поздравить васъ съ пмянинамъ». Во Вторникъ—тоже, въ Среду—тоже; наконецъ, Өомина велѣлъ посланному впредъ отказывать, что барина иѣтъ дома; но тѣмъ не менѣе, до самаго Воскресенья прислуга докладывала, что посланный съ поздравленіемъ отъ барышень Лазаревыхъ приходилъ.

Въ первый же день, о поздравленіи, посланномъ Лазаревыми Өомину, знало почти все небольшое общество Уфы, составлявшее одинъ кружокъ. При живомъ общеніи и почти патріархальномъ бытѣ, Өомину приходилось ежедневно встрѣчаться со многими знакомыми, и вопросы, получилъ ли онъ сегодня поздравленіе отъ Лазаревыхъ еще болѣе раздражали его, чѣмъ самое поздравленіе. Эта злосчастная Өомина недѣля осталась очень памятною для Өомина.

И. С. Листовскій.